This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Vîazemskiĭ, P. A.
В-99

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

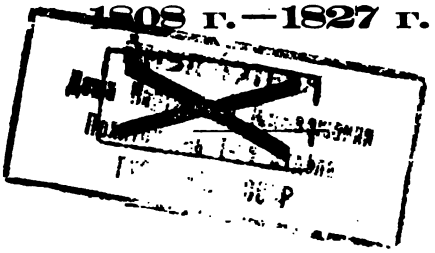
СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ПРОСМОТРЕНО 1947 г.

ТОМЪ III.

1808 г.—1827 г.



ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1880

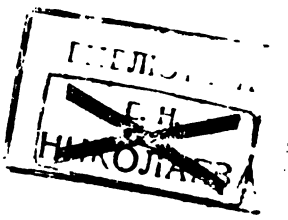
52 г.

PG 3447
V5
1878
v.3

(492)

143-21-58
МГУ Учебная
б-ка № 3

143-21-57
МГУ Учебная
б-ка № 3



Въ настоящемъ томѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія Князя П. А. Вяземскаго за первыя девятнадцать лѣтъ его литературной дѣятельности.

Матеріаломъ для изданія служили:

1) Рукописи самого поэта, Сборники его стихотвореній, составленные подъ его наблюденіемъ въ 1820—1822 годахъ, современные списки, часто съ собственноручными поправками автора и изрѣдка—съ его замѣчаніями.

2) Рукописные Сборники, составленные покойнымъ Княземъ Н. А. Долгоруковымъ и В. И. Межовымъ.

3) Старые Русскіе Журналы. Помѣщенныя въ нихъ стихотворенія извлечены при пособіи печатаемаго Академіею Наукъ библіографическаго труда С. И. Пономарева подъ заглавіемъ: *Хронологическій Указатель Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.*

Такъ какъ въ рукописяхъ при большинствѣ стихотвореній время ихъ сочиненія не означено, то основаніемъ для хронологическаго ихъ размѣщенія принято время появленія ихъ въ печати.

Завѣдывалъ изданіемъ настоящаго тома Ѳ. Н. Бергъ подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова и Я. К. Грота.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	Посланіе къ *** въ деревню	3
II.	Къ Нисѣ	6
III.	Эпиграмма (на стихи къ солнцу)	7
IV.	«Поэтъ, чтобъ быть великъ»	—
V.	На бракосочетаніе княжны Е. А. Вяземской	8
VI.	«Напрасно говорятъ, что будто Полидоръ»	11
VII.	«Я вѣкъ тебя хвалю»	—
VIII.	Молодой Эпикуръ	12
IX.	Объявленіе	13
X.	Быль въ преисподней	14
XI.	Къ портрету Меньшикова	—
XII.	Исторія человѣка	15
XIII.	Къ портрету Боброва	—
XIV.	Къ Эльвирѣ	16
XV.	Мих. Вас. Милонову	19
XVI.	Алексѣю Алексѣевичу Перовскому	20
XVII.	Признаніе	23
XVIII.	«Дидоны прелести Виргилій выхваляетъ»	24
XIX.	Къ моимъ друзьямъ Жуковскому Батюшкову и Сѣверину	27
XX.	Къ Жуковскому изъ Москвы	29
XXI.	Путь къ честности	31
XXII	Въ альбомъ Т. И. Остолоповой	32
XXIII.	Оправданіе Вольтера	33
XXIV.	Къ Остолопову	—

стран.

XXV. Пѣсня (съ франц.) 35
XXVI. Вакхическая пѣсня 36
XXVII. Къ портрету 39
XXVIII. Къ Тиртею Славянъ . . . . . —
XXIX. Княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Трубецкой 41
XXX. Къ Варановой 42
XXXI. Надпись Александру I. 45
XXXII. Польской (Пѣснь на взятіе Парижа) 46
XXXIII. Многолѣтіе Государю Императору 48
XXXIV. Эпиграммы: 49

1) «Двѣ строчки Клитъ стихами написалъ».
2) «Примѣру слѣдуя ученаго народа».
3) «Зачѣмъ въ трагедіи, недавно сочиненной».

XXXV. Древніе и новые 50
XXXVI. Слезливому стихотворцу 51
XXXVII. На поэмы въ честь Петра Великаго 52
XXXVIII. Кокошкину и Мерзлякову 53
XXXIX. Къ Межакову 55
XL. Къ подушкѣ Филлиды 59
XLI. Весеннее утро 62
XLII. Къ Софьѣ (гр. С. А. Мусиной-Пушкиной) 64
XLIII. Въ новый годъ (къ ней же) 65
XLIV. Къ ней же . . . . . —
XLV. Къ партизану-поэту 66
XLVI. Эпиграмма («Крезъ богатѣетъ каждый годъ») 70
XLVII. Къ друзьямъ («Гонители моей невинной лѣни») . . . . . —
XLVIII. Къ В. Л. Пушкину 73
XLIX. Эпиграммы 75

1) «Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы свободы».
2) «Подъ камнемъ симъ лежитъ Надалъ».

L. Мадригалы 76

1) Е. И. К. «Веселый нравъ, для сердца взглядъ опасный.
2) Е. А. Г. «Глаза у васъ прелестные—согласенъ».
3) Н. П. Мансуровой. «Притворство, лесть противны, знаю, вамъ».

LI. Къ Ельминѣ 78
LII. Когда 79
LIII. Къ друзьямъ («Кинемъ печали») 81
LIV. Прекрасной итальянкѣ 82
LV. Гусь и змѣя (басня) 83
LVI. Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго. (кн. А. А. Шаховскаго) . . 84

1) «Въ комедіяхъ сатирахъ Шутовскаго».
2) «Напрасно Ш. ты отдыха не знаешь».
3) «Когда затѣйливымъ перомъ».

СТРАН.

4) «Коварный, Новый Стернъ».
5) «Напрасно говорятъ, что грѣшника черты».
6) «Вольтеръ насъ трогаетъ».
7) «Съ какою легкостью свободной».
8) «Когда при свистѣ креслъ».

LVII. Липецкія воды 87
LVIII. Пѣснь на день рожденія Имп. Александра I. . . . . —
LIX. На открытіе въ Москвѣ дома благор. собр. 88
LX. Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа. 91
LXI. Эпиграммы 94

1) „Памфилъ забавенъ за столомъ".
2) „Сказать о Өирсѣ мнѣнье трудно"
3) „Моей рукой ты раненъ былъ слегка".

LXII. Къ подругѣ 95
LXIII. Къ Батюшкову 100
LXIV. Къ Нелову 105
LXV. Къ Окуневу 109
LXVI. Мадригалъ Гаспару . . . . . —
LXVII. Къ кн. Гагариной при посылкѣ пѣсенъ 110
LXVIII. Къ кн. Шаховской при посылкѣ стих. Жуковскаго 111
LXIX. Къ Елисаветѣ Сергѣевнѣ Огаревой (помѣч. собственноручно) . 112
LXX. Къ NN на смерть его сына. 114
LXXI. Я жду тебя 116
LXXII. Погребъ 117
LXXIII. Разбитая статуя 119
LXXIV. Къ перу моему 120
LXXV. Стихи на обѣдѣ бар. Сакену. 125
LXXVI. Разгуляевскому обществу 126
LXXVII. Д. В. Давыдову 128
LXXVIII. Къ овечкамъ. 131
LXXIX. Къ Батюшкову 135
LXXX. Доведь (басня) 137
LXXXI. Какъ трудно жить 138
LXXXII. Пѣсни. 140

1) «Спѣшите радости ловить»
2) «Храните сердца тишину».
3) «Собирайтесь дѣвки красны».
4) «Доволенъ я судьбою».

LXXXII. Отрывокъ изъ стихотворенія «Деревня» 143
LXXXIII. Первый снѣгъ 146
LXXXIV. Прощаніе съ халатомъ. 150
LXXXV. Ухабъ 154
LXXXV. Петербургъ (отрывокъ). 157
LXXXVI. Графу Ѳ. И. Толстому. 161

ст

LXXXVII. Негодованіе. . . . . .
LXXXVIII. Два чижа . . . . . .
LXXXIX. Дервишъ и ученикъ . . . . . .
XC. Убогій и камень . . . . . .
XCI. Круговая порука . . . . . .
XCII. Двѣ собаки . . . . . .
XCIII. Битый песъ. . . . . .
XCIV. Потокъ и рѣка . . . . . .
XCV. Чернильница и перо . . . . . .
XCVI. Два живописца. . . . . .
XCVII. Человѣкъ и мотылекъ. . . . . .
XCVIII. Медвѣдь . . . . . .
XCIX. Малютка на лошади . . . . . .
C. Въ какихъ лѣсахъ, въ какой долинѣ . . . . . .
CI. Усладъ . . . . . .
CII. Посланіе къ А. И. Тургеневу съ пирогомъ . . . . . .
CIII. Эпиграмма . . . . . .
CIV. Уныніе . . . . . .
CV. Португальская пѣсня . . . . . .
CVI. При возвращеніи альбома. . . . . .
CVII. Уставъ столовой . . . . . .
CVIII. Красавицѣ уединенной. . . . . .
CIX. Трудная задача. . . . . .
CX. Княжнинъ и фонъ-Визинъ. . . . . .
CXI. Отвѣтъ фонъ-Визина . . . . . .
CXII. Къ Лаурѣ въ день ея рожденія . . . . . .
CXIII. Моленіе Лауры . . . . . .
CXIV. Стихи, вырѣзанные на мертвой головѣ. . . . . .
CXV. Эпиграммы . . . . . .

1) Вписавшись въ цехъ зоиловъ строгихъ.
2) Чтобъ полный смыслъ разбить въ твореніяхъ пѣвца.
3) Работая перомъ какъ топоромъ.
4) Его познаній вѣренъ счетъ.
5) Стиховъ моихъ давно ты слышать хочешь.
6) Бѣда намъ! говоритъ Аристъ.

CXVI. Сибирякову . . . . . .
CXVII. Волки и пастухи . . . . . .
CXVIII. Эпиграммы: . . . . . .

1) Для славы ты здоровья не жалѣешь.
2) Корысти презрѣнной не покоряясь игу.
3) Благословенный плодъ проклятаго терпѣнья.

CXIX. Голосъ сердца . . . . . .
CXX. Къ смерти . . . . . .

СТРАН.

CXXI. Посланіе къ М. Т. Каченовскому 219
CXXII. Пѣсня 224
CXXIII. Къ итальянцу 225
CXXIV. Къ В. А. Жуковскому 226
CXXV. Вечеръ на Волгѣ 230
CXXVI. Утро на Волгѣ 233
CXXVII. Чистосердечный врачъ 237
CXXVIII. Ошибка врача . . . . . —
CXXIX. Столъ и постеля 238
CXXX. На нѣкоторую поэму 239
CXXXI. На нее же . . . . . —
CXXXII. Пошла писать 240
CXXXIII. Невыгоды лѣта 241
CXXXIV. Гр. С. А. Мусиной-Пушкиной 242
CXXXV. Отрывокъ 245
CXXXVI. Надпись солдату 246
CXXXVII. Вакхическая пѣсня 247
CXXXVIII. Эпиграммы 248

1) Безстыдный лжецъ.
2) Какъ мастерски пророковъ злыхъ.
3) Сбираясь въ путь, глупецъ.
4) Безстыдной клеветой въ народѣ.
5) Въ ихъ ласкахъ лесть коварства.
6) Въ двухъ дюжинахъ поэмъ.
7) Въ портретѣ семъ блеститъ.
8) Несчастный мужъ!
9) Русакъ въ душѣ.

CXXXIX. Разговоръ 251
CXL. Изъ письма къ Эоловой арфѣ (А. И. Тургеневу) 252
CXLI. Изъ Москвы 29 дек. 253
CXLII. Молитвенныя думы 255
CXLIII. Жрецъ и кумиръ 261
CXLIV. И. И. Дмитріеву 262
CXLV. Репейникъ 264
CXLVI. Пастухъ и овца 265
CXLVII. Логогрифъ 266
CXLVIII. Эпиграммы 267

1) Твой списокъ послужной и оды.
2) Зоилы береговъ Невы.
3) Кутузовъ кураторъ.
4) Кутузовъ другомъ просвѣщенія.
5) Ага, плутовка мышь!
6) Тирсисъ всегда вздыхаетъ.
7) Красавица она, я знаю, и поэтъ!
8) Смѣяться вы властны.
9) Россійскій Діогенъ.
10) Дамонъ хоть говоритъ прелестно.

СТРАН.

11) Ариста гробъ.
12) Легко быть можетъ правъ.
13) За Клима духовникъ нашъ адомъ.
14) Кто свяжется съ цирульникомъ Лукою.
14) Какъ Андромахи переводъ.

CXLIX. Къ *** (Скажи, уже-ль какъ на меня) 270
CL. Въ альбомъ К. А. П. Т. 271
CLI. Къ С. Ѳ. Безобразовой въ деревню. 272
CLII. Отрывки изъ путешествія въ стихахъ (Выходъ Вздыхалова) 275
CLIII. Первый отдыхъ Вздыхалова 276
CLIV. Юпитеръ, Ѳебъ и momъ 279
CLV. Отложенныя похороны 281
CLVI. Даръ все дѣлать не впопадъ 284
CLVII. Пѣсня (На высотѣ надменныхъ скалъ). 286
CLVIII. Да какъ-бы не такъ 287
CLIX. Сравненіе Петербурга съ Москвой 289
CLX. Мудрость (басня) 293
CLXI. Посланіе къ И. И. Дмитріеву 294
CLXII. Замѣтки: 298

1) При старости откланявшись веселью.
2) Былъ древній храмъ готическаго зданья.
3) Надменный нуль, Пигмей, крикунъ картавый.
4) Изъ Ж. Б. Руссо.

CLXIII. Всякій на свой покрой. 300
CLXIV. Къ портрету болтуна 302
CLXV. Къ портрету молчаливаго . . . . . —
CLXVI. Цвѣты 303
CLXVII. Эпиграмма (Одинъ Фаонъ, Лезбосская пѣвица) 305
CLXVIII. Оселъ и быкъ (басня) . . . . . —
CLXIX. Логогрифъ (Одинадцать во мнѣ сочтете ногъ) 306
CLXX. Партизану-поэту 308
CLXXI. Гусь (басня) 309
CLXXII. Витязь 310
CLXXIII. Эпиграммы 311

1) Критонъ, услужливый въ душѣ.
2) Ты говоришь, что мучусь надъ стихомъ

CLXXIV. А. Я. Княжнину 312
CLXXV. Мои желанія. 314
CLXXVI. Капля (Восточный апологъ) 316
CLXXVII. Языкъ и зубы (Восточный апологъ) 317
CLXXVIII. Къ спящему амуру 318
CLXXIX. Въ альбомъ (изъ Байрона) . . . . . —
CLXXX. Къ воспоминанію 319
CLXXXI. Мадригалъ матери и дочери 320

СТРАН.

CLXXXII. Шарады 320
1) Мое начальное—французская монета.
2) Когда спасенья кто душѣ своей желаетъ.

CLXXXIII. Кабанъ и оселъ (басня) 321

CLXXXIV. Левъ и лисица (басня). 322

CLXXXV. Калифъ и дервишъ (Восточный аполог) 324

CLXXXVI. Визирь Гассанъ (сказка) 326

CLXXXVII. Къ прелестной 329

CLXXXVIII. Эпиграма изъ Ж. Б. Руссо 330

CLXXXIX. Статуя Геркулеса и прохожій 331

CXC. Пѣсня. (Вчера предавшися покою) 332

CXCI. Эпиграммы 333
1) Нашъ журналистъ.
2) Изсохло бы перо.
3) Онъ церкви былъ ученикомъ.
4) Фирсъ каждый день.
5) Труды ума ты моего исчисли.
6) Въ жару холоднаго витійства.
7) Пусть критикъ.
8) Когда бесѣдчикамъ.

CXCII. Шутка 335

CXCIII. Прелести деревни 339

CXCIV. Апологи 341
1) Отвѣтъ древняго мудреца.
2) Молотокъ и гвоздь.
3) Ландышь.

CXCV. Къ графу Чернышову въ деревню. 342

CXCVI. Сѣтованіе 346

CXCVII. Прощаніе воина 347

CXCVIII. Эпиграмма, (Ты правъ, сожжемъ Карамзина творенья) . . 348

CXCIX. Пѣсня зѣваки 349

CC. Воли не давай рукамъ. 350

CCI. Въ шляпѣ дѣло 352

CCII. Давнымъ-давно 354

CCIII. Куплеты пана Чижевскаго 355

CCIV. Къ воспоминанію 356

CCV. Шутка (въ альбомъ) 359

CCVI. Эпиграммы 361
1) Нѣтъ состязаться мнѣ съ тобою не совмѣстно.
2) Педантствуй сплошь.
3) Клеврета журнальный.
4) Жужжащій враль.

CCVII. Сѣтованіе араба 363

CCVIII. Къ пріятелю 364

CCIX. Завѣщаніе Амура 366

CCX. Графинѣ *** на смерть ея родителя 370

стр

CCXI. Пиши пропало 1
CCXII. Эпиграммы 1
1) Ошибку у меня поймавъ.
2) Какого общества быть можетъ живописцемъ.
CCXIII. Графинямъ С. И. и С. И. Чернышовымъ 2
CCXIV. Того-сего. 2
CCXV. Младой пѣвецъ 2
CCXVI. Недовольный 2
CCXVII. Къ княжнѣ *** при посылкѣ пѣсенъ 2
CCXVIII. Черта мѣстности 2
CCXIX. Простосердечный отвѣтъ 2
CCXX. Къ двоюродной сестрѣ 2
CCXXI. Къ журнальнымъ близнецамъ 2
CCXXII. Двѣ луны. . . . . .
CCXXIII. Эпиграммы и замѣтки 3
1) Чтобъ васъ оставить, васъ я вижу
2) Тебѣ одной быть Антигоной можно.
3) Предъ хоромъ ангеловъ
CCXXIV. Запретная роза 3
CCXXV. Коляска. Отрывокъ 3
CCXXVI. Эпиграммы. 4
1) Въ Клеонѣ видишь ты двуличнаго льстеца.
2) Характеристика.
3) Наши Ларошфуко.
CCXXVII. Басни (съ польскаго изъ Красицкаго) 4
CCXXVIII. О. С. Пушкиной (Павлищевой) 4
CCXXIX. Альбомъ 4
CCXXX. Нарвскій водопадъ 4
CCXXXI. Семь пятницъ на недѣлѣ 4
CCXXXII. Къ мнимой счастливицѣ 4
CCXXXIII. Воспоминаніе 4
CCXXXIV. Луга 4
CCXXXV. Байронъ (отрывокъ) 4
CCXXXVI. Е. А. Кологривовой 4
CCXXXVII. Теперь мнѣ недосугъ 4
CCXXXVIII. Къ Илличевскому 4
CCXXXIX. Эпиграммы 4
1) Булгаринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ.
2) Кто будетъ красть стихи твои.
CCXL. Щипцы и свѣчи (басня) 4
CCXLI. Р—у 4
CCXLII. Къ молящейся 4

		стран.
CCXLIII.	Вспыльчивость добродѣтельнаго (Восточный апологъ) . .	435
CCXLIV.	Нетлѣнный цвѣтокъ	436
CCXLV.	Слезы прощанія	438
CCXLVI.	Изъ стихотворенія «Деревня»	439
CCXLVII.	Выдержки	445
CCXLVIII.	Е. Н. Ушаковой	448
CCXLIX.	Крохоборамъ	449
CCL.	Русскій богъ	450
CCLI.	Русскій богъ (по списку кн. Долгорукова)	452

1808 г.

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ *** ВЪ ДЕРЕВНЮ.

И такъ, мой милый другъ, оставя скучный свѣтъ,
И въ полѣ уклонясь отъ шума и суетъ,
Въ деревнѣ ты живешь, спокойный другъ природы,
Среди кудрявыхъ рощъ, подъ сѣнію свободы!
И жизнь твоя течетъ, какъ свѣтлый ручеекъ.
Бѣгущій по лугамъ, какъ легкій вѣтерокъ,
Играющій въ поляхъ съ душистыми цвѣтами,
Или въ тѣни древесъ пастушки съ волосами.
Безпечность — твой удѣлъ! стократъ она милѣй
И пышности владыкъ и блеску богачей!
Не тотъ по мнѣ счастливъ, кто многимъ обладаетъ,
Воспитанъ въ роскоши, въ звѣздахъ златыхъ сіяетъ
(Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ);
Но тотъ, чьи ясны дни въ невинности текутъ,
Кто сердцемъ не смущенъ, кто славы не желая,
Но искренно, въ душѣ, свой рокъ благословляя,
Доволенъ тѣмъ что̀ есть, и лучшаго не ждетъ —
И небо на него лучъ благости лiетъ!

Громъ брани до него въ пустынѣ не доходитъ;
Ни алчность почестей, ни зависть не уводитъ
Его, сидящаго при свѣтломъ ручейкѣ,
Или въ объятіяхъ своей супруги нѣжной.
О другъ мой! такъ и ты, оставя градъ мятежной,
Въ уединеніи, въ безмолвной тишинѣ,
Вкушаешь всякій день лишь радости однѣ!
То бродишь по лугамъ, то по лѣсу гуляешь,
То лирою своей Климену восхищаешь,
То быстро на конѣ несешься по полямъ,
Какъ шумный вѣтръ пустынь, то ходишь по утрамъ
Съ собакой и ружьемъ и съ птицами воюешь,
То, сидя на холмѣ, прелестный видъ рисуешь!
А вечеромъ, когда зефировъ рѣзвыхъ рой
На листьяхъ алыхъ розъ, осыпанныхъ росой,
Утихнетъ и заснетъ, какъ пахарь возвратится
Съ полей, чтобы въ семьѣ покоемъ насладиться;
Какъ вечера туманъ объемлетъ мрачный лѣсъ,
Когда усѣется звѣздами сводъ небесъ,
Тогда ты, вышедши изъ хижины смиренной,
Покрытой мягкимъ мхомъ, древами осѣненной,
Съ своею милою приблизишься къ рѣкѣ,
И станешь разсѣкать съ ней волны въ челнокѣ,
И будетъ вамъ луна сопутницей пріятной!
Взоръ бросивъ на тебя, взоръ только сердцу внятный,
Промолвитъ милая,—вздохнувъ: другъ нѣжный мой!
Какое счастье быть любимою тобой!
Но, ахъ! всегда-ль судьбы къ намъ будутъ такъ преклонны
Быть можетъ, разлучатъ съ тобой насъ люди злобны,
Иль смерть... печальна мысль! „На что́ себя смущать,
Ты скажешь ей: на что́ покой свой нарушать?
Любезны мы богамъ, чего же намъ страшиться?
Мы чистою душой привыкли имъ молиться!
Когда отъ насъ въ слезахъ убогій уходилъ?
Когда гонимый въ насъ друзей не находилъ?
Утѣшься, милая! Мы добры—и конечно

Насъ боги наградятъ здѣсь жизнью долговѣчной!“
Потомъ, обнявшися, въ безмолвіи, домой
Пойдете медленно вкушать ночной покой.
Вы не услышите ни птичекъ щебетанья,
Ни звука отъ роговъ, ни эха грохотанья,—
Сны благотворные съ лазоревыхъ небесъ
Слетятъ на ложе къ вамъ съ толпой пріятныхъ грезъ,
А утренній Зефиръ, прохладу разливая,
Разбудитъ васъ опять.... Живи въ поляхъ, вкушая
Прямыя радости чувствительныхъ сердецъ!
Когда же Нимфъ соборъ оставитъ мрачный лѣсъ,
Когда туманами одѣтая Аврора
Въ лѣсу поющихъ птицъ не будетъ слышать хора,
И вмѣсто яркихъ розъ лишь иней по утрамъ
Съ осенней будетъ мглой на землю сыпать къ намъ:
Тогда, мой милый другъ, въ столицу возвратися
Таковъ, какъ былъ всегда, къ друзьямъ своимъ явися!
Повѣрь, и въ городѣ возможно съ счастьемъ жить:
Оно вездѣ—умѣй его лишь находить.

II.

КЪ НИСѢ.

Повѣрь, о Ниса! мнѣ — романы
Одни прелестные обманы:
Какъ можно вѣкъ одну любить?
Мы грѣшны — любимъ перемѣну!
Здѣсь все должно *на время* быть!
За что-жъ клянешь мою измѣну,
Въ досадѣ, другъ бывалый мой,
Что я любилъ тебя сердечно
Лишь двѣ недѣли — а не вѣчно?
Увы! не долѣе весной
Цвѣтетъ и роза, другъ Зефира!
Теперь другого ты плѣни!
Когда-жъ наскучитъ мнѣ Темира,
Я вспомню тѣ счастливы дни,
Которые провелъ съ тобою,
Опять плѣнюсь твоей красою,
И снова, Ниса, всей душой
На мѣсяцъ, на два буду твой!

III.

ЭПИГРАММА.

(НА СТИХИ КЪ СОЛНЦУ)

Какими насъ морилъ несносными стихами
Вчерашній день Оргопъ! со скуки я дремалъ.
Ужъ на небѣ видна была луна съ звѣздами,
А онъ.... все солнце призывалъ.

IV.

Поэтъ, чтобъ быть великъ не долженъ подражать,
Нѣтъ! подражаніе есть генію препона!
Пусть будетъ творческимъ талантомъ онъ блистать,
Пусть новымъ онъ путемъ вершины Геликона
Достигнетъ—къ славѣ намъ дорога не одна....

V.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ КНЯЖНЫ Е. А. ВЯЗЕМСКОЙ.

ПЕРВОЙ ГОЛОСЪ.

Забудь на время мечъ и брань,
Простри къ любви геройску длань,
Вкуси любовь въ сѣни покоя,
Любовь прелестныхъ — часть героя!
Внимать привыкнувши громамъ
И зрѣть въ поляхъ потоки крови,
Внимай пріятну пѣснь любови,
Вступивъ въ Гименовъ мирный храмъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Красу, невинность, сердца жаръ
Неси возлюбленному въ даръ,
И съ нимъ веселіе прямое
Вкушай, вкушай въ любви, въ покоѣ!
Сплети изъ миртъ ему вѣнокъ;
Скажи ему, гдѣ путь ко счастью;
Къ тебѣ воспламененный страстью,
Да свой благословитъ онъ рокъ.

ХОРЪ.

Что можетъ въ мірѣ быть славнѣе,
Что можетъ въ мірѣ быть милѣе
И мужества и красоты?
Примѣръ блаженнѣйшей четы!
Сліянны страстною душою,
Не зная жизни тяжкихъ бѣдъ,
Идите счастію во слѣдъ
Всегда цвѣтущею стезёю!

1810 г.

VI.

Напрасно говорятъ, что будто Полидоръ
Чужіе все стихи читаетъ;
Повѣрьте, это вздоръ!
Они его — онъ ихъ за деньги покупаетъ.

VII.

Я вѣкъ тебя хвалю, ты вѣкъ меня ругаешь.
За что? Не знаю я, и ты того не знаешь!
Но вотъ что̀ чудное у насъ съ тобой въ судьбѣ:
Никто не вѣритъ намъ — ни мнѣ и ни тебѣ

VIII.

МОЛОДОЙ ЭПИКУРЪ.

Повеселимся, другъ мой милый!
Пусть радость будетъ намъ подругой цѣлой день.
Онъ нашъ — но онъ мелькнетъ какъ тѣнь.
А завтра какъ узнать? Быть можетъ, ночь могилой
Затмитъ зарю счастливыхъ дней.
Но что̀ бы ни было, мы смерти не страшимся,
Съ улыбкой на устахъ въ свѣтъ новый преселимся,
И тамъ въ раю тѣней
Съ тобою вѣчною любовью насладимся,
И станемъ поджидать къ себѣ своихъ друзей!
Дотолѣ прочь отъ насъ печали!
И зависть мрачная съ блѣднѣющимъ лицемъ,
Чтобъ гордость, суета дороги къ намъ не знали,
И для заботъ всегда нашъ былъ растворенъ домъ.
На вѣки прочь отъ насъ и славы призракъ льстивый!
Нѣтъ! лучше пусть текутъ, безпечностью счастливы,
Дни наши, какъ ручья скользятъ струи лѣнивы
По нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ,
Потомъ невидимо теряясь въ пескахъ.

IX.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Разыгрывать на дняхъ новѣйшу драму станутъ.
Сумбуръ, творецъ ея, ручается собой,
Что слезы зрители польютъ рѣка рѣкой,
Что волосы у всѣхъ отъ страха дыбомъ станутъ.

Актъ первый: трубный гласъ, громъ пушекъ, барабаны,
Кровавая война, сраженье, вопли, раны...
А декорація: кладбище, госпиталь.

Второй актъ: дождь, гроза, растрепанна печаль
По сценѣ бѣгаетъ и водитъ за собою
Своякa голода съ сестрицею чумою,
И съ ревомъ рыскаютъ медвѣди, львы въ лѣсахъ.

Актъ третій: ужасъ, страхъ,
Землетрясеніе и преставленье свѣта;
Смерть одинокая, во вдовій крепъ одѣта,
Хоронитъ смертныхъ родъ.
Финалъ: балетъ чертей и фурій хороводъ.

X.

БЫЛЬ ВЪ ПРЕИСПОДНЕЙ.

„Кто тамъ стучится въ дверь?
Воскликнулъ Сатана — мнѣ недосугъ теперь!“
— Се я, пѣвецъ ночей, шахматно-пѣгій геній,
Бибрисъ! меня занесъ къ вамъ въ полночь вѣтръ осенній,
Погрѣться дайте мнѣ, слезитъ дождь въ уши мнѣ!
„Что врешь ты за сумбуръ? Кто ты? Тебя не знаютъ!“
Ага! здѣсь видно такъ, какъ и на той странѣ:
Покойникъ говоритъ, меня не понимаютъ!

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ МЕНЬШИКОВА.

Какъ волны, намъ дары Фортуны ненадежны,
Счастливецъ, не гордись!
Царевы милости съ погибелію смежны
Взгляни на образъ сей — и счастія страшись.

XII.

ИСТОРІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Родиться, жить и умереть,
Есть тихіе брега—покинуть для волненья,
Бороться съ бурями, повсюду гибель зрѣть,
И бросить якорь свой у пристани забвенья.

XIII.

КЪ ПОРТРЕТУ БОБРОВА.

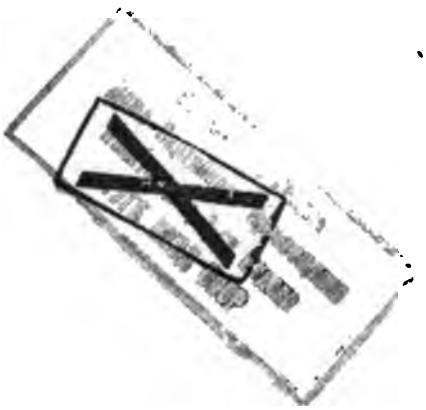
Нѣтъ спора, что Бобровъ боговъ языкомъ пѣлъ;
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.

XIV.

КЪ ЕЛЬВИРѢ.

Съ тобой встрѣчаяся, я радуюсь сердечно;
Въ отсутствіи твоемъ нельзя мнѣ не скучать,
И я тебя желалъ бы видѣть вѣчно
Иль вовсе не видать!

1811 г.



Учебная
б-ка № 2

XV.

МИЛОНОВУ.

По прочтеніи перевода его изъ Горація.

Когда намъ уши раздираютъ
Несносны крики совъ, гагаръ,
И музы въ наши дни страдаютъ
Какъ предки наши отъ Татаръ;
Когда одинъ съ поэмой вздорной,
Другой съ комедіей снотворной
И вся Батыева орда
Выходитъ на Парнассъ войною,
Ты въ эти смутные года,
Со свѣтлой полною душою
И лирой звонкой золотой,
Невѣждъ ватагу оставляешь
И славу на пути встрѣчаешь—
Ея пріемышъ молодой.
Иди впередъ, другъ музъ и грацій,
За избраннымъ тобой вождемъ
И пусть учитель твой Горацій
Съ тобой подѣлится вѣнкомъ.

XVI.

АЛЕКСѢЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ.

АВТОРУ „МОНАСТЫРКИ“.

Прости, проказникъ милый!
Ты ѣдешь, добрый путь!
Твой геній златокрылый
Тебѣ попутчикъ будь.

Давно слетѣли пчелы
Съ медоточивыхъ липъ,
Давно деревья голы
И соловей охрипъ.

Подъ мракомъ снѣжной тучи
Одну ты пѣсню знай,
Та пѣснь — морозъ трескучій
Да вьюги вой и лай.

Не замышляй идиллій,
Мой нѣжный пастушокъ,
Ни Геснеръ, ни Виргилій
Теперь тебѣ не впрокъ.

Аркадіей не бредя,
И помня что ты Россъ,
Въ сибирскаго медвѣдя
Воткни и спрячь свой носъ.

А чтобы нѣгой майской
Согрѣть и вспрыснуть грудь,
Съ собою ромъ ямайскій
Ты взять не позабудь.

Уважь моимъ совѣтамъ:
Ромъ — славный чудодѣй,
Зима съ нимъ пахнетъ лѣтомъ
И нѣтъ ненастныхъ дней.

Въ дорогѣ, на услуги
Онъ мастеръ пребольшой,
Онъ скуку и недуги
Снимаетъ, какъ рукой.

Почуешь ли изгагу
Желудка иль души—
Цѣлительную влагу
Себѣ ты пропиши.

Смотритель ли откажетъ
Дать лошадей тебѣ,
И долго ждать прикажетъ
Въ курной своей избѣ,

Словъ бранныхъ по пустому
Ты съ нимъ не расточай,
А рому, много рому
Подлей себѣ ты въ чай.

Два, три стакана дружно
Осушишь — а потомъ
И лошадей не нужно,
Ударь по всѣмъ по тремъ!

На этой рьяной тройкѣ
Заѣдешь далеко,

Качаясь, какъ на койкѣ,
Спокойно и легко.

Все важничать разсудкомъ —
Сухая жизни цѣль;
Не худо промежуткомъ
Впустить въ башку и хмѣль.

Безсмертіе Платона
И съ нимъ всѣхъ мудрецовъ
За день Анакреона
Отдать бы я готовъ.

XVII.

ПРИЗНАНЬЕ.

Я пѣть хотѣлъ въ восторгѣ дивномъ
Петра Великаго дѣла,
Но лира тономъ заунывнымъ
Одну Мальвину пѣть могла.

Въ досадѣ переладивъ струны,
Я пѣть Суворова хотѣлъ,
И браней и побѣдъ перуны!
Безсмертье, думалъ, мой удѣлъ!

Но, нѣтъ! моя упряма Муза,
Изъ розъ украсившись вѣнкомъ,
Бѣжитъ съ героями союза,
Одну любовь поетъ тишкомъ.

И такъ, прости мечтанье славы!
Мой скромный жребій: пѣть подъ-часъ
Любовь, весеннихъ дней забавы,
И власть надъ сердцемъ милыхъ глазъ!

XVIII.

* * *

Дидоны прелести Виргилій выхваляетъ.
Дидоны я не зналъ; но сердце увѣряетъ,
Что не было въ ней той волшебной красоты,
Которою вчера насъ восхищала ты.
Нѣтъ, если бы съ тобой могла она сравниться,
Еней, хоть набоженъ, въ счастливѣйшей судьбѣ,
Разсудку своему не могъ бы покориться,
И, измѣня богамъ, былъ вѣренъ бы тебѣ.
Ахъ! можно ль и на мигъ хотѣть тебя покинуть.
Кто сердца твоего возможетъ даръ отринуть?
Кто можетъ не желать, и презрѣнный тобой,
Быть красоты твоей свидѣтелемъ всечасно,
И въ грозный смерти часъ, простясь на вѣкъ съ прекрасно
Снести во мрачный гробъ любовь и образъ твой?

1812 г.

XIX.

КЪ МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ:

ЖУКОВСКОМУ, БАТЮШКОВУ И СѢВЕРИНУ.

Гдѣ вы, товарищи-друзья?
Кто разлучилъ соединенныхъ
Душой, руками сплетенныхъ?
Одинъ безъ сердцу драгоцѣнныхъ,
Одинъ теперь скитаюсь я.

И сей, друзья, печальный стонъ
Вотще по воздуху несется,
Вотще средь ночи раздается,
Увы! до васъ онъ не коснется,
Не будетъ вами слышенъ онъ!

И, можетъ быть, въ сей самый часъ,
Какъ ночи сонъ тревожитъ вьюга,
Одинъ изъ васъ въ огнѣ недуга
Угасшимъ гласомъ имя друга
Въ послѣдній произноситъ разъ.

Почій счастливецъ кротким сномъ!
Стремлюсь надеждой за тобою.
Отъ бури ты идешь къ покою,
Пловецъ, измученный грозою,
Усни на берегѣ родномъ!

Но долго-ль васъ, друзья, мнѣ ждать?
Когда просвѣтитъ день свиданья?
Иль—жертвы вѣчнаго изгнанья—
Не будемъ чаши ликованья
Другъ другу мы передавать?

Иль суждено, чтобъ сердца хладъ
Уже во мнѣ не согрѣвался,
Какъ вѣтръ въ пустынѣ стонъ терялся,
И съ взглядомъ друга не встрѣчался
Бродящій мой во мракѣ взглядъ?

Давно-ль, съ любовью пополамъ,
Плели для насъ вѣнки Хариты
И Вакхъ румянилъ намъ ланиты,
И мы, веселые піиты,
Слагали гимны въ честь богамъ?

Давно-ль? и сладкій сонъ исчезъ!
И пѣсни наши—голосъ муки,
И дни восторговъ—дни разлуки!
Вотще возносимъ къ небу руки—
Пощады нѣтъ намъ отъ небесъ!

А вы, товарищи-друзья,
Явитесь мнѣ хоть въ сновидѣньи,
И, оживя въ воображеньи
Часовъ протекшихъ наслажденья,
Обманомъ счастливъ буду я.

Но вотъ ужъ мракъ сошелъ съ полей,
И вьюга съ ночью удалилась,
А васъ душа не допросилась.
Зарей окрестность озарилась...
Придти ль когда зарѣ моей?

XX.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой;
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило!
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена.
Здѣсь красится дней нашихъ старина,
Дней сладости и ясныхъ, и веселыхъ,
Мелькнувшихъ намъ едва и отлетѣлыхъ.
Но что́ теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И степь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край и слезъ, и нищеты.
Здѣсь блѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ застаетъ румяная денница
Въ слезахъ, и ночь ихъ застаетъ въ слезахъ.
А тамъ старикъ, прибредшій на клюкахъ,
На хладный пепелъ роднаго пепелища,

Не узнаетъ знакомаго жилища,
Гдѣ онъ, склоня главу на дщери грудь,
Мнилъ въ тишинѣ сномъ вѣчности заснуть;
Теперь одинъ рукою молитъ нищей
Онъ для себя пріюта на кладбищѣ.
Пусть будетъ тихъ его послѣдній часъ,
Пускай мечты его обманутъ муку,
Пусть слышится ему дочерній гласъ,
Пусть, въ гробъ сходя, онъ мнитъ подать ей руку!
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ картинъ,
Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный,
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,
Летитъ теперь, отмщеньемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ Царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И роковымъ постигнутый ударомъ
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
„Москва! я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, унынью посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ;
Здѣсь тусклъ зари пылающій вѣнецъ,
Здѣсь мраченъ день въ краю опустошеній,
И скорби сынъ, развалинъ сихъ жилецъ,
Склоня чело, объятый думой геній,
Гласитъ на нихъ протяжно: нѣтъ Москвы!
И хладный прахъ, и рухнувшіе своды,
И древній Кремль, и ропотныя воды
Ужасной сей исполнены молвы.

XXI.

ПУТЬ КЪ ЧЕСТНОСТИ.

Излучистымъ путемъ къ фортунѣ достигая,
Змѣинъ! ты наконецъ за трудъ свой награжденъ
Въ твои хранилища бѣжитъ струя златая,
Услужниковъ толпа, друзьями окруженъ,—
И жизнь среди утѣхъ спокойно протекаетъ.
Теперь ничто тебѣ быть честнымъ не мѣшаетъ!

XXII.

ВЪ АЛЬБОМЪ

ТАТЬЯНѢ НИКОЛАЕВНѢ ОСТОЛОПОВОЙ.

Хвала тому, кто, небомъ вдохновенный,
Альбомы въ честь пустилъ благословенны!
Заслугой сей онъ смертныхъ обязалъ
И въ храмъ себя безсмертья записалъ.
Ахъ! сколько-бы поэтовъ, безъизвѣстно
Таящихся, никто не угадалъ,
Когда-бы имъ пути ко славѣ честной
Чрезъ акростихъ альбомъ не открывалъ!
Любовникамъ онъ во сто разъ полезнѣй:
Безъ страха дочь при матери своей
Хранитъ въ листкахъ ей имя всѣхъ любезнѣй,
Въ душѣ давно хранимое у ней;
А юноша, и скромной и стыдливой,
Любви своей не смѣющій сказать,
Дерзаетъ въ нихъ рукою боязливой
О тайнѣ чувствъ жестокой намекать. —
Но сколько же сей выдумки счастливой
Творца во вѣкъ мнѣ должно выхвалять?
Я въ Вологдѣ спасусь имъ отъ забвенья!
Темира мнѣ писать себѣ велитъ,—
И времени я не страшусь стремленья,
Прекрасною не буду я забытъ!
Въ досужный часъ, когда она заглянетъ
Въ альбомъ и въ немъ стихи мои найдетъ,
Читая ихъ—не разъ, не два зѣвнетъ,
И нé-хотя, но обо мнѣ вспомянетъ.

XXIII.

ОПРАВДАНІЕ ВОЛЬТЕРА.

Вольтера всѣ бранятъ, что Бога онъ не зналъ,
Но осуждать его за это я не смѣю;
Пускай его бранятъ, а я объ немъ жалѣю:—
Онъ *Вѣры* не видалъ.

XXIV.

КЪ ОСТОЛОПОВУ.

Ты, коего стихи прелестны
Я знаю съ именемъ давно—
Мои тебѣ хотя безвѣстны,
Какъ имя, такъ стихи равно,
Прими ты отъ меня почтенье
И всенижайшее прошенье,
А въ чемъ? дай трудъ себѣ прочесть.
Я въ Вологду попалъ, Богъ-вѣсть
Какой печальною судьбою.
Московскій житель съ раннихъ поръ,
Какъ солнце мой увидѣлъ взоръ,
О Вологдѣ, передъ тобою
Я признаюсь—не помышлялъ,
Ни въ явь, ни между сновидѣній
О ней не думалъ, не гадалъ;
Но, жертва бури и волненій,
Мой тихій, мой смиренный челнъ,

Закинутый враждою волнъ
На брегъ отъ родины далекой,
Томится въ скукѣ одинокой;
Въ студеной сѣвера странѣ,
Все чуждо, неизвѣстно мнѣ,
Все чуждо сердцу, чуждо взгляду,
И взявши Адресъ-календарь,
Увидѣлъ я, что Государь,
Какъ бы мнѣ на смѣхъ и досаду,
Все незнакомыхъ мнѣ людей,
Въ мѣста совѣтниковъ, судей
Прислать изволилъ въ городъ сей.
Въ сердцахъ листы перебираю,
Твое вдругъ имя я встрѣчаю;
Свѣтлѣетъ пасмурный мой взоръ—
Здѣсь музъ любимецъ прокуроръ!
Не откажи ты мнѣ во дружбѣ,
Въ одной считаемся мы службѣ,
Хотя и не въ однихъ чинахъ—
Ты офицеръ ужъ заслуженный
И Аполлономъ награжденный,
За вкусъ разборчивый въ стихахъ:
А я, я рекрутъ новобранный
И на Парнассѣ безъимянный,
И нѣтъ заслуги никакой,
Какъ развѣ то, что музъ служитель,
Прямыхъ талантовъ я почитель,
И потому поклонникъ твой!

XXV.

ПѢСНЯ.

СЪ ФРАНЦ.: O TOI, QUE j'ADORE...

Приди, мой другъ, волненья
Души моей смири
И снова увѣренья
Въ любви мнѣ повтори!
Ахъ, сжалься надъ тоскою
Плѣненнаго тобою,
Свои восторги ты съ моими съедини,
Укрась любовію безрадостные дни.
Когда тебя встрѣчаю,
Теряюсь, трепещу,
Въ отсутствіи страдаю
И по тебѣ грущу,
И всюду несчастливой,
Душою я тоскливой,
Прошу тебя у водъ, у рощей, у луговъ,
У раннія зари, у вечера часовъ!

Измѣны, другъ сердечной,
Твоей не дай мнѣ зрѣть,
Любовью буду вѣчной
Къ одной тебѣ горѣть;
Но если позабудешь
И мнѣ невѣрной будешь,
Безъ жалобъ, безъ упрекъ, прощаяся съ тобой,
Угасну, на тебя взоръ устремивши мой.

XXVI.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Хвала любви, хвала вину,
Хвала пріятельской пирушкѣ!
Мы заживемъ какъ въ старину,
Будь сердце на рукѣ, а умъ и радость въ кружкѣ.

Пословица твердитъ давно:
Не постарѣешь на пирушкѣ,
Пей только старое вино
И вѣчной юности найдешь источникъ въ кружкѣ.

По мнѣ ученіе смѣшно
И миѳологія игрушка,
Мой нектаръ—старое вино,
Кастальскій ключъ — бокалъ, Элизіумъ — пирушка!

Иной морей тревожитъ дно,
Другой безумецъ рвется къ пушкѣ;
Я въ мірѣ зрю одно вино,
А міръ обширный зрю въ моей обширной кружкѣ.

Не пить иль пить, друзья, — равно
Слечь навсегда намъ на подушкѣ.
Такъ будь намъ жизнь и смерть вино;
Пылая жизнію — угаснемъ на пирушкѣ.

1813 г.

XXVII.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Художникъ здѣсь рукою вѣрной
Черты того изобразилъ,
Кто всѣми былъ любимъ безмѣрно
И отъ роду въ стихахъ самъ мѣры не хранилъ.

XXVIII.

КЪ ТИРТЕЮ СЛАВЯНЪ.

Давно ли ты, среди грозы военной,
Тиртей Славянъ на лирѣ вдохновенной
Побѣду пѣлъ передъ вождемъ побѣдъ,
И лаврами его означилъ слѣдъ?
Давно ли ты, воспламененъ героемъ,
Воспѣлъ его, съ безтрепетнымъ покоемъ
Стоящаго предъ трепетнымъ врагомъ?
О сколь тебѣ прекрасенъ передъ строемъ
Казался онъ съ израненнымъ челомъ!
И ты прочелъ, въ священномъ упоеньѣ,
На семъ челѣ судьбины приговоръ:
Успѣхъ вождя и пришлеца позоръ
И ты предрекъ грядущихъ дней явленье.

Но гдѣ-жъ тобой обѣщанный возвратъ?
Гдѣ вождь побѣдъ? увы, и старъ и младъ,
Предупредя дрожащій лучъ денницы,
Во срѣтенье къ нему не поспѣшатъ;
Не окружатъ побѣдной колесницы
И спасшей ихъ отмстительной десницы
Къ устамъ своимъ не поднесутъ стократъ!
И каждый шагъ его не огласятъ
Языкомъ чувствъ, хвалою благодарной;
Не придетъ сей желанный нами день!
Внезапно смерть простерла ночи тѣнь
На путь вождя, путь славы лучезарной!
Спасенья мужъ свой зоркій глазъ смежилъ
И тѣсный гробъ—великаго вмѣстилъ!
Обвей свою ты кипарисомъ лиру,
Тиртей Славянъ! и прахъ, священный міру,
Да пѣснь твоя проводитъ въ мрачный сводъ
И тѣнь его, съ безоблачныхъ высотъ
Склонясь на гласъ знакомыхъ пѣснопѣній,
Твой будетъ щитъ и вдохновенья геній!

XXIX.

КЪ КН. ТРУБЕЦКОЙ,

КОТОРАЯ НА БЕРЕГУ ВОЛГИ ПРЕЛЬЩАЛАСЬ ЗВѢЗДОЮ, СІЯЮЩЕЙ НА ЧИСТОМЪ НЕВѢ.

Какъ ясная звѣзда, прельстившая твой взоръ,
Свѣтлѣетъ надъ вершиной горъ
И надъ катящейся въ безмолвіи рѣкою,
Молю боговъ всещедрыхъ я,
Да не мрачится ввѣкъ тоскою
Безоблачная жизнь твоя!
И какъ застигнутый пловецъ полночной тьмою,
Спасительнымъ лучамъ ввѣряяся ея,
Летитъ ко пристани безвредною стезею,
Такъ нѣкогда да избранный тобою,
Полнъ благодарности къ судьбѣ,
Познаетъ къ счастью путь, ввѣряяся тебѣ!

XXX.

КЪ БАРАНОВОЙ,

НА ПРИСЛАННЫЙ ЕЮ БАНТЪ ДЛЯ КРЕСТА.

Герой мнѣ далъ его. Священною цѣною
Усердность онъ мою въ день битвы увѣнчалъ;
Ты даръ его своей украсила рукою:
Отнынѣ мнѣ онъ памятникомъ сталъ
Геройства съ красотою.

1814 г.

XXXI.

НАДПИСЬ НАДЪ БЮСТОМЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, Онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись — Онъ сынъ твой, Онъ твой царь!

XXXII.

ПОЛЬСКОЙ.

(Пѣснь на взятіе Парижа).

Упалъ на дерзкія главы
Громъ мести сильной и правдивой:
Знамена, мстители Москвы,
Шумятъ надъ Сеной горделивой.
Возстань, о древній градъ Царей,
И отряси съ чела туманы,
Да славою твоихъ дѣтей
Твои цѣлятся нынѣ раны!

*
* *

ХОРЪ.

Мы празднуемъ твою днесь месть!
Москва! хвала тебѣ и честь!
Твои развалины священны, —
Онѣ гробницей бѣдъ вселенны.

Небесъ къ намъ грозныхъ приговоръ
Просилъ отъ свѣта жертвы славной;
Безъ ропота и безъ укоръ
Склонилась ты главой державной.
Три дня объятая огнемъ,
Ты гнѣвъ ихъ ярый утолила;
Разящій отвратила громъ
съ нами примирила.

ХОРЪ.

Москва! твоихъ развалинъ видъ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научатъ.

Сраженъ полуденный кумиръ
Отъ твердой Сѣвера десницы,
Уже сердцамъ свѣтлѣетъ миръ,
Какъ послѣ бури лучъ денницы,
И съ умиленіемъ къ Москвѣ
Народы, жертвы долгой брани,
Въ благоговѣйномъ торжествѣ
Возносятъ благодарны длани.

ХОРЪ.

Народы! бичъ вашъ гордый палъ!
День отдыха для васъ насталъ!
Омытые своею кровью,
Связуйтесь миромъ и любовью!

Красуйся славою въ вѣкахъ,
Москва! спасительница міра!
Да будетъ ввѣкъ въ твоихъ стѣнахъ
Обитель счастія и мира!
Да процвѣтутъ твои сыны
И дѣвы, прелестьми вѣнчанны;
Да придетъ съ ужасовъ войны
Къ тебѣ скорѣй твой Царь желанный!

ХОРЪ.

Спѣши, о радостный намъ часъ!
Да узримъ мы Царя средь насъ!
Да отдохнетъ на нашихъ дланяхъ
Герой, увѣнчанный во бранях!

XXXIII.

МНОГОЛѢТІЕ,

ПѢТОЕ ВО ВРЕМЯ УЖИНА, ПРИ ПИТЬѢ ЗА ЗДРАВІЕ ГОСУДАРЯ.

Многія лѣта, многія лѣта,
Спасшему царства праведной битвой,
Славѣ Россіи, радости свѣта!
Боже! тронися нашей молитвой:
Спасшему царства праведной битвой,
Славѣ Россіи, радости свѣта,
Многія лѣта, многія лѣта!

XXXIV.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Двѣ строчки Клитъ стихами написалъ,
И радъ безъ памяти... Да какъ и быть не раду!
Онъ, бѣдный, двѣ ночи не спалъ:
Теперь хотя уснетъ за тяжкій трудъ въ награду.

2.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,
Клеонъ спѣшитъ свои творенья въ свѣтъ издать.
Что́ противъ этого сказать?
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ собрать,
Пріятно съ милою семьею обитать;
Но, по несчастію, *въ семьѣ не безъ урода!*

3.

„За чѣмъ въ трагедіи недавно сочиненной,
Гдѣ Фирсисъ свой талантъ приноситъ въ даръ вселенной,
Такъ часто авторъ сей велитъ *трубамъ трубить?*“
— За чѣмъ? смѣшной вопросъ!—чтобъ зрителей будить.

XXXV.

ДРЕВНІЕ И НОВЫЕ.

Героя древнихъ лѣтъ, съ почтенной сѣдиной,
Лавровымъ листвіемъ морщливый лобъ украшенъ
За то, что онъ врагамъ отечества былъ страшенъ;
А мы тотъ листъ кладемъ на окорокъ свиной.

XXXVI.

КЪ СЛЕЗЛИВОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Когда плачевные стихи твои читаю,
Ты сердишься за то, что слезъ не проливаю.
Сердиться на меня за то тебѣ грѣшно!
Виновенъ ли я въ томъ, что плачешь ты смѣшно?

XXXVII.

НА ПОЭМЫ ВЪ ЧЕСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Не страненъ ли судебъ уставъ!
Пѣвцы Петра—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ;
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

XXXVIII.

КЪ КОКОШКИНУ И МЕРЗЛЯКОВУ.

За Москвою, что́ бывало
Бѣлокаменной Москвой
Звали на Руси святой,
Но гдѣ нынѣ камней мало
И бѣлѣетъ снѣгъ одинъ
На громадахъ обгорѣлыхъ—
Въ тишинѣ лѣсовъ, долинъ,
У ручьевъ оледенѣлыхъ
Не чудакъ и не мудрецъ,
Но такъ, попросту, бѣглецъ
Отъ дурачествъ суетливыхъ,
И умѣющій тайкомъ,
Безъ желаній прихотливыхъ,
Счастливъ быть въ углѣ своемъ,
И забытый шумнымъ свѣтомъ,
И почти забывши свѣтъ,
Молодымъ анахоретомъ
Поживаетъ вашъ поэтъ!
Онъ отъ шума устранился
И заботамъ поклонился—
Имъ служить ему не въ мочь;
Но отъ дружбы онъ не прочь.
И пріятелей съ Парнасса,
Моліера онъ и Тасса,

Призываетъ въ уголъ свой
Погостить съ нимъ день, другой.
Филемонъ, какъ мы читаемъ
Въ лѣтописцѣ всѣхъ чудесъ
И проказъ жильцовъ небесъ,
Зевса съ богомъ-краснобаемъ
Къ удивленью своему
Угостилъ въ своемъ дому.
Онъ безъ памяти доволенъ
Былъ нечаяннымъ гостямъ;
Каждый здѣсь во вкусахъ воленъ,
Радъ бы не былъ я богамъ!
Зевсъ, скажу чистосердечно,
Долженъ быть тяжелъ подъ часъ;
А Меркурій, безконечной
Враль, какъ много ихъ у насъ.
Изо всѣхъ боговъ, я каюсь,
И молюсь и поклоняюсь
Аполлону одному,
Съ нимъ желалъ бы повидаться,
Но до сей поры, признаться,
Глухъ онъ къ зову моему.
Отъ моленій безполезныхъ
Я утѣшиться готовъ,
Если въ уголъ мой любезныхъ
Дозовусь егоословъ!

XXXIX.

КЪ МЕЖАКОВУ.

Нѣтъ, нѣтъ, обмановъ соплетатель
И Музы робкія ласкатель,
Хотя и складно ты поешь,
Меня въ вороны не введешь;
Не каркну я, прельстясь хвалами,
На смѣхъ лисицѣ и уму:
Живемъ на бѣломъ свѣтѣ сами
И знаемъ, вѣрить здѣсь чему.
Но если бъ было справедливо,
Что данъ мнѣ съ неба лестный даръ
Воспламенять твой духъ лѣнивой
И пробуждать твой къ пѣнью жаръ,
Охотно я бы и безъ толку
Съ утра до вечера все пѣлъ,
И мой гудокъ бы безъ умолку
Скрипѣлъ, скрипѣлъ да и скрипѣлъ!
Доволенъ пользой приносимой
Нескладнымъ пѣніемъ моимъ —
Какъ червь, трудящійся незримо,
Готовитъ рвеніемъ своимъ
Тотъ шелкъ, который обращенный
Искусства хитрою рукой

Въ нарядъ, любимый красотой,
Плѣняетъ взоры изумленны —
Нестройностью моихъ стиховъ
Готовилъ бы я пѣсни стройны,
Которыя гремѣть достойны,
На пиршествахъ самихъ боговъ.

1815 г.

XL.

КЪ ПОДУШКѢ ФИЛЛИДЫ.

Повѣдай тайны мнѣ свои,
Подушка, смятая Филлидой,
Пухъ съ горлицъ, вскормленныхъ Кипридой,
Иль съ легкихъ крыліевъ любви.

Не сказывай, что́ взоръ встрѣчаетъ,
Когда покровъ съ себя ночной
Откинетъ легкою ногой,
Или зефиръ его сдуваетъ.

Не сказывай ты мнѣ равно,
Какъ устъ прелестныхъ осязаньемъ
И сладостнымъ она дыханьемъ
Твое согрѣла полотно.

И самъ Амуръ краснорѣчивый
Всего бы мнѣ не разсказалъ
Того, что прежде угадалъ
Мечтою я нетерпѣливой.

Нѣтъ, нѣтъ! повѣдай мнѣ сперва,
Какъ часто съ робостію скромной
Любви восторговъ шепчетъ томно
Она волшебныя слова!

Скажи мнѣ, сколько слезъ укоры
И ревности упало слезъ
Въ тебя, когда я вѣткой розъ
Украсилъ грудь Элеоноры.

На-дняхъ украдкою въ тѣни
Она меня поцѣловала:
Ты видишь — ты любимъ, сказала,
Но отъ меня самой храни.

Въ огнѣ желаній, упоенья
Невинности не оскорбилъ,
Я отказался наслажденья,
Но я надежду сохранилъ.

Я тутъ съ Филлидою разстался.
Скажи, могла ль она заснуть?
Скажи, какъ трепетала грудь,
Какъ вздохъ за вздохомъ вырывался?

Дѣвица въ поздніе часы
Подъ завѣсомъ не столь таится:
Душа ея нагая зрится,
Какъ и открытыя красы.

Другимъ бы можетъ-быть скорѣе
Пристало тайны знать твои,
Но изъ поклонниковъ любви
Достойнѣй тотъ, кто всѣхъ нѣжнѣе.

Когда, ущедренный судьбою,
Я при тебѣ къ груди своей
Прижму ее и робость въ ней
Я поцѣлуемъ успокою?

Вечоръ мнѣ руку подала,
Затрепетала и вздохнула;

Ты завтра приходи! шепнула
И, закраснѣвшись, отошла.

О, боги! можно ли мнѣ льститься?
Прелестной вѣрить ли судьбѣ?
Подушка! вечеромъ къ тебѣ
Приду отвѣта допроситься.

XLI.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

По зыбкимъ, бѣлымъ облакамъ
Горятъ пылающія розы,
Денницы утреннія слезы
Блестятъ, какъ жемчугъ по лугамъ,
И съ пышной липы и березы
Душистый вѣетъ ѳиміамъ!

Разлитое струями злато
Волнуется на темяхъ горъ,
Садовъ богини вѣрный дворъ —
Зефировъ легкихъ рой крылатый —
Летитъ на сотканный коверъ
Рукою Флоры тароватой.

Насталъ любви условный часъ,
Часъ сладострастья, часъ желаній.
Спи, Аргусъ, подъ крыломъ мечтаній!
Не открывай, ревнивецъ, глазъ!
Красавицы! звѣзда свиданій,
Звѣзда Венеры будитъ васъ.

Оставь ты одръ уединенный,
Услышь, о Дафна, друга зовъ!
Накинь свой утренній покровъ,
И матери непробужденной

Оставь неблагосклонный кровъ,
Восторгами не освященный.

Приди ко мнѣ! Насъ въ рощахъ ждетъ
Подъ сѣнь таинственнаго свода
Теперь и нѣга, и свобода;
Птицъ ожилъ хоръ и шопотъ водъ,
И для любви сама природа
Отъ сна, о Дафна, возстаетъ!

XLII.

КЪ СОФЬѢ.

Ты тьму различностей въ себѣ соединяешь:
Какъ ангелъ хороша, какъ духъ насъ мучишь злой,
Ты именемъ своимъ о *мудрости* вѣщаешь
И *до безумія* плѣняешь красотой.

XLIII.

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

ГР. СОФІИ АЛЕКСѢЕВНѢ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Чего мнѣ пожелать, прелестная Софія,
На новый годъ тебѣ? Напрасно бы искать!
Пускай отъ Неба ждутъ даровъ себѣ другіе,
Тебѣ ужъ нечего желать.

XLIV.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Любуяся на дняхъ собою,
Амуръ предъ зеркаломъ стоялъ,
И отъ роду своей красою
Еще онъ такъ доволенъ не бывалъ.
Но хвастунишка ошибался:
Онъ былъ передъ простымъ стекломъ,
И Софьи красотой плѣнялся,
Къ стеклу подкравшейся тайкомъ.

XLV.

КЪ ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ.

Давыдовъ, баловень счастливый
Не потаскушки той слѣпой,
Податливой и вдругъ спѣсивой,
Вертящей міръ своей клюкой,
Предъ коею народъ трусливый
Поникъ просительной главой,—
Но Музы острой и шутливой
И Марса, яраго въ бояхъ.
Пусть грудь твоя, противнымъ страхъ,
Не отливается игриво
Въ златистыхъ и цвѣтныхъ лучахъ,
Какъ радуга на облакахъ;
Но мнѣ твой усъ краснорѣчивой,
Взращенный, завитой въ поляхъ
И дымомъ брани окуренный,
Повѣствователь неизмѣнный
Твоихъ набѣговъ удалыхъ
И ухарскихъ врагамъ привѣтовъ,
Колеблющихъ дружины ихъ;
Пусть генеральскихъ эполетовъ
Не вижу на плечахъ твоихъ,
Отъ коихъ часто поневолѣ
Вздымаются плеча другихъ.
Не всѣ быть могутъ въ равной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ:

Иной, безстрашный въ ратномъ полѣ,
Застѣнчивъ при дверяхъ вельможъ;
Другой, застѣнчивый средь боя,
Съ неколебимостью героя
Вельможей осаждаетъ дверь;
Но не тужи о томъ теперь.
На барскую ты половину
Ходить съ поклономъ не любилъ,
И скромную свою судьбину
Ты благородствомъ озлатилъ;
Врагамъ былъ грозенъ не по чину,
Друзьямъ ты не по чину милъ.
Спѣши въ объятья ихъ безъ страха
И, въ соприсутствіи намъ Вакха,
Съ друзьями здѣсь возобнови
Союзъ священный и прекрасный,
Союзъ и братства, и любви,
Судьбѣ могущей неподвластный.
Гдѣ чаши свѣтлаго стекла?
Пускай ихъ рядъ, въ сей день счастливый,
Уставитъ грозно и спѣсиво
Обширность круглаго стола,—
Сокрытый въ нихъ рукой цѣлебной,
Даръ благодатный, даръ волшебный
Благословеннаго *Аи*
Кипитъ, бьетъ искрами и пѣной—
Такъ жизнь кипитъ въ младые дни...
Тамъ за столомъ непринужденно
Родятся искры острыхъ словъ,
Другъ друга гонятъ, упреждаютъ,
И, загорѣвшись, угасаютъ
При шумномъ смѣхѣ остряковъ.
Ударимъ радостно и смѣло
Мы чашу съ чашей въ звонкій ладъ;
Но твой, Давыдовъ, бѣглой взглядъ
Окинулъ кругъ друзей веселой,

И, среди насъ осиротѣлый,
Ты къ чашѣ грустно приступилъ,
И вздохъ невольный и тяжелый
Поверхность чаши заструилъ.
Вздохъ сердца твоего мнѣ внятенъ,
Онъ скорбной траты тайный гласъ,
И сей бродящій взоръ понятенъ—
Онъ ищетъ Бурцова средь насъ.
О Бурцовъ, Бурцовъ! Честь гусаровъ,
По сердцу Вакха человѣкъ!
Ты не поморщился вовѣкъ
Ни съ блеска сабельныхъ ударовъ,
Блестящихъ надъ твоимъ челомъ,
Ни съ разогрѣтаго арака,
Желтѣющаго за стекломъ
При дымномъ пламени бивака.
Отъ сиротствующихъ пировъ
Ты былъ оторванъ смертью жадной;
Такъ рѣзкій вѣтръ, посолъ снѣговъ,
Въ борьбѣ съ лозою виноградной,
Красой и гордостью садовъ,
Срываетъ съ корнемъ, повергаетъ,
И въ ней надежду убиваетъ
Усердныхъ Вакховыхъ сыновъ.

Не удалось судьбой жестокой
Ударить робко чашей мнѣ
Съ твоею чашею широкой,
Всегда потопленной въ винѣ.
Я не видалъ ланитъ румяныхъ,
Ни на челѣ слѣдовъ багряныхъ
Побѣдъ, одержанныхъ тобой;
Но здѣсь, за чашей круговой,
Клянусь Давыдовымъ и Вакхомъ,
Пойду на холмъ надгробный твой
Съ благоговѣніемъ и страхомъ;

Водяныхъ слезъ я не пролью,
Но свѣжимъ плющемъ холмъ украшу,
И, опрокинувъ полну чашу,
Я жажду праха утолю;
И мой рѣзецъ, въ рукѣ дрожащій,
Изобразитъ отъ сердца стихъ:
„Здѣсь Бурцовъ, другъ пировъ младыхъ,
„Сномъ вѣчности и хмѣля спящій.
„Любилъ онъ въ чашахъ видѣть дно,
„Врагамъ казать лицо средь боя:
„Почтите падшаго героя
„За честь, отчизну и вино“.

XLVI.

ЭПИГРАММА.

Крезъ богатѣетъ каждый годъ
И скупость каждый годъ его сильнѣе мучитъ.
Бѣда, какъ новое наслѣдство Крезъ получитъ:
Онъ съ голоду умретъ!

XLVII.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Гонители моей невинной лѣни,
Ко мнѣ и льстивые, и строгіе друзья,
Благодарю за похвалы и пени—
Но не лѣнивъ, а остороженъ я.
Пускай, довольствуясь быть знаемъ въ кругѣ маломъ,
Я ни однимъ еще не завладѣлъ журналомъ,
И, пальцемъ на меня указывая, свѣтъ
Не говоритъ: вотъ записной поэтъ!
Но признаюсь, хотя и лестно, а робѣю:
Легко, не согласясь съ способностью моею,
Обогатить, друзья, себѣ и вамъ на зло
Писателей дурныхъ богатое число.
Немало видимъ мы въ поэтахъ жертвъ несчастныхъ
Успѣха перваго и первой похвалы;

Для нихъ день ясный былъ предтечей дней ненастныхъ,
И вѣтръ, сорвавъ съ береговъ, ихъ бросилъ на скалы.
Притомъ, хотя онѣ безсмертнаго рожденья,
Но музы—женщины—не нужно объясненья!
Смѣшонъ, кто съ первыхъ ласкъ имъ ввѣриться готовъ;
Какъ часто васъ онѣ коварно задираютъ,
Когда вы ихъ не ищете даровъ;
А тамъ еще стократъ коварнѣй покидаютъ,
Когда вы, соблазнясь притворной лаской ихъ,
Владычицъ видите въ нихъ и богинь своихъ!
Смотрите—не искать тому примѣровъ дальнихъ:
Мы здѣсь окружены толпой
Обманутыхъ любовниковъ печальныхъ.
Не знавшись съ музами, они бъ цвѣли душой,
И въ нѣгѣ тишины цѣлебной
Лишь мимоходомъ знали бъ трудъ!
Но первый ихъ экспромтъ разрушилъ міръ волшебной
И риѳмы коршуны, въ нихъ впившись, ихъ грызутъ.
Быть можетъ, удалось крылатымъ вдохновеньемъ
И мнѣ подъ-часъ склонять на робкой гласъ пѣвца
Красавицъ, внемлющихъ мнѣ съ тайнымъ умиленьемъ,
Иль на бѣду его счастливымъ выраженьемъ
Со смѣхомъ сочетать прозваніе глупца.
И смерть пускай его предастъ забвенью, злобѣ,
Мой дѣятельный стихъ его и въ дальнемъ гробѣ
Преслѣдуетъ, найдетъ, потомству воскреситъ,
И внуковъ памятью о дѣдѣ разсмѣшитъ!
Иль смѣлою рукой младую лиру строя,
Быть можетъ, съ похвалой я пѣлъ Царя-героя,
И такъ и быть—здѣсь вамъ шепну на всякій страхъ,
Быть можетъ, больше я и въ четырехъ стихахъ
Сказалъ о немъ, чѣмъ сонмъ лже-Пиндаровъ надутыхъ
Въ громадахъ пресловутыхъ
Ихъ одъ торжественныхъ, гдѣ торжествуетъ вздоръ,
И мать счастливая увѣнчаннаго сына
(Награда лестная, завидная судьбина!)

Привѣтливый на нихъ остановила взоръ.
Я праведно бы могъ гордиться въ упоеньи;
Но строгій для другихъ, иль буду къ одному
Я снисходителенъ себѣ, на смѣхъ уму?
Нѣтъ, нѣтъ! опасное отвергнувъ обольщенье,
Удачу не сочту за несомнѣнный даръ;
И Рубанъ при одномъ стихѣ вошолъ въ храмъ славы.
И въ наши, можетъ, дни (чѣмъ не шутилъ лукавый?)
Порядочнымъ стихомъ обмолвится Гашпаръ.
О, дайте мнѣ, друзья, подъ безмятежной тѣнью,
Куда укрылся я отъ шума и отъ грозъ,
На ложѣ сладостномъ изъ маковъ и изъ розъ,
Разостланномъ счастливой лѣнью,
Понѣжиться еще въ безвѣстности своей!
Успѣховъ просить умъ, а сердце счастья просить!
И самолюбія ножъ острый часто косить
Весенніе цвѣты младыхъ и красныхъ дней.

Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я, что́ бъ мнѣ ни обѣщали,
Блаженнымъ Скюдери не буду подражать!
Чтобъ болѣе меня читали,
Я стану менѣе писать.

XLVIII.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Ты правъ, любезный Пушкинъ мой,
Съ людьми ужиться въ свѣтѣ трудно!
У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой;
Но пусть невѣжество—талантовъ судіей—
Ты смѣйся—и молчи... Роптанье безразсудно!
Грудистыхъ крикуновъ, въ которыхъ разумъ скудной
Запасомъ дерзости съ избыткомъ замѣненъ,
Перекричать нельзя; языкъ ихъ—брань, искусство—
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство,
А демонъ зависти—ихъ мрачный Аполлонъ!
Но ихъ безвредное, смѣшное вѣроломство
Въ борьбѣ съ талантами не можетъ устоять;
Какъ волны отъ скалы, оно несется вспять!
Что вѣкъ зоила? день! Вѣкъ генія? потомство.
Учись! здѣсь Карамзинъ, честь края своего,
Сокрывшихся вѣковъ отважный собесѣдникъ,
Наперсникъ древности и Ливія наслѣдникъ,
Не знаетъ о врагахъ, шипящихъ вкругъ него.
Пускай дурачатся! Гордись рукоплесканьемъ
Сотрудниковъ своихъ. Ихъ рѣчи—тщетный звонъ!
Не примѣчая ихъ, наказываетъ онъ
Витійственный ихъ гнѣвъ убійственнымъ молчаньемъ.
Такъ путникъ посреди садовъ,
Любуясь зеленью и свѣжими цвѣтами,

Не видитъ подъ травой ползущихъ червяковъ,
Ихъ топчетъ твердыми ногами,
И далѣе идетъ, не думая о нихъ.
Оставимъ сихъ слѣпцовъ; ихъ сумрачныя очи,
Привыкшія ко тьмѣ, бѣгутъ лучей дневныхъ;
И, пожелавъ имъ доброй ночи,
Созовемъ къ себѣ друзей своихъ
Стихи читать, не зачитаться,
Поговорить и посмѣяться
На свой, подъ часъ и счетъ другихъ;
Но только съ тѣмъ, чтобъ осторожно!
И въ дружескомъ кругу своемъ,
Повѣрь, людей еще найдемъ,
Съ которыми ужиться можно.

XLIX.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы свободы
Отъ должности убійственной своей,
Съ недавнихъ поръ пустился въ переводы.
Эрастъ! дивлюсь я твердости твоей.
Иль мало перевелъ въ уѣздѣ ты людей?

2.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Надалъ
Который цѣлый вѣкъ картавилъ,
И ничего не досказалъ;
Вѣкъ цѣлый публику забавилъ,
И никого не забавлялъ,
И томовъ шесть стиховъ оставилъ,
О коихъ лишь Всевѣдецъ зналъ.

L.

МАДРИГАЛЫ.

1.

Е. Н. К.

Веселый нравъ, для сердца взглядъ опасный,
Умъ, предразсудкамъ непричастный,
И красоту души природа вамъ дала,
Какъ матерь нѣжная, сказавши съ умиленьемъ:
Будь такъ же счастлива, какъ будешь ты мила,
Будь общества душой и ближнимъ утѣшеньемъ!

2.

Е. А. Г.

Глаза у васъ прелестные, согласенъ!
Вы шутите и судите умно,
И ваша кисть и голосъ вашъ прекрасенъ,
И, словомъ, вамъ все, кажется, дано;
Но, признаюсь, въ порокѣ обвиняетъ
И васъ однимъ судъ строгія молвы:
Въ васъ сердце, я слыхалъ, любви не знаетъ;
Спознайтесь съ ней, и совершенны вы!

3.

Настасьѣ Павловнѣ Мансуровой.

Притворство, лесть противны, знаю, вамъ!
Хоть, Аполлоновъ жрецъ, и я не друженъ съ ними,
Я, право, не люблю давать моимъ стихамъ
Быть въ ссорѣ съ чувствами моими;
Мнѣ правды святъ языкъ, а если и солгу,
Такъ, видно, иначе ужъ сдѣлать не могу!
Но, съ вами говоря, мнѣ дѣла нѣтъ до басенъ,
До вымысловъ, до лести дѣла нѣтъ;
Когда я васъ хвалю, я съ истиной согласенъ—
Я живописецъ, не поэтъ!

LI.

КЪ ЕЛЬМИНѢ.

Ельмина! ты собой прекрасна!
Умна, добра и весела,
Съ лицомъ душа твоя согласна,
Лицомъ, какъ и душой, мила.
Въ своихъ пріятныхъ разговорахъ
Мѣшаешь разумъ съ остротой.
Ельмина! Ты мила въ уборахъ,
Мила и собственной красой.
Плѣнять есть твой удѣлъ безспорный,
Лети хоть въ Кяхту, хоть въ Парижъ —
Найдешь вездѣ сердца покорны,
Найдешь — взоръ бросишь, побѣдишь.

LII.

КОГДА.

Когда утихнутъ дни волненья,
И яснымъ днямъ придетъ чреда?
Разсѣется звѣздой спасенья
Кровавыхъ облаковъ гряда—
Когда, когда?

Когда воскреснутъ добры нравы,
Уснетъ и зависть, и вражда?
Престанутъ люди для забавы
Желать взаимнаго вреда—
Когда, когда?

Когда корысть, не зная страха,
Не будетъ въ храминахъ суда?
И въ погребахъ, въ призрѣньѣ Вакха,
Вино размѣшивать вода—
Когда, когда?

Когда поэты будутъ скромны,
При счастьи глупость не горда,
Красавицы не вѣроломны,
А дружба въ бѣдствіяхъ тверда—
Когда, когда?

Когда очистится съ Парнасса
Невѣрныхъ злобная орда,

И дикаго ея Пегаса
Смиритъ надежная узда—
Когда, когда?

Когда на языкѣ любовномъ
Нѣтъ будетъ *нѣтъ*, да́ будетъ *да*,
И у людей въ согласьи ровномъ
Расти съ разсудкомъ борода—
Когда, когда?

Когда не по полу прихожей
Стезю проложатъ въ господа,
И будетъ вывѣска вельможей
Высокій духъ, а не звѣзда—
Когда, когда?

Когда газета позабудетъ
Людей морочить безъ стыда,
Суббота отрицать не будетъ
Того, что́ скажетъ середа—
Когда, когда?

LIII.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Кинемъ печали!
Боги намъ дали
Радость на часъ;
Радость отъ насъ
Молній быстрѣе
Быстро паритъ,
Птичекъ рѣзвѣе
Рѣзво летитъ.
Неумолимой
Неумолимъ,
Невозвратимой
Невозвратимъ.

Утромъ гордится
Роза красой,
Роща живится
Утромъ росой.
Вѣтеръ не смѣетъ
Тронуть листковъ,
Флора лелѣетъ
Прелесть садовъ.
Въ вечеръ прелестной

Вянетъ цвѣтокъ.
Други! безвѣстно
Сколько намъ рокъ
Жизни отложитъ;
Вечеръ, быть можетъ,
Нашъ не далекъ.

LIV.

ПРЕКРАСНОЙ ИТАЛЬЯНКѢ.

Римляне древніе землѣ законъ писали;
Римляне нашихъ дней покорствуютъ попамъ;
Но въ даръ тебѣ судьбы даръ предковъ ниспослали.
Прекрасная! твой взглядъ даетъ законъ сердцамъ.

LV.

ГУСЬ И ЗМѢЯ.

БАСНЯ.

(Изъ Ирiарта, испанс. поэта)

Ну былъ ли кто, когда,
Щедрѣе надѣленъ меня рукой природы?
Кричалъ спѣсивый гусь на берегѣ пруда:
Покорны и земля, и воздухъ мнѣ, и воды.
Все дѣлаю, что̀ бъ я ни захотѣлъ;
Препятствій нѣтъ моей непостоянной волѣ!
Наскучилъ плавать? полетѣлъ;
Наскучилось летать? прогуливаюсь въ полѣ.
— Къ чему изволишь, гусь, такъ величать себя?
Съ насмѣшкой хвастуну змѣя,
Подкравшись, просвистала,
Оленьяго, мой другъ, въ тебѣ проворства нѣтъ,
Съ полетомъ сокола не равенъ твой полетъ;
А щука о тебѣ на днѣ и не слыхала!
И такъ совѣтую смирнёхонько сидѣть.
И милости твоей я доложу: не трудно
На все кидаться безразсудно,
Но трудно въ чемъ-нибудь успѣть.

Поэтъ! нѣтъ, нѣтъ! Риѳмачъ! нашъ трагикъ, нашъ сатирикъ,
Нашъ баснословъ, нашъ лирикъ,
Назвать тебя остерегусь,
Но на ухо тебѣ шепну: ты тотъ же гусь!

LVI.

ПОЭТИЧЕСКІЙ ВѢНОКЪ ШУТОВСКАГО.

1.

Въ комедіяхъ, сатирахъ Шутовскаго
Находимъ мы веселость словаря,
Затѣйливость мѣсяцеслова,
И соль, и колкость букваря.

2.

Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь,
За неудачами отъ неудачъ спѣшишь:
Комедіей друзей ты плакать заставляешь,
Трагедіей ты зрителей смѣшишь.

3.

Когда затѣйливымъ перомъ,
Забавникъ Шутовской, шутя, *Сосѣдовъ* ссорилъ,
Самъ не на шутку онъ, Богъ вѣсть, за что повздорил
Съ партёромъ, вкусомъ и умомъ.

4.

Коварный, *Новый Стернъ*, *Пигмеи!*
Они незрѣлый плодъ творца,
Но *Полубарскія Затѣи*
Затѣи полнаго глупца.

5.

Напрасно говорятъ, что грѣшника черты
Доносятъ намъ, какъ онъ раскаяньемъ замученъ,
Смотрите: какъ румянъ и тученъ
Убійца *Сироты*.

6.

Вольтеръ насъ трогаетъ *Китайской Сиротой*,
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пени;
Но слезы превратилъ въ забаву Шутовской:
Онъ изъ трагедіи удачною рукой
Китайскія подѣлалъ тѣни.

7.

Съ какою легкостью свободной
Играешь ты въ стихахъ природой и собой,
Ты въ *Шубахъ* Шутовской холодной,
Въ *Водахъ* ты Шутовской сухой.

8.

Когда при свистѣ креслъ, партера и райка,
Торжественно сошелъ со сцены твой *Коварный*,
Вини себя, и впредь готовься не слегка.
Ты выбралъ для себя предметъ неблагодарный:
Тебѣ ли рисовать коварнаго портретъ?
Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ.
И каждый, кто прочтетъ трудовъ твоихъ собранье,
Или послушаетъ тебя минуты двѣ,
Увидитъ, какъ насквозь: въ душѣ вредить желанье
И неспособность въ головѣ.

LVII.

ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ.

1.

— Каковъ ты? Что-то все не спится,
Хоть пью лѣкарства по ночамъ.
Чтобъ отъ безсонницы лѣчиться,
Отправься къ Липецкимъ водамъ.

2.

— Каковъ ты? Пламя потаенно
Жжетъ кровь мою на зло врагамъ.
Чтобъ просвѣжиться совершенно
Отправься къ Липецкимъ водамъ.

LVIII.

ПѢСНЬ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Раздайся пѣснь хвалы межь Русскими сынами!
Да гласы радости сольются въ звучный хоръ,
Отъ гордыхъ челъ Кавказскихъ горъ
До водъ Двины, кипящей льдами.
Сей день—день счастья Россіянъ:
Монархъ-Герой намъ небомъ данъ.
Да оживетъ восторгъ, и струны лиръ отгрянутъ,
И громъ раздастся ихъ на берегахъ Москвы!
Кремля столѣтнія главы,
Отринувъ мракъ, при немъ воспрянутъ.
Сей день—день счастья Россіянъ:
Монархъ-Герой намъ небомъ данъ.
Россія! къ небесамъ въ сей день неси молитвы!
Сей день со славою твоею сопряженъ;
Залогъ блаженства въ мирѣ онъ,
Залогъ побѣды онъ средь битвы;
О Царь! дни долгіе живи
Подъ сѣнью славы и любви.

LIX.

НА ОТКРЫТІЕ

ВЪ МОСКВѢ ДОМА РОССІЙСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.

Угасъ Перунъ, умолкнулъ бой,
И мщенье грозное почило,
И мужество предъ красотой
Доспѣхи бранные сложило.
Сокройся мечъ, дымящійся въ крови!
Довольно жертвъ свирѣпой славы.
Насъ призываетъ гласъ забавы
Во храмъ веселья и любви.
Сберитесь воины, сберитесь дѣвы юны,
И пѣснью радости воспламенятся струны.

Устала жадная война
Сбирать въ строяхъ съ героевъ дани.
Недвижны паши знамена,
Побѣдъ предтечи въ полѣ брани.
Умчалась ночь кровавыя войны,
И надъ воспрянувшей Москвою,
Одѣто счастія зарею
Восходитъ утро тишины.
Сберитесь воины, сберитесь дѣвы юны,
И пѣснью радости воспламенятся струны.

Съ звучащихъ радостію лиръ
Несется въ пѣсняхъ гласъ свободы!
Вселенная—обширный пиръ,
Семейство братіевъ—народы.
Союзъ Царей!—любви святой союзъ!
Уснули ненависть и мщенье,—
Все празднуетъ освобожденье
Отъ бремени позорныхъ узъ.
Стекитесь храбрые, отечества ограда!
Здѣсь дѣвы красоты; ихъ взглядъ—побѣдъ награда.

Давно ли здѣсь звучала брань,
Смерть по развалинамъ бродила?
Враговъ неистовая длань
Съ убійствомъ пламень разносила?
И снова днесь веселья слышенъ зовъ
Во храмъ, искусствомъ обновленный,
Мечемъ побѣды отомщенный
За дерзкій умыселъ враговъ.
Достойные сыны полунощной державы,
Почійте средь забавъ отъ бури бранной славы!

Вашъ подвигъ древность устыдилъ,
Потомству будетъ удивленьемъ;
Вамъ Царь вождемъ ко славѣ былъ,
Народовъ счастье—награжденьемъ.
Хвала! хвала! полунощи сыны!
Сподвижники Царя и мести!
Съ стези опасности и чести,
Отъ грома пламенной войны,
Спѣшите миръ вкусить, ласкаемы любовью!
Да отдыхаетъ мечъ, въ бояхъ омытый кровью.

Сберитесь стройныя четы,
Къ утѣхамъ нѣжнымъ и забавѣ,
Несите лавры и цвѣты,
Дань юной прелести, дань славѣ.

Да пропадетъ протекшихъ бѣдствій слѣдъ,
И на развалинахъ столицы
Взыграютъ мирныя пѣвицы—
Пророчицы счастливыхъ лѣтъ!
Достойные сыны полунощной державы,
Почійте средь забавъ отъ бури бранной славы.

LX.

РУССКІЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ СТѢНАХЪ ПАРИЖА.

На брегѣ Сены знаменитой,
Сынъ брани, славою забытый,
Обезоруженный герой,
Пѣлъ Русской плѣнникъ въ часъ ночной:
„Намъ, воины Москвы и чести!
Удѣлъ завидный данъ судьбой:
Въ кровавой битвѣ жажда мести;
Средь бѣдствій твердость и покой!

Врагамъ я отдалъ мечъ булатной,
Но мечъ, изсѣченный трикратно,
Былъ кровью дерзкихъ обагренъ:
Глаза подернулъ смерти сонъ.
О, воины Москвы и чести!
Товарищъ вамъ не измѣнилъ;
Сочтите раны: жажду мести
Я токомъ крови утолилъ!

Узрю ли васъ, друзья-герои!
И скоро ли блестящи строи
Обстанутъ вкругъ надменныхъ стѣнъ?
Побѣда выкупитъ мой плѣнъ.

О, воины Москвы и чести!
Пройдите дальнія поля!
Потухнетъ огнь священной мести
Съ позоромъ древняго Кремля!“

Онъ пѣлъ, и берегъ молчаливый
Его протяжные отзывы
Изъ края въ край передавалъ,
И ропотъ волнъ имъ отвѣчалъ;
Туманъ, разлитый надъ рѣкою,
При свѣжемъ вѣтеркѣ рѣдѣлъ,
И мѣсяцъ долгою струёю
Въ волнахъ трепещущихъ блѣднѣлъ!

Денница на небѣ свѣтлѣла,
И Сена тихая алѣла,
Небесъ рисуя яркій сводъ;
Нашъ плѣнникъ въ тишинѣ поетъ:
„О, воины Москвы и чести!
Пройдите дальнія поля!
Потухнетъ огнь священной мести
Съ позоромъ древняго Кремля!“

Но вдругъ на брегѣ молчаливомъ
Перуны вторятся отзывомъ;
Шумъ битвы тишину прервалъ,
И брегъ безмолвный застоналъ,
И въ сердцѣ юнаго героя
Шумъ битвы тишину прервалъ,
Онъ слышитъ гласъ знакома боя.
И въ немъ надежда ожила!

Гдѣ мечъ мой праздный, охладѣлый?
Гдѣ конь, въ бояхъ товарищъ смѣлый,
Краса Кавказскихъ табуновъ?
Онъ, вспомня клятву данныхъ словъ:

О, воины Москвы и чести!
Поетъ при Сенскихъ берегахъ,
Онъ запылалъ—день ярой мести,
А въ вашихъ нѣтъ меня рядахъ!

Но битвы шумъ умолкъ, и Сена
Зритъ съ гнѣвомъ Русскія знамена
На красныхъ берегахъ своихъ,
И рѣзвый вѣтръ колышетъ ихъ.
О! развѣвайтесь горделиво,
Знамена, честь Кремлёвскихъ стѣнъ!
Ты, воинъ, встрѣти день счастливый:
Побѣдой выкупленъ твой плѣнъ!

И на чело отъ ранъ священно
Онъ шлемъ надвинулъ оперенный,
Схватилъ рукой горящій мечъ,
И къ братьямъ простираетъ рѣчь:
О, воины Москвы и чести!
Я вашей славы не дѣлилъ,
Но въ тяжкомъ плѣнѣ чувствомъ мести
Товарищъ васъ достойный былъ!

LXI.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Памфилъ забавенъ за столомъ.
Хоть часто и на зло разсудку;
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти умомъ.

2.

Сказать о Θирсѣ мнѣнье трудно!
Его цѣню и такъ и сякъ:
Съ перомъ въ рукахъ онъ безразсудной,
А въ разговорѣ онъ дуракъ.

3.

Моей рукой ты раненъ былъ слегка,
Дружокъ! тебѣ остаться бы при этомъ;
Но вздумалъ ты меня почтить отвѣтомъ:
Зарѣзала тебя твоя рука.

LXII.

КЪ ПОДРУГѢ.

Отъ шума, отъ раздоровъ,
Гостинныхъ сплетней, споровъ,
Отъ важныхъ дураковъ,
Забавниковъ докучныхъ
И вѣчныхъ болтуновъ,
Съ злословьемъ неразлучныхъ,
Отъ жалкихъ пастушковъ,
При дамскихъ туалетахъ
Вздыхающихъ въ сонетахъ;
Отъ критиковъ-слѣпцовъ,
Завистниковъ талантовъ,
Нахмуренныхъ педантовъ,
Бродящихъ фоліантовъ,
Богатыхъ знаньемъ словъ;
Отъ суетнаго круга,
Что прозванъ свѣтъ большой,
О милая подруга!
Укроемся со мной.
Простись съ блестящимъ свѣтомъ,
Приди съ своимъ поэтомъ,
Приди подъ кровъ родной,
Счастливой и простой,
Гдѣ счастье неизмѣнно
И дружбой крылъ лишенно

Насъ угоститъ съ тобой!
Хотя мы жили мало,
Но въ вихрѣ юныхъ лѣтъ
Насъ горе испытало,
И по морю суетъ,
Пловцы неосторожны,
Мы часто брали ложный
Путь гибели и бѣдъ
За вѣрный и надежный,
Казавшій къ благу слѣдъ.
И тамъ съ бѣдой встрѣчались,
Гдѣ мы найти ласкались
И счастье, и покой.
О другъ безцѣнный мой!
Испытанное горе
Забвенью предадимъ,
И треволненій море
Уступимъ мы другимъ.—
Даръ рѣдкій, особливой
Съ небесъ необходимъ,
Чтобъ управлять счастливо
На немъ челномъ своимъ.
Что-жъ дѣлать? не имѣемъ
Искусства мы сего;
За то, мой другъ, умѣемъ
Прожить и безъ него.
Уже воображенье
Сближаетъ отдаленье
Мнѣ тѣхъ счастливыхъ дней,
Когда уединенье,
Покой и размышленье
Смирятъ души смятенье,
И усыпятъ страстей
Коварное волненье!
Уже среди полей,
Украшенныхъ природой,

Я, свергнувъ плѣнъ цѣпей,
Горжусь своей свободой,
И восхищаюсь ей,
Какъ плѣнникъ свобожденный,
Въ отчизну возвращенный
Отъ вражескихъ береговъ,
Съ восторгомъ внемлетъ пѣнью
Знакомыхъ голосовъ,
И веселится тѣнью
Родительскихъ дубовъ.
Уже тебя мечтою
Я, утренней порою,
Бѣгущей вижу въ садъ
Для нѣги и прохладъ,
И флорой и тобою
Украшенный стократъ!
Твой утренній нарядъ,
И скромный и прелестной,
Межъ зелени древесной
Бѣлѣется вдали,—
Ты все обозрѣваешь:
Здѣсь мирты поливаешь,
Гвоздику расправляешь,
Склоненную къ земли;
А тамъ тропу отъ спальни
Къ бесѣдкѣ, у купальни,
Прокладываешь ты!
Но воздухъ тмится паромъ,
И солнце пышетъ жаромъ
Съ лазурной высоты;
Тутъ ты работы бросишь,
И розу мнѣ приносишь—
Подобіе себя!
Но, ахъ! могу ли я
Грядущаго картину
Искусною рукой

Представить предъ тобой?
Нѣтъ! развѣ тѣнь едину
Тебѣ изображу;
Нѣтъ, развѣ половину
Я радостей скажу,
Которыя насъ встрѣтятъ,
Украсятъ и освѣтятъ
Смиренный нашъ пріютъ!
Съ чудесной быстротою
Дни новые бѣгутъ:
Межь утренней зарею
И сумрачной порою
Лишь нѣсколько минутъ
Сочтемъ, мой другъ, съ тобою!
Тогда какъ въ тѣхъ домахъ,
Гдѣ гордость съ суетою
И подлость, въ попыхахъ,
Одна передъ другою
Въ натянутыхъ словахъ
Невольно открываютъ
Всю скуку, что питаютъ
Въ изношенныхъ душахъ,
Едва тащится время
И каждый мигъ, какъ бремя,
Тягчится на плечахъ.
Быть можетъ, къ намъ въ обитель
Заманимъ мы друзей:
И тишины любитель,
И младости моей
Наставникъ и хранитель,
Безсмертной Кліи сынъ,
Трудами утомленный,
Подъ кровъ уединенный
Придетъ вкусить покой;
И, можетъ быть, младой
Наперсникъ фей и грацій,

Веселый какъ Горацій,
И сумрачный порой,
Какъ самый Громобой,
Въ полуночи ненастной
Балладою ужасной
Придетъ насъ восхищать,
И внемлющихъ безгласно
И трогать, и пугать;
А съ нимъ и сладострастной
Цитерскихъ тайнъ пѣвецъ,
Тибуллъ нашъ сладкогласной,
И гражданинъ, и жрецъ
Благословенной Книды,
Отъ Марса и Киприды
Пріявшій свой вѣнецъ,
Быть можетъ, къ намъ въ дубравы
Перенесетъ Тибуръ,
И сердцемъ Эпикуръ,
Всѣ обольщенья славы,
И шумныя забавы
Столицы между насъ
Придетъ забыть на часъ.
О дружба! жизни радость,
Твою святую сладость
Изъ дѣтства выше всѣхъ
Я почиталъ утѣхъ!
Всегда была ты страстью
Души моей младой,
И трудный путь ко счастью
Мнѣ проложенъ тобой.
О дружба! весь я твой.
И на одрѣ недуга
Я, въ часъ мой роковой,
Хочу коснуться друга
Трепещущей рукой!

И симъ прикосновеньемъ,
Какъ будто возрожденъ,
Съ надеждой, съ утѣшеньемъ
Я встрѣчу смерти сонъ.

LXIII.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Мой милый, мой поэтъ,
Товарищъ съ юныхъ лѣтъ,
Приду я неотмѣнно
Въ твой уголъ, отчужденной
Презрительныхъ заботъ,
И шума и хлопотъ,
Толпящихся безсмѣнно
У Крезовыхъ воротъ.
Пусть златомъ не богаты
Твоей смиренной хаты
Блюстители Пенаты,
Тебя не обрекли
За шумной колесницей
Полубоговъ земли
Влачить стопы твои,
И въ домъ твой не ввели
Фортуны съ вереницей
Затѣйливой своей.
Пусть у твоихъ дверей
Привратникъ горделивой
Не будетъ съ булавой
Веселости игривой
Отказывать, спѣсивой
Качая головой;
А скукѣ — шестерней

Пріѣхавшей шумливо
Съ гостями позѣвать—
Дверь настежъ растворять
Рукою торопливой!
И пусть въ прихожей звонъ
О другѣ не доложетъ;
Но сердце, статься можетъ,
Шепнетъ тебѣ: вотъ онъ!
Пусть въ храминѣ опрятной,
Уютной и пріятной
Для грацій и друзей,
Слѣпить не будутъ взоровъ,
Ни выдѣлка уборовъ—
Трудъ тысячи людей,—
Ни бѣлизна фарфоровъ,
Ни горы хрусталей,
Сіяющихъ, но бренныхъ,
Какъ счастье прилѣпленныхъ
Къ ихъ блеску богачей,
Фортуны своенравной
Балованныхъ дѣтей!
Природа-мать издавна
Поэтамъ избрала
Тропинку здѣсь простую,
Умѣренность благую
Въ подруги имъ дала.
Виргилія пріятель,
Любимый нашъ пѣвецъ,
Не приторный ласкатель,
Не суетный мудрецъ,
Горацій не былъ знатнымъ,
Подъ небомъ благодатнымъ,
Тибурскихъ рощъ въ тѣни
Онъ радостные дни
Умѣренности ясной
Съ улыбкой посвящалъ,

Другъ Делiи прекрасной
Богатства не желалъ.
И староста Пафоса,
Дѣвицами Теоса
При сѣдинахъ увитъ,
Не въ мраморныхъ чертогахъ,
Не при златыхъ порогахъ,
Угащивалъ Харитъ!
Стиховъ своихъ игривыхъ
Мнѣ свитокъ приготовь,
Стиховъ краснорѣчивыхъ,
И пылкихъ и счастливыхъ,
Гдѣ дружбу и любовь
Ты сердцемъ вдохновенной
Поешь непринужденно,
И гдѣ плѣняешь насъ
Не громомъ пухлыхъ фразъ
Раздутыхъ Цицероновъ,
Не пискотнею стоновъ
Щедушныхъ селадоновъ,
Причесанныхъ въ тупей
И не знобящимъ жаромъ,
Лирическимъ угаромъ,
Пиндаровъ нашихъ дней!
Расколомъ къ смертной казни
Приговоренный вкусъ,
Наставникъ лучшiй музъ,
Исполненный боязни,
Укрылся отъ враговъ
Подъ твой счастливый кровъ.
Да будетъ неотлучно
Тебя онъ осѣнять,
Да будетъ охранять
Тебя отъ шайки скучной
Вралей, вѣстовщиковъ
И прозы и стиховъ,

Работниковъ поденныхъ,
Невѣжествомъ клейменныхъ
Пристрастія рабовъ!
Да, убоися бога,
Живущаго съ тобой,
Дверей твоихъ порога
Не осквернятъ ногой.
Да западетъ дорога
Къ тебѣ, любимецъ мой,
Сей сволочи безумной,
И суетной и шумной,
Толпѣ заботъ лихихъ,
Какъ будто коршунъ жадной,
Грызущихъ безпощадно
Усердныхъ слугъ своихъ.
Но рѣзвость, но веселья—
Товарищи бездѣлья—
И Вакхъ подъ вечерокъ
Съ Токаемъ престарѣлымъ
И причетомъ веселымъ,
Пускай полетомъ смѣлымъ
Въ твой мчатся уголокъ,
А тамъ любовь позднѣе
Пускай въ условный срокъ
Придетъ къ тебѣ, краснѣя—
И двери на замокъ!
О другъ мой! мнѣ ужь зрится:
Твой скромный камелекъ
Тихохонько курится,
Вокругъ него садится
Пріятелей кружокъ;
Они слетѣлись вмѣстѣ
На дружескій твой зовъ
Изъ разныхъ всѣ концовъ.
Здѣсь на почетномъ мѣстѣ
Почетный нашъ Поэтъ,

Бѣлева мирный житель
И равнодушный зритель
Приманчивыхъ суетъ,
Жуковскій, въ ранни годы
Горацій-Эпиктетъ.
Здѣсь съ берега свободы,
Художествъ, чудаковъ,
Каррикатуръ удачныхъ,
Радклифъ, Шекспировъ мрачныхъ,
Ростбифа и бойцовъ,
Нашъ Сѣверинъ любезный;—
Пусть насъ дѣлили бездны
Обширныя морей,
Но онъ не измѣнился
И другомъ возвратился
Въ объятія друзей!
Питомецъ сладострастья,
Другъ лакомыхъ пировъ,
Красавицъ и стиховъ,
Дитя румяный счастья,
И ты, Тургеневъ, къ намъ!
И ты, наслѣдникъ Тула,
Опасныхъ стрѣлъ глупцамъ
Игриваго Катулла,
О Блудовъ, нашъ острякъ,
Завистниковъ нахальныхъ
И комиковъ печальныхъ
Непримиримый врагъ!
Кругъ избранный, безцѣнный,
Товарищей-друзей!
Вамъ дни мои смиренны
И вамъ души моей
Обѣты сокровенны!
Меня не будутъ зрѣть
Въ прислужникахъ гордыни,

И не заманитъ сѣть
Меня слѣпой богини!
Вамъ, вамъ однимъ владѣть
Веселыми годами,
Для васъ хочу, и съ вами
Я жить и умереть!

LXIV.

КЪ НЕѢЛОВУ.

Пускай, Неѣловъ, свѣтъ толкуетъ,
Его намъ толковъ не унять:
Счастливъ, кому дано судьбой о нихъ не знать,
Уменъ, кто, зная ихъ, на нихъ покойно плюетъ!
Пускай придворный полотёръ
Исшаркалъ городъ весь и дворъ,
Чтобъ на пустой болванъ плюмажъ поставить бѣлой:
Болванъ изъ подъ него выглядываетъ смѣло.
Дуракъ, что ни надѣнь, все тѣмъ-же дуракомъ:
На немъ и самъ вѣнецъ дурацкимъ колпакомъ.
Пускай риѳмачъ на зло разсудку
Шута изволитъ сочинять,
А намъ скучаетъ не на шутку
И предаетъ вѣкамъ послушная печать
Его творсній сборъ огромный!
Пускай Вздыхаловъ томный
Томитъ пастушекъ нѣжный слухъ,
Хвалы достоинъ онъ, я смѣло утверждаю
Въ пастушескихъ стихахъ онъ пишетъ какъ пастухъ.
Неѣловъ! никого ни въ чемъ не осуждаю;
У всякаго свой умъ, иль, правильнѣй еще,

У всякаго дурачество свое!
Повѣрь, все къ лучшему судьбы опредѣлили,
Ты не сердись на глупости людей:
Глупцы подъ часъ намъ умниковъ нужнѣй,
Безъ нихъ смѣяться-бы забыли.

1816 г.

LXV.

КЪ ОКУНЕВУ.

Я получилъ твои стихи съ благодареньемъ,
Какъ знакъ, что не забылъ о другѣ ты своемъ;
Читалъ ихъ съ наслажденьемъ,
Какъ знакъ, что Фебъ глядитъ подъ часъ съ благоволеньемъ
На нашъ туманный край, обремененный льдомъ.
Се такъ; но, признаюсь, жалѣю объ одномъ,
Что, любовавшися твореньемъ,
Он любоваться я не могъ еще творцомъ.

LXVI.

МАДРИГАЛЪ.

Сбылось мое пророчество предъ свѣтомъ,
Обмолвился Гашпаръ, и за мои грѣхи
Онъ доказалъ однимъ изъ трехъ куплетомъ,
Что можно быть дурнымъ поэтомъ,
И написать хорошіе стихи.

LXVII.

КЪ КН. ГАГАРИНОЙ

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПѢСЕНЬ.

Бездушные стихи мои одушеви
Волшебнымъ голосомъ, гармоніей небесной,
Напѣвомъ сладостнымъ любви,
И тайной прелестью, одной тебѣ извѣстной;
Ты можешь имъ легко путь къ сердцу проложить
Очарованіемъ плѣнительнаго пѣнья.
Но отъ коварнаго прельщенья
Мой добрый геній мнѣ защитникъ долженъ быть,
Не то, заслушавшись въ минуты восхищенья,
Тебя не смѣя полюбить,
Влюблюсь въ свои творенья.

LXVIII.

КЪ КН. ШАХОВСКОЙ

ПРИ ПОСЫЛКѢ СТИХОТВОРЕНІЙ ЖУКОВСКАГО.

Кому, когда не вамъ, принадлежатъ творенья
Пѣвца невинности, любви и красоты?
Вы оправдали кисть его воображенья,
Одѣли истиной прелестныя мечты.
Когда онъ воспѣвалъ младую добродѣтель,
И непорочность чувствъ, и тайну прелесть глазъ,
Не зря васъ, онъ былъ вашъ мечтательный свидѣтель,
Не зная васъ, писалъ для васъ онъ и объ васъ.
Могуществомъ мечты въ волшебномъ сновидѣньи
Поэтъ васъ угадалъ. Такъ греческій слѣпецъ
Киприды вѣрное создалъ изображенье.
Поэту древнему и слава и вѣнецъ!
Пускай и въ наши дни, изъ розъ и лавровъ свитый,
Вѣнецъ пріосѣнитъ Жуковскаго главу:
Счастливѣе его, но менѣ знаменитый,
Васъ вижу на яву.

LXIX.

КЪ Е. С. ОГАРЕВОЙ.

Ты требуешь стиховъ моихъ,
Но что достойнаго себя увидишь въ нихъ?
Языкъ боговъ, языкъ святаго вдохновенья —
Въ стихахъ моихъ языкъ сухаго поученья.
Я, строгой истиной вооружая стихъ,
Былъ чуждъ волшебства Музъ и вымысловъ счастливы:
Въ которыхъ Граціи, соперницы твои,
По утреннимъ цвѣтамъ любимцевъ горделивыхъ
Ведутъ, ихъ озаривъ улыбкой въ юны, дни.
Повиновеніе всегда къ тебѣ готово.
Но что узнаешь ты, прочтя стихи мои?
Зѣвая, можетъ быть, повѣришь мнѣ на слово,
Что надъ Славянскими я одами зѣвалъ,
Что комикъ нашъ Гашпаръ плачь Юнга подорвалъ,
Что трагикъ нашъ Гашпаръ Скаррона побѣждалъ,
Что маковымъ вѣнкомъ увѣнчанный межъ нами,
Сей старецъ юноша, пѣвецъ Анакреонъ,
Не счастьемъ, не виномъ роскошно усыпленъ,
Но вялыми стихами,
Что Сафѣ новаго Фаона Богъ привелъ,

Ей въ переводчики убійцу нарекая;
Что сей на Грея былъ и на разсудокъ золъ;
А тотъ, чтобъ запастись мѣстечкомъ въ нѣдрахъ рая,
Водой своихъ стиховъ Вольтера соль развелъ.
Но мнѣ-ль терзать твое терпѣніе искусомъ,
И вызывать въ глазахъ твоихъ изъ тьмы гробовъ
Незнаемыхъ досель ни красотой, ни вкусомъ,
Смертельной скукою живущихъ мертвецовъ?
Тебѣ-ль, благихъ боговъ любимицѣ счастливой,
Рожденной розы рвать на жизненномъ пути,
Тебѣ ли, небесамъ на зло, мнѣ поднести
Вѣнокъ, сплетенный мной изъ тернія съ крапивой?
Когда Мелецкаго иль Дмитріева даръ
Питалъ бы творческою силой
Въ груди моей, какъ пепелъ таящійся остылой,
Безплодный стихотворства жаръ,
Когда бы прелестей природы созерцатель,
Умѣлъ я, какъ они, счастливый подражатель,
Ихъ новой прелестью стиховъ одушевлять,
Иль тайныхъ чувствъ сердецъ удачный толкователь,
Неизъяснимое стихами изъяснять,
Почувствовавши Музъ святую благодать,
Пришелъ бы я съ душой, къ изящному пристрастной,
Природы красотѣ учиться при тебѣ;
Но, заглядѣвшися на подлинникъ прекрасной,
Забылъ бы вѣрно я о спискѣ и себѣ.

LXX.

КЪ N. N.

НА СМЕРТЬ ЕГО СЫНА.

Какъ цвѣтъ полуднемъ опаленный
Цвѣтетъ и вянетъ въ тотъ же часъ:
Ко смерти ранней обреченный
Твой сынъ на утрѣ дней погасъ.
Надъ колыбелью и могилой
Одинъ весенній день всходилъ,
Почто ему родиться было,
Когда онъ жить не долженъ былъ?
Какъ облако благоуханья
Кадилъ, пылающихъ къ богамъ,
Его ты душу въ часъ прощанья
Ловилъ по трепетнымъ устамъ.
Тебѣ, на небо отлетая,
Онъ вздохъ послѣдній передалъ,
И, нѣжно на тебя взирая,
Онъ медленно свой взоръ смыкалъ.
Давно ль съ надеждою крылатой
Носилися твои мечты
Въ дали грядущаго богатой,
И въ сынѣ друга видѣлъ ты,

Опору жизни престарѣлой
Воспоминанья прежнихъ дней,
И въ юности его веселой
Замѣну юности твоей?
Исчезнулъ счастья призракъ милый,
Какъ легкій сонъ слетаетъ съ вѣждъ,
И дремлетъ кипарисъ унылой
Надъ гробомъ всѣхъ твоихъ надеждъ.
На прахъ съ тобой несу я слезы,
Онъ горестей ихъ не вкусилъ,
И съ ними утреннія розы,
Которыхъ онъ ровесникъ былъ.

LXXI.

Я ЖДУ ТЕБЯ.

Я жду тебя, когда зефиръ игривой
Листочки розъ въ часъ утра шевелитъ,
Когда луна средь ночи молчаливой
Вершины горъ и рощей серебритъ.
Я жду тебя!

На ложѣ сна, мечтаньемъ обольщенной,
Ловлю твой взоръ, твой голосъ слышенъ мнѣ;
Но, пробудясь, прости восторгъ мгновенный!
Одинъ твержу вновь жалобы однѣ:
Я жду тебя!

Я жду тебя! Но если сердца муки
Не усладятъ свиданіе съ тобой,
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни грусти, ни разлуки,
Гдѣ дышетъ все любовію одной,
Я жду тебя!

LXXII.

ПОГРЕБЪ.

Съ Олимпа изгнаны богами,
Веселость съ истиной святой
Шатались по свѣту друзьями,
Людьми довольны и собой;
Но жизнь бродягъ имъ надоѣла,
Наскучила и дружбы связь;
Въ колодезь истина засѣла,
Веселость въ погребъ убралась.
На юность вѣчную отъ Грацій
Съ патентами Анакреонъ,
И мудрый весельчакъ Горацій
Къ ней приходили на поклонъ.
Она ихъ розами вѣнчала,
И розы дышутъ ихъ теперь;
Она Державину внушала,
Когда Ковша онъ славилъ дщерь;
Она въ Мелецкомъ воскресила
На хладномъ сѣверѣ Шолье,
И съ Дмитревымъ друзей манила
На скромное житье-бытье.
И Пиндаръ нашъ, когда сослаться
На толки искренни повѣсъ,

Охотникъ въ погребъ былъ спускаться,
Чтобъ возноситься до небесъ.
Почто же нашихъ дней поэты
Не подражаютъ старикамъ?
И Музы ихъ, Наяды, Леты,
Зѣвая, сонъ наводятъ намъ?
Или, покрывшись облачками,
Не хочетъ Фебъ на насъ взглянуть?
Нѣтъ, къ славѣ путь заросъ межь нами
За то, что въ погребъ брошенъ путь.
Отъ принужденья убѣгаетъ
Подруга рѣзвости, любовь,
Она въ гостинной умираетъ,
А въ погребѣ живится вновь.
У баръ частёхонько встрѣчаешь,
Что разумъ замѣненъ виномъ,
Передъ столомъ у нихъ зѣваешь,
Но не зѣваешь за столомъ.
Друзья! вы въ памяти храните,
Что воды воду лишь родятъ;
Восторгъ, любовь, вы тамъ ищите,
Гдѣ расцвѣтаетъ виноградъ.
О, еслибъ Фебъ имъ въ наказанье
Мнѣ шайку водопійцъ отдалъ.
Я всѣхъ бы ихъ на покаянье,
Въ порожній погребъ отослалъ.

LXXIII.

РАЗБИТАЯ СТАТУЯ.

Какой-то властелинъ восточныя земли
Зритъ статую свою разбитую, въ пыли;
Онъ, юноша и царь, чему же тутъ дивиться,
Что былъ въ рѣшеніяхъ своихъ немного скоръ.
„Смерть дерзкому, вскричалъ, за сей царю позоръ,
„Онъ кровью долженъ здѣсь со мною расплатиться!
„Пускай казнятъ его въ присутствіи моемъ.
„Кто смѣлый сей преступникъ?“ — Громъ.

LXXIV.

КЪ ПЕРУ МОЕМУ.

Перо мое, давно бродящая рука
По дѣвственной тебя бумагѣ не водила;
Дремотой праздности окованы чернила,
И Муза, притаясь, любимцу ни стишка
Изъ жалости къ нему и ближнимъ не внушила.
Я радъ! пора давно разстаться мнѣ съ тобой!
Что пользы надъ стихомъ чужихъ и свой покой,
Какъ труженикъ, губить съ утра до ночи темной,
И теребить свой умъ, чтобъ шуткою нескромной
Улыбку иногда съ пасмѣшника сорвать?
Довольно безъ меня здѣсь есть кому писать,
И книжный рядъ моей не алчетъ скудной дани;
Къ тому-жъ, прощаясь, я могу тебѣ сказать:
Съ тобой не наживу похвалъ себѣ, а брани;
Обычай дуренъ твой, пропасть не долго съ нимъ;
Не разъ противъ меня ты подстрекало мщенье.
Рожденный сердцемъ добръ, я бъ всѣми былъ любимъ,
Когда бъ не ты меня вводило въ искушенье.
Какъ часто я, скрѣпясь, поздравить былъ готовъ
Иного съ одою, другого съ новой драмой,
Но ты меня съ пути сбивало съ первыхъ словъ:
Привѣтствіемъ начну, а кончу эпиграммой.

Что-жъ тутъ хорошаго? Въ посланіяхъ моихъ
Нескромности твоей доносчикъ—каждый стихъ.
Всегда я заведенъ болтливостью твоею,
Все выскажешь тотчасъ, что на сердцѣ имѣю.
Хочу ли намекнуть объ авторѣ смѣшномъ,
Вздыхаловъ, какъ живой, на остріи твоемъ.
Невѣждой нужно-ль мнѣ докончить стихъ начатый?
Любой славянофилъ въ мой стихъ идетъ заплатой.
И кто мнѣ право далъ, вооружась тобой,
Парнасской братьи быть убійцей-судіей?
Мнѣ ль, славѣ чуждому, другихъ въ стихахъ безславить?
Мнѣ ль, бывъ зачинщикомъ неправедной войны,
Безсовѣстно казнить виновныхъ безъ вины?
Или могу въ вину по чести я поставить
Иному комику, что за дурной успѣхъ
Онъ попытался насъ трагедіей забавить,
Какъ увѣнчалъ ее единодушный смѣхъ?
Прямой талантъ деспотъ, и властенъ онъ на сценѣ
Дать Таліи колпакъ, игрушку Мельпоменѣ.
Иль, вопреки уму, падетъ мой приговоръ
На одъ торжественныхъ торжественный наборъ,
Сихъ обреченныхъ жертвъ гостепріимной Леты,
Которымъ душатъ насъ бездушные поэты?
Давно, не мнѣ чета, отъ нихъ зѣваетъ Дворъ.
Но какъ ни оскорбляй, риѳмачъ, разсудокъ здравый,
Въ глазахъ увѣнчанной премудрости и славы,
Подъ милостивый онъ подходитъ манифестъ.
Виновникъ и вина равно забыты оба;
Безъ насъ ихъ колыбель стоитъ въ преддверьи гроба;
Пускай живутъ они, пока ихъ моль не съѣстъ!
Еще когда бъ, чужихъ ошибокъ замѣчатель,
Ошибкамъ чуждъ я былъ, не столько бъ я робѣлъ,
Съ возвышеннымъ челомъ вокругъ себя смотрѣлъ,
И презрѣнъ былъ-бы мной безсильный непріятель.
Но утаить нельзя, въ стихахъ моихъ пятно
Въ угоду критикѣ найдется не одно.

Языкъ мой не всегда бываетъ непорочнымъ,
Вкусъ вѣрнымъ, чистымъ слогъ и выраженье точнымъ.
И часто, какъ примусь шутить на счетъ другихъ,
Коварно надо мной подшучиваетъ стихъ.
Дай только выйти въ свѣтъ, и злоба ополчится,
И такъ уже хотѣлъ какой-то доброхотъ
Мидасовымъ со мной уборомъ подѣлиться.
Дай срокъ, и казни день рѣшительной придетъ,—
Обиженныхъ творцовъ, острящихъ въ тайнѣ жалы,
Возстанетъ на меня злопамятный народъ.
Тамъ бранью закипятъ досужные журналы;
А здѣсь, передъ людьми и небомъ обвиня,
Смущенный моралистъ бездѣлкою невинной
За шутку отомститъ мнѣ проповѣдью длинной,
Отъ коей сномъ однимъ избавлюсь развѣ я.
Брань ядовитая—не признакъ дарованья:
Насмѣшникъ можетъ быть самъ жертвой осмѣянья.
Не тщетной остротой, но прелестью стиховъ
Жуковскій каждый часъ казнитъ своихъ враговъ,
И вкуса, и ума враговъ ожесточенныхъ.
Въ твореніяхъ его, безсмертью обреченныхъ,
Насмѣшекъ не найдетъ злословцевъ жадный взоръ,
Но смѣлый стихъ его блѣднѣющимъ зоиламъ
Есть укоризны ножъ и смерти приговоръ.
Примѣръ съ него бери; но если не по силамъ
Съ его примѣромъ мнѣ успѣхамъ подражать,
То лучше до бѣды бумагѣ и черниламъ,
Перо мое, поклонъ намъ навсегда отдать.
Разсторгнемъ нашъ союзъ: въ немъ вредъ намъ неизбѣжный!
Въ бездѣйствіи благомъ покойся на столѣ;
О суетѣ мірской забудь въ своемъ углѣ,
И будь повѣреннымъ одной ты дружбы нѣжной.
Но, если вѣрить мнѣ внушеніямъ ума,
Хоть нашъ разрывъ съ тобой и мудръ, и остороженъ,
Едва ль не скажетъ тожь и опытность сама.
Героевъ зрѣли мы, съ полей кровавой бури

Склонившихся подъ сѣнь безоблачной лазури.
И въ мирной тишинѣ забывшихъ браней громъ,
Витія прошлыхъ битвъ: мечъ праздный со щитомъ
Въ обители висѣлъ въ торжественномъ покоѣ;
Семейный гражданинъ не думалъ о героѣ.
Корысти алчный рабъ, родныхъ браговъ бѣглецъ,
Для злата смерть презрѣвъ средь бездны разъяренной,
Спокойный домосѣдъ, богатствомъ пресыщенный,
Подъ кровомъ отческимъ встрѣчаетъ дней конецъ.
Любовникъ не всегда любовникомъ бываетъ,
Опомнится и онъ: оковы разрываетъ,
И равнодушно зритъ, отступникъ красоты,
Коварства новыхъ жертвъ, поклонниковъ мечты.
Есть свой чередъ всему—трудамъ, успокоенью,
И зоркій опытъ въ слѣдъ слѣпому заблужденью
Съ свѣтильникомъ идетъ по скользкому пути.
Разсудку возрастъ есть. Но въ лѣтописяхъ свѣта
Нашъ любопытный взглядъ едва ль бы могъ найти
Отъ ремесла стиховъ отставшаго поэта.
Онъ пишетъ, онъ писалъ, онъ будетъ вѣкъ писать;
Ни лѣтамъ, ни судьбѣ печати не сорвать
Съ упрямаго чела служителя Парнаса.
Въ пеленкахъ Аруетъ стихами лепеталъ,
И смерть угрюмую стихами онъ встрѣчалъ;
Несчастія отъ Музъ не отучили Тасса;
И Бавій нашъ (въ странѣ, гдѣ зла, ни мести нѣтъ
О тѣни славныя! свѣтила прежнихъ лѣтъ!
Простите дерзкое именъ мнѣ сочетанье)
И Бавій, за него предъ небомъ клятву далъ,
По гробъ не измѣнить ни риѳмамъ, ни свисткамъ:
Вотще насмѣшки, брань и дружбы увѣщанье!
Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ.
Такъ видно, вопреки намѣреній благихъ,
Хоть Бавія примѣръ и бѣдственъ, и ужасенъ,
Но нашъ разрывъ съ тобой, перо мое, напрасенъ.
Природа побѣдитъ. И въ самый этотъ часъ,

Какъ проповѣдь себѣ читалъ я въ первый разъ,
Коварный демонъ ріемъ, злословцамъ потакая,
И слабый разумъ мой прельщеньемъ усыпляя,
Безъ вѣдома его, рукой моей водилъ;
И предъ лицомъ судей съ избыткомъ отягчилъ,
Повинную главу еще виною новой.
Съ душою робкою, къ признанію готовой,
Смиряюсь предъ судьбой, и вновь дружусь съ перомъ,
Но Бавія въ дали угадываю взоромъ:
Онъ мѣсто близь себя, добытое позоромъ,
Указываетъ мнѣ пророческимъ перстомъ.

LXXV.

СТИХИ НА ОБѢДѢ БАРОНУ САКЕНУ *)

13 декабря 1816 г.

Друзья, хвала герою!
При бодрой сѣдинѣ
Онъ общества душою
И душегубцемъ на войнѣ.
Счастливый побѣдитель,
Онъ славой предводилъ,
Парижа былъ хранитель,
Но грозный бичъ Французамъ былъ.

---

*) Впослѣдствіи фельдмаршалу и князю.

LXXVI.

РАЗГУЛЯЕВСКОМУ ОБЩЕСТВУ,
КОТОРОЕ ГУЛЯЕТЪ НА ЧУЖОЙ СЧЕТЪ.

На разгуляѣ вы на счетъ мой погуляли,
И пополамъ съ грѣхомъ меня оклеветали,
Тогда какъ межъ собой, съ весельемъ заодно,
Шутили вы, точили сказки,
И ждало за столомъ васъ вкусное вино,
И жареный судакъ вамъ нѣжно дѣлалъ глазки:
Съ болѣзнью я самъ-другъ сидѣлъ, надѣвъ колпакъ
И самъ несчастливый судакъ,
Латынской кухни рабъ, страдающій отъ боли,
Лѣзъ въ воду теплую, куда приправой мнѣ
Немного отрубей и соли
Накинули на днѣ.
Нелакомъ былъ мой пиръ; еще скажу въ добавокъ,
Что запилъ мокрый ужинъ свой
Россійской бузиной, что изъ Латынскихъ лавокъ
Принесъ на зло самъ бѣсъ лихой.
Измучившись вчерашней банью,
Я могъ ли думать, что опять
Придется баню мнѣ теперь отъ васъ принять
И подчивать меня вамъ вздумается бранью?
Краснѣйте отъ стыда

О, злые языки, безжалостныя души
Напрасно въ бѣшенствѣ и затыкаю уши;
Но сердцу моему твердятся завсегда
Досадные упреки,
Какъ безумолчный крикъ сороки,
Которая одно заладитъ и кричитъ,
Иль какъ трезвонъ стиховъ, какими графъ жестокій
(По имени Хвостовъ, а ремесломъ піитъ)
Насъ душитъ, давитъ, жжетъ, морозитъ и моритъ.
Сердитъ я, признаюсь, мнѣ толковать напрасно,
Что противъ красоты нѣтъ словъ,
Что отъ прекрасныхъ все прекрасно,
И что ихъ судъ есть судъ боговъ:
Все это хорошо и съ правдою согласно,
Но я пусть глупъ и безтолковъ,
А злиться я хочу, и буду, буду злиться!
И какъ могло въ умѣ вмѣститься,
Чтобъ я сороку сталъ мѣнять на соловьевъ!
И чтобъ съ сорокой мнѣ болтливой не сравниться
И не завраться отъ сердцовъ
Попробовать хочу я молча побраниться.

LXXVII.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Давыдовъ! гдѣ ты? что ты? съ роду
Такихъ проказъ я не видалъ:
Годъ канулъ въ слѣдъ другому году...
Или перенимая моду
Пѣвцовъ конфектъ и опахалъ,
И причесавъ для нихъ въ угоду
Желанной музѣ мадригалъ,
Скажу: Май два раза природу
Зеленымъ бархатомъ постлалъ,
И разогрѣлъ дыханьемъ воду,
И вѣчныхъ Грацій хороводу
Рѣзвиться въ рощахъ заказалъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ тебя ни строчки,
Ни двоеточія, ни точки,
Хоть на смѣхъ я не получалъ.
Чѣмъ мнѣ почесть твое забвенье?
Теряюсь я въ недоумѣньѣ.
Иль какъ мундирный идеалъ,
Подъ ношей тучныхъ эполетовъ,
Ты вмѣсто рѣчи и отвѣтовъ
Плечомъ да шпорой говоришь,

И лучшаго пера не знаешь,
Какъ то, которымъ щеголяешь
И гордо съ шляпы шевелишь?
Иль дружба, можетъ быть, въ отставкѣ,
Отбитая сестрой своей,
Сидитъ печально на прилавкѣ,
У непризнательныхъ дверей.
И для отсутственныхъ друзей
Помина нѣтъ въ походной ставкѣ
Непостоянныхъ усачей?
Ты наслаждайся съ новой гостью,
Но берегись, чтобъ, наконецъ,
Платя за хлѣбъ-соль сердца злостью,
Не захозяйничалъ жилецъ.
Иль, можетъ быть, мудрецъ угрюмой,
На свѣтлое свое чело
Ты, розамъ радостей на зло,
Навелъ бразды спѣсивой думы;
Оцѣнщикъ строгій строгихъ благъ,
Страшась любви и дружбы нынѣ,
Отъ двухъ сердечныхъ побродягъ
Ты держишь сердце въ карантинѣ.
Чѣмъ не пошутитъ хитрый врагъ?
Ужъ вѣришь ли моимъ гаданьямъ?
Сказавъ прости очарованьямъ,
На зло плѣнительныхъ грѣховъ,
И упоительнымъ мечтаньямъ
Весны, веселій и стиховъ,
Любви призыву ты не внемлешь,
Но въ клирѣ нравственныхъ пѣвцовъ
Перо Хераскова пріемлешь,
И мысленно заранѣ дремлешь
Въ академическихъ вѣнкахъ!
Въ твоемъ каминѣ, на кострахъ,
Пылаютъ: красоты угодникъ—
Роскошной Душеньки пѣвецъ,

Теоса мудрый грѣховодникъ,
И соблазнительный мудрецъ,
Наставникъ счастія Горацій;
И окаяннаго Парни,
Поклонника единыхъ Грацій,
Которому и ты сродни
(Сказать не въ гнѣвъ, а мимоходомъ),
Ужъ не заставитъ въ оны дни
Ожить подъ Русскимъ переводомъ.
Постясь и чувствомъ и умомъ,
Не знаешь прежнихъ мясоѣдовъ,
Ни шумныхъ дружескихъ обѣдовъ,
Ни тайныхъ ужиновъ вдвоемъ,
Гдѣ съ полночи до ранней зори
Веселье бодро споритъ съ сномъ.
Теперь живой memento mori,
Мороча и себя и насъ,
Не испугавшись Моліера,
Играешь ролю лицемѣра;
Иль можетъ... Но на этотъ разъ,
Моимъ поклепамъ и догадкамъ
И стихотворческимъ нападкамъ
Пора мнѣ положить конецъ.
Лихаго Бурцова знакомецъ,
Тройнаго хмѣля будь питомецъ —
Вина и пѣсенъ и любви;
Или мудрецъ тяжеловѣсной,
Свой стихъ веселый протрезви
Водою нравственности прѣсной
До этого мнѣ дѣла нѣтъ:
Рядись, какъ хочешь, на досугѣ,
Но мнѣ на голосъ дай отвѣтъ,
И, помня о старинномъ другѣ,
Ты будь Денисомъ прежнихъ лѣтъ!

LXXVIII.

КЪ ОВЕЧКАМЪ.

Овечки милыя! какъ счастливъ вашъ удѣлъ!
Не даромъ вашей мы завидуемъ судьбинѣ!
Не даромъ васъ въ стихахъ и Теокритъ воспѣлъ:
Для васъ луга цвѣтутъ, для васъ ручей въ долинѣ
Съ игривымъ шумомъ льетъ студеныя струи;
При васъ младой Лизандръ поетъ природы радость,
Привѣтствуя разсвѣтъ алѣющей зари;
Съ какимъ надзоромъ онъ лелѣетъ вашу младость!
Какъ бережетъ въ тиши родимыхъ мѣстъ!
А тамъ, какъ вскормитъ васъ, взраститъ рукой прилежной,
Зажаритъ, и съ пастушкой нѣжной
Онъ въ праздникъ за обѣдомъ съѣстъ.

1817 г.

БИБЛ... Г. Н. НИКОЛА...

LXXIX.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Шумитъ по рощамъ вѣтръ осенній,
Древа стоятъ безъ украшеній,
Дріады скрылись по дупламъ;
И разувѣнчанная Флора,
Воздушнаго не слыша хора,
Въ печали бродитъ по садамъ.
Пѣвецъ любви, поэтъ игривой,
И Грацій баловень счастливой,
Стыдись! тебѣ ли жить въ поляхъ?
Ты-ль будешь въ праздности постылой
Въ деревнѣ тратить вѣкъ унылой,
Какъ въ кельѣ дремлющій монахъ?
Нѣтъ! быть отшельникомъ отъ свѣта—
Ни славы въ томъ, ни пользы нѣтъ;
Будь терпѣливъ, приспѣютъ лѣта,
И самъ тебя оставитъ свѣтъ.
Теперь, пока еще умильно
Глядятъ красавицы на насъ,
И сердце чувствами обильно,
Знакомо съ счастіемъ подъ часъ,
Пока еще у насъ играетъ
Живой румянецъ на щекахъ,

И радость съ нами засѣдаетъ
На шумныхъ Вакховыхъ пирахъ,—
Не будемъ, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться въ старики.
Доколѣ розъ въ садахъ не тронетъ
Мертвящей осени рука,
Любимца Флоры, мотылька,
Ничто отъ розы не отгонитъ!
Примѣръ и мы съ него возьмемъ:
Какъ мотылёкъ весною къ розѣ,
И мы къ веселью такъ прильнемъ,
Смѣяся времени угрозѣ.
Ахъ! юностью подорожимъ;
Въ свое пусть старость придетъ время,
Пусть лѣтъ на насъ наложитъ бремя,
На встрѣчу къ ней не поспѣшимъ.
Любви небеснымъ вдохновеньямъ,
Забавамъ, дружбѣ, наслажденьямъ,
Дней нашихъ поручая бѣгъ,
Судьбѣ предавшися послушно,
Ея ударовъ равнодушно
Дождемся мы средь игръ и нѣгъ!
Когда и смерть къ намъ въ дверь заглянетъ
Звать въ заточеніе свое,
Пусть лучше на пиру застанетъ,
Чѣмъ мертвыми и до нее.

LXXX.

ДОВЕДЬ.

Попавшись въ доведи на шашешной доскѣ,
Зазналась шашка предъ другими,
Забывъ, что изъ одной она и кости съ ними
И на одномъ сработана станкѣ.
Игрокъ по прихоти смѣнилъ ее другою,
И продолжалъ игру, не думая о ней.
При счастьи чванство въ прокъ бываетъ у людей.
Но что̀ скажите въ немъ, какъ счастье къ намъ спиною?
О доведи-времѣнщики
На шахматномъ паркетѣ!
Не забывайте, что на свѣтѣ
Игрушки царской вы руки.

LXXXI.

КАКЪ ТРУДНО ЖИТЬ.

Какъ трудно жить въ мудреной школѣ свѣта?
Садись въ просакъ, или сажай другихъ.
Жизнь мастерство; и мастеръ въ ней не всякъ
Кто не сказалъ, ума спросясь совѣта,
Какъ трудно жить!

Уму въ борьбѣ съ могучимъ скоморохомъ,
Невинности съ богатымъ подлецомъ,
И риѳмачу съ бунтующимъ стихомъ,
Придется въ часъ иной сказать со вздохомъ:
Какъ трудно жить!

Кому звѣзда привѣтная сіяетъ,
Тому легко по вѣтру плыть съ челномъ;
Но дайте срокъ! ударитъ съ вихремъ громъ,
Померкнетъ лучъ,—и счастья сынъ познаетъ,
Что трудно жить.

Кого любовь задѣла разъ стрѣлою,
Какъ ни мудри,—но будетъ ученикъ.
Робѣетъ мысль, безмолвствуетъ языкъ,
И про себя тайкомъ твердитъ душою:
Какъ трудно жить!

О, ты! надъ кѣмъ рукою неоскудной
Судьба дары разсыпала свои,
За жизни даръ боговъ благослови,
Когда плѣнять и нравиться не трудно,
Не трудно жить.

Какъ счастливъ тотъ, кому дано судьбою,
Встрѣчать твой взоръ и слышать голосъ твой;
Но для того, кто разлученъ съ тобой,
И при тебѣ лишь мыслію одной,
Какъ трудно жить!

LXXXII.

ПѢСНИ.

I.

Спѣшите радости ловить
На утрѣ жизни ненадежной,
Спѣшите счастливыми быть,
Когда счастливыми быть можно.

Пускай веселыя мечты,
Дни наши розами вѣнчаютъ!
Крылатой юности цвѣты,
Увянувъ, вновь не разцвѣтаютъ.

Мудрецъ сказалъ: жизнь наша сонъ,
Минутный даръ судьбы превратной;
Не спорю, правъ быть можетъ онъ,
Но пусть же будетъ сонъ пріятный.

II.

Храните сердца тишину,
Твердятъ намъ матушки всечасно,
Любите вольность вы одну,
Дѣвицамъ въ свѣтѣ все опасно.

Познаешь страхъ, даешь обѣтъ
Съ одной свободою дружиться;
А тамъ двѣнадцать минетъ лѣтъ,
И сердце начинаетъ биться.

Бѣгите вы любви сѣтей,
Твердятъ намъ матушки всечасно,
Ужь не увидишь красныхъ дней,
Какъ сердце будетъ ей подвластно.

Познаешь страхъ, даешь обѣтъ
Не покоряться грозной власти;
А тамъ придетъ шестнадцать лѣтъ
И съ ними время нѣжной страсти.

Но имъ напрасно насъ учить,
Напрасно мучиться заботой,
Любви намъ должно дань платить,
И платимъ мы ее съ охотой.

Любить для насъ пора одна,
Одна пора намъ веселиться,
Какъ наша скроется весна,
Другой веснѣ не возвратиться.

III.

Собирайтесь дѣвки красны,
Собирайтесь въ хороводъ,
Скоро день погаснетъ ясный,
Солнце яркое зайдетъ.

Не надолго ландышь бѣлой
Разцвѣтаетъ по лѣсамъ,
Лѣто лугъ ковромъ одѣло,
Не надолго въ радость намъ.

Въ свѣжихъ рощахъ на свободѣ
Пташкѣ не всегда порхать,
Не всегда намъ въ хороводѣ
Пѣть, рѣзвиться и плясать.

Завтра, можетъ быть, на пташку
Хитрый сыщется ловецъ:
Мужъ сердитый на дѣвицу—
И тогда всему конецъ.

IV.

Доволенъ я судьбою
Своей;
Спокойнѣе душою
Царей.
Я радости встрѣчаю
Вездѣ;
Я зла не примѣчаю
Нигдѣ.
Съ красотками младыми
Легокъ;
Мѣняюсь сердцемъ съ ними
На срокъ.
Вздыхать, грустить — старинной
Порокъ,
Теперь любить невинно
Не въ прокъ.
Красавицѣ пригожей
Я радъ.
Встрѣчаюсь ли съ вельможей—
Назадъ!
Въ простой бесѣдѣ дружной,
Пою,
Пить за столомъ ли нужно,
Я пью.

LXXXII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ДЕРЕВНЯ".

....Ты, коего искусство
Языку нашему вложило мысль и чувство,
Подъ тѣнью здѣшнихъ древъ—твой дѣятельный умъ
Готовилъ въ тишинѣ созданье зрѣлыхъ думъ!
Покорный истинѣ и сердца чистой клятвѣ,
Ты мудрость вопрошалъ на плодовитой жатвѣ
Событій, опытовъ, столѣтій и племенъ
И современникомъ минувшихъ былъ временъ.
Сроднившись съ предками, ихъ слышалъ ты, ихъ видѣлъ,
Дружился съ добрыми, порочныхъ ненавидѣлъ,
И совѣсти одной, поработивъ языкъ,
Ты смѣло поучалъ народы и владыкъ.
О, Карамзинъ! ты здѣсь съ любимыми творцами;
Въ душѣ твой образъ слитъ съ священными мечтами,
Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ.
О, мой второй отецъ! любовью, дѣломъ, словомъ,
Ты мнѣ былъ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

Когда могу, какъ онъ, избравъ кумиромъ честь,
Дань непозорную на прахъ отца принесть,
Когда могу къ добру усердьемъ пламенѣя,
Я именемъ отца гордиться не краснѣя,
Кого какъ не тебя благодарить бы могъ?
Такъ, ты развилъ во мнѣ наслѣдственный залогъ,
Ты совращалъ меня съ стези порока низкой
И къ добродѣтели, душѣ твоей столь близкой,
Ты сердце пріучалъ—любовію къ себѣ.
Изнемогаю ль я въ сомнительной борьбѣ
Съ страстями? мучитъ ли желаній ѣдкихъ жало?
Душевной чистоты священное зерцало—
Твой образъ въ совѣсти—упрека будитъ гласъ.
Какъ часто въ лживыхъ снахъ, какъ свѣтъ разсудка гас[illegible]
И нѣга слабостей господствовала мною,
Ты совѣсти моей былъ совѣстью живою.
Какъ радостно тебя воображаю здѣсь!
Откинувъ славы чинъ и авторскую спѣсь,
Счастливый семьянинъ, мудрецъ простосердечный
Въ кругу дѣтей своихъ, съ весною ихъ безпечной
Ты осень строгихъ лѣтъ умѣешь сочетать.
Супруга нѣжная, заботливая мать
Передъ тобой сидитъ въ святилищѣ ученья,
Какъ добрый геній твой, какъ муза вдохновенья;
Въ твой тихій кабинетъ, гдѣ міръ желанный вашъ,
Гдѣ мудрость ясная—любви и счастья стражъ,
Не вхожъ ни гласъ молвы, ни свѣта гласъ мятежный.
Трудъ—слава для тебя, а счастье—трудъ прилежный.
О! еслибъ просіялъ желанный сердцемъ день,
Когда ты вновь придешь подъ дружескую сѣнь
Дубравы, вѣющей знакомою прохладой,
Сочтясь со славою, полезныхъ дѣлъ наградой,
Отъ подвига почить на лонѣ тишины!
О! еслибъ на яву сбылись надежды сны!
Но что я говорю, блуждающій мечтатель?
Своихъ желаній врагъ, надеждъ своихъ предатель,

Надолго ли, и самъ въ себѣ уединясь,
Я съ свѣтомъ разорвалъ взыскательную связь?
Быть можетъ, день еще, и вѣтръ непостоянный
Умчитъ невѣрный чёлнъ отъ пристани желанной!
Прохладный мракъ лѣсовъ, игривой ропотъ водъ!
Надолго ли при васъ, свободный отъ заботъ,
Вамъ преданный, вкушалъ я блага драгоцѣнны!
Занятья чистыя, досугъ уединенный,
Душъ прояснившихся веселье и любовь!
Иль съ тѣмъ я васъ позналъ, чтобы утратить вновь?

LXXXIII.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Пусть нѣжный баловень полуденной природы,
Гдѣ тѣнь душистѣе, краснорѣчивѣй воды,
Улыбку первую привѣтствуетъ весны!
Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной страны,
Обыкшій къ свисту вьюгъ и реву непогоды,
Привѣтствую душой и пѣснью первый снѣгъ.
Съ какою радостью нетерпѣливымъ взглядомъ
Волнующихся тучъ ловлю мятежный бѣгъ,
Когда съ небесъ онѣ на землю вѣютъ хладомъ!
Вчера еще стеналъ надъ онѣмѣвшимъ садомъ
Вѣтръ скучной осени, и влажные пары
Стояли надъ челомъ угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися надъ боромъ;
Унынье томное бродило тусклымъ взоромъ
По рощамъ и лугамъ, пустѣющимъ вокругъ;
Кладбищемъ зрѣлся лѣсъ; кладбищемъ зрѣлся лугъ.
Пугалище Дріадъ, пріютъ крикливыхъ врановъ,
Вѣтвями голыми махая, древній дубъ
Чернѣлъ въ лѣсу пустомъ, какъ обнаженный трупъ,
И воды тусклыя, подъ пеленой тумановъ,

Дремали мертвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ;
Природа блѣдная, съ унылостью въ чертахъ,
Поражена была томленіемъ кончины.
Сегодня новый видъ окрестность приняла,
Какъ быстрымъ маніемъ чудеснаго жезла;
Лазурью свѣтлою горятъ небесъ вершины,
Блестящей скатертью подернулись долины
И яркимъ бисеромъ усѣяны поля.
На праздникѣ зимы красуется земля
И насъ привѣтствуетъ живительной улыбкой.
Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;
Тамъ, темный изумрудъ посыпавъ серебромъ,
На мрачной онъ соснѣ разрисовалъ узоры.
Разсѣялись пары и засверкали горы,
И солнца шаръ вспылалъ на сводѣ голубомъ.
Волшебницей зимой весь міръ преобразованъ;
Цѣпями льдистыми покорный прудъ окованъ
И синимъ зеркаломъ сравнялся въ берегахъ.
Забавы ожили; пренебрегая страхъ,
Сбѣжались смѣльчаки съ береговъ толпой игривой
И празднуя зимы ожиданный возвратъ,
По льду свистящему кружатся и скользятъ.
Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ нетерпѣливой
Допрашиваетъ слѣдъ добычи торопливой:
На бѣгство робкаго нескромный снѣгъ донесъ;
Съ неволи спущенный за жертвой хищный песъ
Ввѣряется стремглавъ предательскому слѣду
И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.
Покинемъ, милый другъ, темницы мрачный кровъ!
Красивый выходецъ кипящихъ табуновъ,
Ревнуя на бѣгу съ крилатоногой ланью,
Топоча хрупкій снѣгъ, насъ по полю помчитъ.
Украшенъ твой нарядъ лѣсовъ Сибирскихъ данью
И соболь на тебѣ чернѣетъ и блеститъ.
Презрѣвъ мороза гнѣвъ и тщетныя угрозы,
Румяныхъ щекъ твоихъ свѣжѣй алѣютъ розы

И лилія свѣжѣй бѣлѣетъ на челѣ,
Какъ лучшая весна, какъ лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утѣшенной землѣ.
О пламенный восторгъ! въ душѣ блеснула радость,
Какъ искры яркія на снѣжномъ хрусталѣ.
Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимней сладость!
Кто въ тѣснотѣ саней съ красавицей младой,
Ревнивыхъ не боясь, сидѣлъ рука съ рукой,
Жалъ руку, нѣжную въ самомъ сопротивленьѣ,
И въ сердцѣ дѣвственномъ впервой любви смятенье,
И думу первую, и первый вздохъ зажёгъ,
Въ побѣдѣ чистыя любви пріявъ залогъ.
Кто можетъ выразить счастливцевъ упоенье?
Какъ вьюга легкая, ихъ окриленный бѣгъ
Бороздами ровными прорѣзываетъ снѣгъ
И, яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,
Сребристой пылью вдругъ окидываетъ ихъ.
Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ.
По жизни такъ скользитъ горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спѣшитъ!
Напрасно прихотямъ ввѣряется различнымъ;
Вдаль увлекаема желаньемъ безграничнымъ,
Пристанища себѣ она нигдѣ не зритъ.
Счастливыя лѣта! Пора тоски сердечной!
Но что́ я говорю? Единый бѣглый день,
Какъ сонъ обманчивый, какъ привидѣнья тѣнь,
Мелькнувъ, уносишь ты обманъ безчеловѣчной!
И самая любовь, намъ измѣнивъ какъ ты,
Приводитъ къ опыту безжалостнымъ урокомъ
И, чувства истощивъ на сердце одинокомъ,
Намъ оставляетъ слѣдъ угаснувшей мечты.
Но въ памяти души живутъ души утраты.
Воспоминаніе, какъ чародѣй богатый,
Изъ пепла хладнаго минувшее зоветъ
И гласъ умолкшему и праху жизнь даетъ.
Пусть на омытые луга росой денницы

Красивая весна бросаетъ изъ кошницы
Душистую лазурь и свѣжій блескъ цвѣтовъ;
Пусть растворяя лѣсъ очарованьемъ нѣжнымъ,
Влечетъ любовниковъ подъ кровомъ безмятежнымъ
Предаться тихому волшебству сладкихъ сновъ! —
Не измѣню тебѣ воспоминаньемъ тайнымъ,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
Съ тоскою прежнею, съ волненьемъ обычайнымъ,
Клянусь платить тебѣ признательную дань;
Всегда привѣтствовать тебя сердечной думой,
О первенецъ зимы, блестящей и угрюмой,
Снѣгъ первый, нашихъ нивъ о дѣвственная ткань!

LXXXIV.

ПРОЩАНІЕ СЪ ХАЛАТОМЪ.

Прости халатъ! товарищъ нѣги праздной,
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ;
Съ тобою зналъ я міръ однообразный
Но тихій міръ, гдѣ свѣта блескъ и шумъ
Мнѣ, въ забытьи, не приходилъ на умъ.
Искусства жить недоученый школьникъ,
На поприщѣ обычаевъ и модъ,
Гдѣ прихоть-царь тиранитъ свой народъ,
Кто не вилялъ? Въ гостиной я невольникъ,
Въ углу своемъ себѣ я господинъ,
Свой мѣря ростъ не на чужой аршинъ.
Какъ жалкій рабъ, платящій дань злодѣю,
И день, и ночь, въ неволѣ изнурясь,
Вкушаетъ рай, отъ узъ освободясь;
Такъ, сдернувъ съ плечъ гостиную ливрею
И съ ней ярмо взыскательной тщеты,
Я оживалъ, когда одѣтъ халатомъ,
Мирился вновь съ покинутымъ Пенатомъ.
Съ тобой меня чуждались суеты,
Ласкали сны и няньчили мечты.
У комелька, гдѣ яркою струею

Алѣлъ огонь, вечернею порою,
Задумчивость, краснорѣчивый другъ,
Живила сонъ моей глубокой лѣни.
Минувшаго проснувшіяся тѣни
Въ прозрачной тьмѣ толпилися вокругъ;
Иль въ будущемъ, мечтаньемъ окриленной;
Я разсѣкалъ безвѣстности туманъ,
Сближая даль, жиль въ жизни отдаленной,
И съ истиной перемѣшавъ обманъ,
Живо писалъ воздушныхъ замковъ планъ.
Какъ я въ твоемъ уступчивомъ уборѣ
Въ движеньяхъ былъ портного не рабомъ:
Такъ мысль моя носилась на просторѣ,
Съ надеждою и памятью втроемъ.
Въ счастливы дни удачныхъ вдохновеній,
Когда легко, безъ вѣдома труда,
Стихъ подъ перо ложился завсегда,
И риѳма, врагъ невинныхъ наслажденій,
Хлыстовыхъ бичъ, была ко мнѣ добра;
Какъ часто, вставъ съ Морфеева одра,
Шелъ прямо я къ столу, гдѣ Муза съ лаской
Ждала меня съ посланьемъ или сказкой,
И вымысломъ, нашептаннымъ вчера.
Домашній мой нарядъ ей былъ понраву:
Пріемъ ея, чуждъ свѣтскому уставу,
Благоволилъ небрежности моей.
Стихъ вылеталъ свободнѣй и простѣй;
Писалъ шутя и въ шуткѣ легкокрылой,
Работы слѣдъ улыбки не пугалъ.
Какъ жалокъ мнѣ любовникъ Музъ постылой,
Который нѣгъ халата не вкушалъ!
Поклонникъ модъ, какъ куколка одѣтый,
И чепорнымъ восторгомъ подогрѣтый,
Въ свой кабинетъ онъ входитъ, какъ на балъ;
Его цвѣты—румяны и бѣлила,
И, обмакнувъ въ душистыя чернила

Перо свое, малюетъ мадригалъ.
Пусть Грація жеманная въ уборной
Дарилъ его улыбкою притворной
За то, что онъ выказывалъ въ стихахъ
Слогъ расписной и Музу въ завиткахъ;
Но мнѣ примѣръ: безсмертный сей неряха
Анакреонъ, другъ красоты и Вакха,
Повѣрьте мнѣ, въ халатѣ пилъ и пѣлъ;
Музъ баловень, харитами изнѣженъ,
И къ одному веселію прилѣженъ,
Играя, онъ безсмертіе задѣлъ.
Не льщусь его причастникомъ быть славы,
Но въ лѣни я ему не уступлю:
Какъ онъ люблю безпечности забавы,
Какъ онъ досугъ и тихій сонъ люблю.
Не скоро слѣдъ ихъ у меня простынетъ:
Заботъ лихихъ меня обступитъ строй,
И ты, халатъ, товарищъ лучшій мой,
Прости! тебя невѣрный другъ покинетъ.
Тѣснясь въ рядахъ прислуженцовъ властей,
Иду тропой заманчивыхъ сѣтей.
Что ждетъ меня въ пути, гдѣ подъ туманомъ
Свѣтъ истины не различишь съ обманомъ?
Куда слѣпецъ, неопытный слѣпецъ,
Я набреду? гдѣ странствію конецъ?
Какъ покажусь я передъ тронъ мишурный
Владычицы, изъ своенравной урны
Кидающей подкупленной рукой
Дары свои на богомольный рой,
Толпящійся съ кадилами предъ нею?
Завѣтовъ я ея не разумѣю —
Притворства чуждъ и принужденья врагъ,
Отъ юныхъ дней цѣнитель тихихъ благъ.
Въ неловкости, предъ записнымъ проворствомъ
Искусниковъ, воспитанныхъ притворствомъ,
Изобличитъ меня мой каждый шагъ.

И новичекъ еще въ наукѣ гибкой:
Всѣмъ быть подъ часъ и вмѣстѣ быть ничѣмъ,
И шею гнуть съ запасною улыбкой
Подъ золотой, но тягостный яремъ, —
На поприщѣ, гдѣ безпрестанной сшибкой
Волнуются противниковъ ряды,
Оставлю я на торжество вражды,
Быть можетъ, слѣдъ моей отваги тщетной
И неудачъ постыдные слѣды;
О мой халатъ, какъ встарину привѣтный,
Прими тогда въ объятія меня,
Въ тебѣ найду себѣ отраду я.
Прими меня съ досугами, мечтами,
Вѣнчавшими весну мою цвѣтами:
Сокровище благъ прежнихъ возврати;
Дай радость мнѣ, уединясь съ тобою,
Въ тиши страстей, съ спокойною душею,
И не краснѣвъ предъ тайнымъ Судіею,
Бывалаго себя въ себѣ найти.
Согрѣй во мнѣ, въ холодномъ принужденьѣ
Остывшій жаръ къ благодѣяньямъ Музъ,
И геній мой, освободясь отъ узъ,
Уснувшее разбудитъ вдохновенье.
Пусть прежней вновь я жизнью оживу,
И сладкихъ сновъ въ волшебномъ упоеньѣ
Переродясь, пусть обрѣту забвенье
Всего того, что видѣлъ на яву.

LXXXV.

УХАБЪ.

Надъ кѣмъ судьбина не шутила?
И кто проказъ ея не рабъ?
Слѣпая приговоръ скрѣпила,—
И съ бала я попалъ въ ухабъ!

Въ ухабѣ сидя, какъ въ берлогѣ,
Я на досугѣ разсуждалъ:
И въ свѣтѣ, какъ и на дорогѣ,
Ухабовъ много насчиталъ.

Ухабистъ путь къ столицѣ счастья,
Но случай будь на облучкѣ—
Ни ямъ не бойся, ни ненастья;
Засни—проснешься, сонъ въ рукѣ!

Тебя до мѣста, другъ убогій,
Достоинство не довезетъ;
Наѣдетъ случай—и съ дороги,
Какъ разъ въ ухабъ тебя столкнетъ.

Чѣмъ груза болѣе въ поклажѣ,
Чѣмъ выше ходъ твоихъ саней,
Тѣмъ путь опаснѣй! яма таже
Въ смиренныхъ розвальняхъ сноснѣй!

Риѳмачь! когда въ тебѣ есть совѣсть,
Въ чужія сани не садись:
Ты Фаэтона вспомни повѣсть,
И сѣсть въ ухабъ поберегись!

1818 г.

LXXXV.

ПЕТЕРБУРГЪ.

(Отрывокъ).

Я вижу градъ Петровъ чудесный, величавый,
По манію Петра воздвигшійся изъ блатъ,
Наслѣдный памятникъ его могущей славы
Потомками его увѣшенный стократъ!
Повсюду зрю слѣды великія державы,
И Русской славою слѣдъ каждый озаренъ.
Се Петръ, еще живый въ мѣди краснорѣчивой!
Подъ нимъ Полтавскій конь, предтеча горделивой
Штыковъ сверкающихъ и вѣющихъ знаменъ.
Онъ царствуетъ еще надъ созданнымъ имъ градомъ,
Приосѣня его державною рукой,
Народной чести стражъ и злобы страхъ нѣмой.
Пускай враги дерзнутъ, вооружаясь адомъ,
Нести къ твоимъ брегамъ кровавый мечъ войны,
Герой! ты отразишь ихъ неподвижнымъ взглядомъ,
Готовый пасть на нихъ съ отважной крутизны.
Бѣгутъ—и гдѣ они?—ужъ снѣжные сугробы
Въ пустыняхъ занесли слѣды безумной злобы.
Такъ, Петръ! ты завѣщалъ свой духъ сынамъ побѣдъ,
И устрашенный врагъ зрѣлъ многія Полтавы.
Питомецъ твой, громовъ метатель двоеглавый,

На поприщѣ твоемъ расширилъ свой полетъ.
Рымникскій пламенный и Задунайскій твердой!
Васъ здѣсь согражданинъ почтитъ улыбкой гордой.
Но жатвою ль одной меча страна богата?
Однихъ ли громкихъ битвъ здѣсь слѣдъ запечатлѣнъ?
Иные подвиги, къ инымъ побѣдамъ ревность,
Повѣдаетъ намъ гласъ краснорѣчивыхъ стѣпъ:
Ихъ юная краса затмить успѣла древность.
Искусство здѣсь вездѣ вело съ природой брань,
И торжество свое вездѣ знаменовало;
Могущество ума—мятежъ стихій смиряло,
И мысль, другой Алкидъ, съ трудовъ взыскала дань.
Ко славѣ изъ пеленъ Россія возмужала,
И изъ безвѣстной тьмы къ владычеству прешла.
Такъ ты, о дщерь ея, какъ маніемъ жезла,
Честь первенства, родясь, въ столицахъ воспріяла,
Искусства Греціи и Рима чудеса —
Зрятъ съ дивомъ надъ собой полночны небеса.
Чертоги Кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!
Чья смѣлая рука совокупила васъ?
Чей повелительный, на зло природѣ, гласъ
Содвинулъ и повлекъ изъ дикія пустыни
Громады вѣчныхъ скалъ, чтобъ разослать твердыни
По берегамъ твоимъ рѣкъ сѣверныхъ глава,
Великолѣпная и свѣтлая Нева?
Кто къ симъ брегамъ склонилъ торговли алчной крылья
И стаи кораблей, съ дарами изобилья,
Отъ утра, вечера и полдня къ намъ пригналъ?
Кто съ древнимъ Каспіемъ Бельтъ юный сочеталъ?
Державный духъ Петра и умъ Екатерины
Трудъ медленныхъ вѣковъ свершили въ вѣкъ единый.
На Югѣ меркнулъ день—у насъ онъ разсвѣталъ.
Тамъ предразсудковъ мечъ и свѣточъ возмущенья
Грозились ринуть въ прахъ святыню просвѣщенья;
Убѣжищемъ ему былъ Сѣверъ, и когда

Въ Европѣ зарево крамолъ зажгла вражда,
И древній міръ вспылалъ, склонясь печальной выей.
Духъ творческій парилъ надъ юною Россіей,
И мощно влекъ ее на подвигъ бытія.
Художествъ и наукъ блестящая семья
Отечествомъ другимъ признала нашу землю.
Восторгомъ смѣлый путь успѣховъ ихъ объемлю
И на разсвѣтѣ зрю лучи златого дня.
Желѣзо, покорясь вліянію огня,
Здѣсь легкостью дивитъ въ прозрачности ограды,
За коей прячется и смотритъ садъ прохлады.
Полтавская рука сей разводила садъ!
Но что въ тѣни его мой привлекаетъ взглядъ?
Вотъ скромный домъ, ковчегъ воспоминаній славныхъ —
Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ!
Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ: Россія! здѣсь твой храмъ!
О, если жизнь придать безчувственнымъ стѣнамъ,
И тайны царскихъ думъ извлечь изъ хладныхъ сводовъ,
Какой-бы мудрости тотъ гласъ отзывомъ былъ,
Какихъ бы истинъ громъ внезапно поразилъ
Благоговѣйный слухъ властителей народовъ!
Тамъ зодчій смѣлясь путь къ безсмертію простерть,
Возноситъ дерзностно красивыя громады.
Полночный Апеллесъ, обманывая взгляды,
Даруетъ кистью жизнь, обезоруживъ смерть.
Ваятели, презрѣвъ небесъ ревнивыхъ мщенье,
Вдыхаютъ въ вещество мысль, чувство и движенье.
Природу испытавъ, Невтоновъ ученикъ
Таинственныхъ чудесъ разоблачаетъ ликъ,
Иль, съ небомъ пламеннымъ въ борьбѣ отъемлетъ, смѣлый,
Изъ гнѣвныхъ рукъ боговъ молніеносны стрѣлы!
Мать пѣсней, смѣлая царица звучныхъ думъ,
Смягчаетъ дикій нравъ и возвышаетъ умъ.
Здѣсь другъ Шувалова воспѣлъ Елисавету,
И юныхъ Русскихъ Музъ блистательный разсвѣтъ
Его счастливѣе — какъ Русскій и поэтъ —

Екатерининъ вѣкъ Державинъ предалъ свѣту.
Минервы нашей умъ Европу изумлялъ:
Съ успѣхомъ равнымъ онъ по свѣту разсылалъ,
Привѣтствіе въ Ферней, уставы Самоѣдамъ,
Иль на пути въ Стамбулъ открытый листъ побѣдамъ,
Полсвѣтомъ правила она съ береговъ Невы,
И утомляла гласъ стоустныя молвы.
Блестящій вѣкъ! и ты позналъ закатъ условный,
И твоего пѣвца уста уже безмолвны!

LXXXVI.

ГРАФУ Ѳ. И. ТОЛСТОМУ.

Американецъ и цыганъ,
На свѣтѣ нравственномъ загадка,
Котораго намъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ,
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая въ адъ, изъ ада въ рай!
Котораго душа есть пламень,
А умъ холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока—твердый камень
Въ волненьи страсти—легкой листъ!
Куда-жъ меня нелегкой тащитъ
И мой раздутый стихъ таращитъ,
Какъ стихъ того торговца одъ,
Который на осьмушку смысла
Пудъ словъ съ прибавкой выдаетъ?
Здѣсь Муза брода не найдетъ:
Она надъ бездною повисла.
Какъ ей спуститься безъ хлопотъ
И какъ, не давъ толчка разсудку
И не споткнувшись на пути,
Отъ нравственныхъ стиховъ сойти

Прямой дорогою къ желудку?
Но, впрочемъ, я слыхалъ не разъ,
Что нашъ желудокъ чувствъ властитель,
И помышленій всѣхъ запасъ.
Поэтъ, политикъ, побѣдитель,
Всѣ отъ него успѣха ждутъ:
Судьба народовъ имъ рѣшится;
Въ желудкѣ пища не сварится,
И не созрѣетъ славный трудъ;
Министръ объѣлся: сквозь дремоту,
Секретаря прочелъ работу
И гибель царства подписалъ.
Тотъ на тощахъ безсмертья ищетъ,
Но онъ за драмой въ зубы свищетъ
И свѣтъ поэта освисталъ.
Къ тому же любопытнымъ ухомъ
Умѣешь всѣмъ рѣчамъ внимать;
Возвышеннымъ же если духомъ
Подчасъ ты унижаешь знать,
За то ты, графъ природный, брюхомъ
И всѣмъ сіятельнымъ подъ стать!
Ты знаешь цѣну Кондильяку,
Въ Вольтерѣ любишь шутокъ даръ,
И платишь сердцемъ дань Жанъ-Жаку
Но хуже ль лучшихъ нашихъ баръ
Цѣнить умѣешь кулебяку
И жирной стерляди разваръ?
Ну, слава Богу! пусть съ дороги
Стихомаранья лютый бѣсъ
Кидалъ меня то въ ровъ, то въ лѣсъ,
Но я, хоть поизбывши ночи,
До цѣли, наконецъ, долѣзъ.
О кухнѣ рѣчь—о знаменитый
Обжоръ властитель, другъ и богъ!
О, если сочный и упитый
Достойнымъ быть мой стихъ бы могъ

Твоей щедроты плодовитой!
Приправь и разогрѣй мой слогъ,
Пусть будетъ онъ, тебѣ угодный,
Душистъ, какъ съ трюфлями пирогъ,
И вкусенъ, какъ каплунъ дородный!
Прочь Фебъ и дворъ его голодный!
Я не прошу себѣ вѣнка:
Меня не взманитъ ловъ безплодный!
Слѣпаго случая рука
Пусть ставитъ на показъ народный
Зажиточнаго дурака —
Просится въ дураки не буду!
Я не прошусь закинуть уду
Въ колодезь къ истинѣ сухой:
Ложь лучше истины иной!
Я не прошу у благодати
Втереть меня къ библейской знати
И по кресту вести къ крестамъ
Ни ко двору, ни къ небесамъ.
Просить себѣ того другого
Съ поклонами я не спѣшу:
Мнѣ нуженъ поваръ—отъ Толстого,
Я только повара прошу!

LXXXVII.

НЕГОДОВАНІЕ.

Къ чему мнѣ вымыслы? къ чему мечтанья мнѣ
И нектаръ сладкихъ упоеній?
Я раннее прости сказалъ младой веснѣ,
Веснѣ надеждъ и заблужденій?

Не осушивъ его, фіялъ волшебствъ разбилъ;
При первыхъ встрѣчахъ жизнь въ обманахъ обличилъ
И призраки принесъ въ дань истинѣ угрюмой;
Очарованья цвѣтъ въ рукахъ моихъ поблекъ
И я сорвалъ съ чела, наморщеннаго думой,
Бездушныхъ радостей вѣнокъ.
Но льстивыхъ лже-боговъ разоблачивъ кумиры,
Я правдѣ посвятилъ свой пламенный восторгъ;
Не разъ изъ непреклонной лиры
Онъ голосъ мужества исторгъ.
Мой Аполлонъ—негодованье!
При пламени его съ свободныхъ устъ моихъ
Падетъ безчестное молчанье
И загорится смѣлый стихъ.
Негодованіе! огонь животворящій!
Зародышъ лучшаго, что̀ я въ себѣ храню,

Встревоженный тобой, отъ сна встаю
И, благородною отвагою кипящій,
Въ волненьи бодромъ познаю
Могущество души и цѣну бытію.

Всѣхъ помысловъ моихъ виновникъ и свидѣтель,
Ты отъ нѣмой меня безчувственности спасъ:
Въ молчаньи всѣхъ страстей меня твой будитъ гласъ:
Ты мнѣ и жизнь и добродѣтель!
Поклонникъ истины въ лѣта,
Когда мечты еще пріятны —
Взывали къ ней мольбой и сердце и уста,
Но вѣтеръ разносилъ мой гласъ, толпѣ невнятный.

Подъ знаменемъ ея владычествуетъ ложь;
Насильствомъ прихоти потоптаны уставы;
Съ поруганнымъ челомъ безчеловѣчной славы
Безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ.
Отцовъ народовъ зрѣлъ господствующихъ страхомъ,
Совѣтницей владыкъ—губительную лесть:
Печальную главу посыпавъ скорбнымъ прахомъ,
Я зрѣлъ: изгнанницей поруганную честь,
Доступнымъ торжищемъ—святыню правосудья,
Служенье истинѣ—коварства торжествомъ,
Законы, правоты священныя орудья,
Щитомъ могучему и слабому ярмомъ.
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ,
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ,
Въ забвеньи Бога душъ—однимъ земнымъ престоламъ
Кадящихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.

Хранители казны народной
На правый судъ сберитесь вы;
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаянной вдовы?
Гдѣ подать сироты голодной?

Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ Небесъ угрозы

Испили жадно вы средь пиршествихъ прохладъ
Кровавый потъ труда и нищенскія слёзы;
На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ
Народъ имущество и жизнь свою приноситъ;
Ставъ вашихъ прихотей угодливымъ рабомъ,
Отечество отъ чадъ вамъ въ жертву жертвы проситъ.

Но что вамъ? голосомъ алкающихъ страстей
Мать вопіющую вы дерзко заглушили;
Отъ стрѣлъ раскаянья златымъ щитомъ честей
Ожесточенную вы совѣсть оградили.
Дни ваши безъ докукъ и ночи безъ тревогъ.
Твердыней, правдѣ неприступной,
Мгновенно къ облакамъ вознесся вашъ чертогъ,
И непорочность, зря дней вашихъ блескъ преступной,
Смущаясь, говоритъ: «гдѣ-жъ Онъ?» гдѣ-жъ казни Богъ?
Гдѣ-жъ Судія необольстимый?
Что-жъ медлитъ Онъ землѣ судъ истины изречь?
Когда-жъ въ рукѣ Его заблещетъ ярый мечъ
И поразитъ порокъ ударъ неотразимый?»

Нѣтъ! нѣтъ! не при твоемъ, отечество! зерцалѣ
На жизнь и смерть они произнесли обѣтъ:
Нѣтъ слезъ въ нихъ для твоихъ печалей,
Нѣтъ пѣсней для твоихъ побѣдъ!
Имъ слава предковъ безъ преданій,
Имъ нѣмъ завѣтный гробъ отцовъ!
И колыбель твоихъ сыновъ
Имъ не святыня упованій!
Ищу я искреннихъ жрецовъ
Свободы, сильныхъ душъ кумира:
Обширная темница міра
Являетъ мнѣ однихъ рабовъ.

О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ,

При коей сносны жизни бѣдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ,
Свобода! пылкимъ вдохновеньемъ,
Я первый Русскимъ пѣснопѣньемъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;
И звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.

Познаютъ пѣснь мою потомки!
Ты святъ мнѣ былъ языкъ боговъ!
И міра гордые обломки
Переживутъ вѣнцы льстецовъ!

Но гдѣ же чистое горитъ твое свѣтило?
Здѣсь плаваетъ оно въ кровавыхъ облакахъ,
Тамъ бѣдственнымъ его туманомъ обложило
И свѣтится едва въ мерцающихъ лучахъ.

Тамъ ножъ преступный изувѣрства
Олтарь твой дѣвственный багритъ;
Порокъ съ улыбкой дикой звѣрства
Тебя злодѣйствами честитъ.
Здѣсь стадо робкое ничтожныхъ,
Витіи поученій ложныхъ
Пугаютъ именемъ твоимъ:
И твой сообщникъ—просвѣщенье
Съ тобой, въ ихъ нагломъ ослѣпленьѣ,
Одной сѣкирою разимъ.
Тамъ хищнаго господства страсти
Послѣднею уловкой власти
Союзъ твой гласно признаютъ;
Но подъ щитомъ твоимъ священнымъ
Во тьмѣ народамъ обольщеннымъ
Неволи хитрой цѣпь куютъ.

Свобода! о младая дѣва!
Посланница благихъ боговъ!

Ты побѣдишь упорство гнѣва
Твоихъ неистовыхъ враговъ.

Невинность примиришь съ закономъ,
Съ любовью подданнаго власть.
Ты снимешь роковую клятву
Съ чела поникшаго землѣ
И пахарю освѣтишь жатву,
Темнѣющую въ рабской мглѣ.
Твой гласъ, будитель изобилья,
Нагія степи утучнитъ,
Промышленность распуститъ крылья
И жизнь въ пустынѣ водворитъ,
Невѣжество, всѣхъ бѣдъ виновникъ,
Исчезнетъ отъ твоихъ лучей,
Какъ ночи сумрачный любовникъ
При блескѣ утреннихъ огней.

Онъ загорится день, день торжества и казни,
День радостныхъ надеждъ, день горестной боязни!
Раздастся пѣснь побѣдъ, вамъ, истины жрецы,
Вамъ, други чести и свободы!
Вамъ плачъ надгробный! вамъ, отступники природы!
Вамъ, притѣснители! вамъ, низкіе льстецы!
Но мнѣ-ли медлить? грязную ихъ братью
Карающимъ стихомъ я нынѣ поражу;
На ихъ главу клеймо презрѣнья положу
И обреку проклятью.
Пусть правды мстительной Перунъ
На терпѣливомъ небѣ дремлетъ,
Но мужественный строй моихъ свободныхъ струнъ
Ихъ совѣсть ужасомъ объемлетъ.

Потъ хладный страха и стыда
Пробьетъ на ихъ челѣ угрюмомъ

И честь ихъ распадется съ шумомъ
При гласѣ праваго суда.
Стражъ пепла ихъ, моя недремлющая злоба
Ихъ поглотившій мракъ забвенья разорветъ
И гнѣвною рукой изъ нѣдръ исхититъ гроба,
Ко славѣ бѣдственной ихъ память прикуетъ.

1819 г.

LXXXVIII.

ДВА ЧИЖА.

О чемъ такъ тужишь ты?—чижъ говорилъ чижу:
Здѣсь въ клѣткѣ во сто разъ пріятнѣй жить, чѣмъ въ полѣ.
„Такъ,—молвилъ тотъ,—тебѣ рожденному въ неволѣ:
„Но я, я волю зналъ, и я о ней тужу.

LXXXIX.

ДЕРВИШЪ И УЧЕНИКЪ.

Ученый мужъ, Дервишъ, въ часъ утра и обѣда
Святую воду пилъ въ колодцѣ Магомеда.
Подмѣтилъ то его нелѣпый ученикъ,
И на день бѣгалъ пить разъ двадцать на родникъ.
Какой же онъ имѣлъ успѣхъ съ своей догадки?
Остался неученъ, и слегъ отъ лихорадки.

XC.

УБОГІЙ И КАМЕНЬ.

Обломокъ каменный валялся средь дороги.
Таскающій ярмо страданья и суму,
Наткнулся на него убогій,
И съ сердцемъ говоритъ ему:
„Природы мертвое созданье!
„Зачѣмъ дано тебѣ существованье?
„Равно встрѣчаешь ты блескъ утра, ночи тьму—
„И лѣтній жаръ и зимній холодъ!
„Безчувственно ты ко всему“.—
—А мнѣ-ль завидовать, чувствительный, тому,
Кто чувствовать умѣетъ голодъ?—

XCI.

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

„Какая-жъ лошадь я!“ — свалившись съ мосту въ грязь
Корова говоритъ. — „Какая-жъ я корова!“ —
Упавши лошадь въ ровъ, вскричала, разсердясь.
Такой примѣръ намъ не обнова:
Обычай этотъ мы найдемъ и у людей.
Какъ часто въ обществѣ друзей,
Когда о глупостяхъ людскихъ идетъ бесѣда,
Другъ на друга мигаютъ два сосѣда!

XCII.

ДВѢ СОБАКИ.

—За что ты въ спальнѣ спишь, а зябну я въ сѣняхъ?—
У Мопса жирнаго спросилъ кобель курчавый.
„За что?“—тотъ отвѣчалъ:—вся тайна въ двухъ словахъ:
„Ты въ домъ для службы взятъ, а я взятъ для забавы!

XCIII.

БИТЫЙ ПЕСЪ.

Песъ лаялъ на воровъ; пса утромъ отодрали
За то, что лаемъ смѣлъ встревожить барскій сонъ.
Песъ спалъ въ другую ночь; домъ воры обокрали:
Отодранъ песъ за то, за чѣмъ не лаялъ онъ.

XCIV.

ПОТОКЪ И РѢКА.

Рѣку стыдилъ потокъ, стремящійся съ высотъ,
Что плавно такъ течетъ въ долинѣ на просторѣ.
„Дай срокъ, былъ той отвѣтъ: какъ красный день зайдетъ,
Я тише, ты быстрѣй,—въ одномъ сольемся морѣ“.

XCV.

ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПЕРО.

Съ чернильницей перо заспорили о томъ,
Кто новой оды былъ изъ нихъ прямымъ творцомъ.
Вошелъ поэтъ, и споръ рѣшилъ высокомѣрья:
Такія есть вездѣ чернильницы и перья.

XCVI.

ДВА ЖИВОПИСЦА.

Въ столицу съѣхались портретны мастера.
Петръ плохъ, но съ деньгами; соперникъ Рафаэлю—
Иванъ, но безъ гроша. Отъ утра до утра,
То женщинъ, то мужчинъ малюетъ кисть Петра;
Иванъ лишь разъ и кисть возьметъ въ недѣлю.
За что-жъ имъ отъ судьбы не равенъ такъ дѣлежъ?
Портретъ Петра былъ льстивъ, портретъ Ивана—схожъ.

XCVII.

ЧЕЛОВѢКЪ И МОТЫЛЕКЪ.

Надъ мотылькомъ смѣялся человѣкъ:
—Гость утренній! по чести ты мнѣ жалокъ!
Онъ говоритъ: мгновенье—вотъ твой вѣкъ!
И мотыльку могила—кустъ фіалокъ.
За годомъ годъ торопится во слѣдъ,
И старику отсчитано сто лѣтъ.
Часъ смерти бьетъ! Старикъ, на смертномъ ложѣ
Вздохнувъ, сказалъ: и вѣкъ мгновенье тоже!

XCVIII.

МЕДВѢДЬ.

(Апологъ).

Куда бѣжитъ народъ нетерпѣливый?
Стѣснились улицы кругомъ;
Восторга гласъ краснорѣчивый,
Веселыхъ плесковъ грянулъ громъ.
Кого земля въ сей день вѣнчаетъ торжествомъ,
Какой герой на бранной колесницѣ
Является въ вѣнкѣ признательной столицѣ?
Какой защитникъ правъ народныхъ предъ царемъ
Идетъ, сопровожденъ усердною молвою?
Какой мудрецъ, свой край прославившій собою,
Съ согражданъ заживо сбираетъ дань труда?
Медвѣдь, управленный корыстною рукою,
Вертится на дыбахъ, подъ палкою жида.
Народъ! вотъ почестей твоихъ образчикъ славный!
Народъ! всѣхъ дѣлъ людскихъ и цѣль и судія,
То деспотъ съ палицей, то съ куклою дитя!
Все пища для твоей забавы своенравной:
Великій мужъ со злобою въ борьбѣ,
Позорный блескъ счастливаго разврата,
Медвѣжья пляска, казнь Сократа —
Равно есть зрѣлище, потѣшное тебѣ!
А ты, тщеславья рабъ, за славою гоняйся
И послѣ, утомясь въ мучительной гоньбѣ,
Соперничества ты съ медвѣдемъ добивайся!

XCIX.

МАЛЮТКА НА ЛОШАДИ.

Малютка на коня просился;—посадили.
Сперва въ восторгѣ онъ: „Вотъ, вотъ и я большой“
Товарищамъ кричитъ, которые толпой,
Ему завидуя, счастливца окружили.
Но только повода пустили
И лошадь тронулась,—малютка поднялъ вой
И задрожалъ, какъ будто за урокомъ,
Какъ будто съ розгами учитель передъ нимъ.
Не въ радость ужъ ему и быть большимъ.
Сидѣть ли прямо, сѣсть ли бокомъ,
Глядѣть ли на лошадь—все мучитъ равный страхъ,
Зажмуритъ ли глаза, еще страшнѣй въ потьмахъ,
И съ часу онъ на часъ все болѣе блѣднѣетъ.
Замѣтивши отецъ, какъ онъ робѣетъ,
Сказалъ: „Дуракъ, тебя никто не принуждалъ!
И, сжалися надъ нимъ, его съ коня онъ снялъ.
Подумаете вы, онъ плакать пересталъ,
Теперь покоенъ и на волѣ;
Напротивъ, плачетъ вдвое болѣ,
И злится, и кричитъ, и рвется на коня.

О, сколько на вѣку вельможей видѣлъ я.
Которые, пока въ числѣ любимцевъ были,
Подъ ношей почестей томились и грустили,
И съ высоты на прежній жребій свой
Со вздохомъ обращали взгляды,
И у царя для всей награды
Просились домой.
Отпуститъ лишь ихъ царь, внявъ просьбѣ, на покой,
Бѣдняжки чахнутъ отъ досады.

С.

Въ какихъ лѣсахъ, въ какой долинѣ,
Въ часы вечерней тишины,
Задумчиво ты бродишь нынѣ
Подъ свѣтлымъ сумракомъ луны?

Кто сердца мыслью потаенной,
Кто прелестью твоей мечты?
Кого на одръ уединенный
Съ зарею призываешь ты?

Чей голосъ слышишь ты въ журчаньи
Ручья, бѣгущаго съ холмовъ,
Въ таинственномъ лѣсовъ молчаньи,
Въ шептаньи легкихъ вѣтерковъ?

Кто первымъ чувствомъ пробужденья,
Послѣдней тайной передъ сномъ?
Чье имя бѣглый слѣдъ смущенья
Наводитъ на лицѣ твоемъ?

Кто и въ отсутствіи далекомъ
Присутственъ сердцу одному?
Кого въ борьбѣ съ жестокимъ рокомъ
Зовешь къ спасенью своему?

Чей образъ на душѣ остылой
Погаснетъ съ пламенемъ въ крови,
Съ послѣдней жизненною силой,
Съ послѣдней ласкою любви?

CI.

УСЛАДЪ.

Схвативши мечъ булатный
Предъ битвой роковой,
Въ часовнѣ къ Благодатной
Взошелъ Усладъ съ мольбой:

„Молю, Ты призри младость,
Будь мнѣ святый покровъ!
Въ любви дѣвицы радость,
Пусть буду страхъ враговъ“.

Къ боярышнѣ Мстислава
Взаимно онъ горѣлъ,
Но отъ рожденья права
На счастье не имѣлъ.

Искалъ Мстиславъ надменный
Богатства и заслугъ,
Усладъ въ судьбѣ смиренной
Былъ скромныхъ пѣсней другъ.

Съ передовой дружиной
Двойной питая жаръ,
За славой иль кончиной
Онъ мчится на Татаръ.

Вождя, любимца хана,
Онъ плѣномъ отягчилъ,
И вражескаго стана
Надежду сокрушилъ.

Узнавъ успѣхъ героя
И сердца тайну связь,
Мстиславу послѣ боя
Сказалъ великій князь:

„Обязанъ я Усладу
Побѣдой на войнѣ,
Пусть счастьемъ онъ въ награду
Обязанъ будетъ мнѣ.

Помѣстьемъ, знатнымъ чиномъ
Его я надѣлю;
Ты сдѣлай болѣ: сыномъ
Прими къ себѣ въ семью.

Внесетъ въ твой домъ съ любовью
Добычу ратныхъ дѣлъ,
Честь, купленную кровью,
Подъ свистомъ мѣткихъ стрѣлъ“.

И въ той часовнѣ бѣдной,
Гдѣ, къ горю вражьихъ силъ,
Усладъ булатъ побѣдной
Молитвой освятилъ,

Союзъ запечатлѣли
Геройства съ красотой,
И свѣчки ровно тлѣли
Въ рукахъ четы младой.

1820 г.

CII.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ,

съ пирогомъ.

Изъ Пёриге, гость жирный и душистой,
Покинутый судьбы на произволъ,
Ступай, пирогъ, къ брегамъ полночи льдистой!
Изъ мѣстъ, гдѣ Комъ имѣетъ свой престолъ,
И на народъ взираетъ благосклоннѣй,
Гдѣ дичь вкуснѣй и трюфли благовоннѣй,
И пьяный Вакхъ плодитъ роскошный долъ...
Иль, отложивъ балясы стихотворства,
(Ты за себя самъ риторъ и посолъ)
Ступай, пирогъ, къ Тургеневу на столъ,
Достойный даръ и дружбы и обжорства!
А ты, дитя, не тѣхъ угрюмыхъ школъ,
Гдѣ натощакъ воспитанный разсудокъ
Къ успѣхамъ шелъ черезъ пустой желудокъ,
Но лучшихъ школъ прилежный ученикъ;
Ты, ревностный послѣдникъ Эпикуру,
Ты, уголокъ между почетныхъ книгъ
Оставившій поварни Трубадуру,
Который намъ за лакомымъ столомъ
Искусство пусть преподавалъ стихомъ,

И, *своего исполненный предмета*,
Похитилъ лавръ обжоры и поэта,—
Ты, другъ, прими, въ знакъ дружбы, мой пирогъ,
Какъ древле быль пріемлемъ хлѣбъ съ солонкой.
Друзей сзови; но двери на замокъ
Отъ тѣхъ гостей, которыхъ запахъ тонкой,
Издалека пронюхавъ сочный духъ,
И навыкомъ ужъ изощренный слухъ,
Прослышавши позывный звонъ тарелокъ,
Ведутъ къ столу—вѣрнѣе лучшихъ стрѣлокъ,
Лицо ихъ, въ дверь явясь, какъ на заказъ,
Вамъ говоритъ, который въ домѣ часъ.
Честь велика, когда почетный баринъ
Къ намъ за-просто приходитъ ѣсть хлѣбъ-соль,
Но за столомъ насъ отъ честей уволь:
Незваный гость досаднѣй, чѣмъ Татаринъ.
Въ пословицахъ народа умъ живетъ,
А здѣсь и умъ обѣденныхъ Солоновъ.
Въ гостинныхъ насъ законъ приличій жметъ;
Но за столомъ, чуждъ ига, врагъ заботъ,
Бросаю цѣпь стѣснительныхъ законовъ:
Чиновный гость иль приторный сосѣдъ
Вливаетъ ядъ въ изящнѣйшій обѣдъ.
Нѣтъ! нѣтъ! прошу мнѣ въ честь и благодарность,
Однихъ друзей сзови на мой пирогъ;
Прочь знатнаго враля высокопарность
И подлеца обсахаренный слогъ!
Пусть старшинствомъ того почтитъ пирушка,
У коего всегда порожнѣй кружка,
И съ языка вздоръ острый, безъ затѣй,
Какъ блестки искръ, срывается быстрѣй,
Ему воздай отличіе верховно;
Но не деспотъ, а общества глава,
Надъ обществомъ пусть царствуетъ условно,
И дѣлитъ съ нимъ законныя права.
Пусть, радуясь его правленью, каждый

Покорностью почтить властей дѣлежъ,
И въ свой чередъ балуетъ прихоть жажды,
И языка болтливаго свербежъ.
Уже мечтой я засѣдаю съ вами,
Я мысленно перелетаю даль;
Я вижу свой приборъ между друзьями;
Виномъ кипитъ сіяющій хрусталь.
Пусть сбудется воображенья шаль;
Пусть поживлюсь мечтательной поимкой,
Когда судьбы жестокій приговоръ,
Мнѣ вопреки, лишь только невидимкой
Даетъ присѣсть за дружескій приборъ;
Но тотъ, кому я близокъ и заочно,
Пусть будетъ ѣсть и пить за трезвый духъ;
Нельзя умнѣй придумать и нарочно:
Тургеневъ мой, ты будешь ѣсть за двухъ!

CIII.

ЭПИГРАММА.

Пусть остряковъ союзныхъ тупость
Готовитъ на меня свой ножъ:
Противъ меня глупцы! такъ что-жъ?
Да за меня за то ихъ глупость.

CIV.

УНЫНІЕ.

Унынiе! вѣрнѣйшій другъ души!
Съ которымъ я дѣлю печаль и радость,
Ты легкимъ сумракомъ мою одѣло младость,
И расцвѣла весна моя въ тиши.

Я счастье зналъ, но молніей мгновенной
Оно означило туманный небосклонъ,
Его лишь взвидѣлъ взоръ, блистаньемъ ослѣпленный.
Я не жалѣлъ о немъ: не къ счастью я рожденъ.

Въ душѣ моей раздался голосъ славы,—
Откликнулась душа волненьямъ на призывъ;
Но, силы испытавъ, я думъ смирилъ порывъ,
И замерли въ душѣ надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивыхъ сновъ,
О, слава! ты надеждъ моихъ отвергла клятву,
Когда я уповалъ пожать безсмертья жатву,
И яркою браздой прорѣзать мглу вѣковъ!

Кумиръ горящихъ душъ! меня не допустила
Судьба переступить чрезъ твой священный прагъ,

И, мой пожравшая уединенный прахъ,
Забвеньемъ заростетъ безмолвная могила.

Но слава не вотще мнѣ голосъ подала!
Она вдохнула мнѣ свободную отвагу,
Святую ненависть къ безчестному зажгла—
И чистую любовь къ изящному и благу.

Болтливыя молвы не требуя похвалъ,
Я подвигъ бытія означилъ тѣснымъ кругомъ:
Предъ алтаремъ души въ смиреньи клятву далъ
Тирану быть врагомъ и жертвѣ вѣрнымъ другомъ.

Съ улыбкою любви, въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ розъ,
На пиръ роскошества влекли меня забавы;
Но сколько въ нектаръ ихъ я пролилъ горькихъ слезъ.
И чаша радости была сосудъ отравы.

Унынье! все съ тобой крѣпило мой союзъ;
Невѣрность льстивыхъ благъ была мнѣ поученьемъ:
Ты сблизило меня съ полезнымъ размышленьемъ,
И привело подъ сѣнь миролюбивыхъ Музъ.

Сопутникъ твой, сердечныхъ ранъ цѣлитель,
Трудъ, благодатный трудъ ихъ муки усыпилъ.
Прошедшаго—веселый искупитель!
Живой источникъ новыхъ силъ!

Все измѣнило мнѣ! ты будь не безотвѣтенъ!
Съ утрачепнымъ мое грядущее слилось,
Грядущее со мною разочлось,
И новый искъ на немъ мой былъ бы тщетенъ.

Сокровищницу бытія
Я истощилъ въ одномъ незрѣломъ ощущеньѣ;
Небесъ изящное наслѣдство прожилъ я
Въ неполномъ шумномъ наслажденьѣ.

Наслѣдство благъ земныхъ холоднымъ окомъ зрю.
Пойду на поприщѣ позорныхъ истязаній
Толпы презрительной соперникомъ въ бою
Оспоривать успѣхъ, цѣль низкихъ упованій.

Въ побѣдѣ чести нѣтъ, когда безчестенъ бой,
Раскройте новый кругъ, бойцовъ сзовите новыхъ,
Пусть лавръ, нетронутый корыстною рукой,
Пусть мета высшая самихъ вѣнковъ лавровыхъ,

Усердью чистому явитъ достойный даръ!
И честолюбіе, источникъ дѣлъ высокихъ,
Когда не возмущенъ грозой страстей жестокихъ,
Вновь пламенной струей прольетъ по мнѣ свой жаръ.

Но скройся отъ меня, съ коварнымъ обольщеньемъ,
Надеждъ несбыточныхъ испытанный обманъ!
Почто тревожишь умъ безплоднымъ сожалѣньемъ,
И разжигаешь ты тоску заснувшихъ ранъ?

Унынье! съ коимъ я дѣлю печаль и радость,
Единый другъ обманутой души,
Подъ сумракомъ твоимъ моя угасла младость,
Пускай и полдень мой прокрадется въ тиши.

CV.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Байрона).

Когда, меня прижавъ къ груди рукою гибкой,
Ты нѣжнымъ шопотомъ мнѣ шепчешь: „жизнь моя!“
Мнѣ улыбается любовь твоей улыбкой,
И голосомъ твоимъ любовь зоветъ меня.
Но, милый другъ, и жизнь измѣнитъ, улетая!
Не жизнью ты меня—душой своей зови.
Тверди: „моя душа!“ Душа, не умирая,
Внѣ жизни будетъ жить безсмертіемъ любви.

CVI.

К ВОЗВРАЩЕНІИ ДОЛГО ЗАДЕРЖАННАГО АЛЬБОМА.

Твои заслуживая пени,
Безмолвствую передъ тобой.
Анета! Я ослушникъ твой —
Но не вини меня ты въ лѣни
И будь сама мнѣ судія:
Тебя въ умѣ воображая,
Тобою мысли занимая,
О риѳмахъ могъ ли думать я?

CVII.

УСТАВЪ СТОЛОВОЙ.

(Подражаніе Панару).

Въ столовой нѣтъ отликъ мѣстамъ.
Какъ поваръ твой ни будь искусенъ,
Когда сажаешь по чинамъ,
Обѣдъ твой лакомый не вкусенъ.
Равно что̀ верхъ стола, что́ низъ,
Нѣтъ старшинства у гастронома:
Куда попалъ, туда садись,
Я и въ гостяхъ хочу быть дома.
Просторъ локтямъ отъ тѣсноты.
Не радъ и лучшему я блюду;
Чѣмъ далѣ былъ отъ красоты,
Тѣмъ ближе къ ней я послѣ буду.
Къ чему огромный рядъ прикрасъ,
И блюда разставлять узоромъ?
За столъ сажусь я не для глазъ,
И сытъ желаю быть не взоромъ.
Спаси насъ, Боже! за столомъ
Отъ хлопотливаго сосѣда:
Онъ подчиваньемъ, какъ ножомъ,
Пристанетъ къ горлу въ часъ обѣда.

Не въ пору другъ тошнѣй врага!
Пусть каждый о себѣ хлопочетъ,
И самъ свой баринъ и слуга
По волѣ пьетъ и ѣстъ, какъ хочетъ.
Мнѣ жалокъ пьяница-хвастунъ,
Который пьетъ не для забавы:
Какой онъ чести ждетъ, шалунъ?
Одно безславье пить изъ славы.
На умъ и взоры ляжетъ тьма,
Когда напьешься безъ оглядки:
Вино пусть намъ придастъ ума,
А не мутитъ его остатки.
Веселью будетъ череда,
Но пусть и въ самомъ упоеньѣ
Разсудка легкая узда
Даетъ веселью направленье.
Порядокъ есть душа всего!
Богъ пиршествъ по уставу правитъ;
Толстой, верховный жрецъ его,
На путь насъ истинный наставитъ:
Гостепріимство—безъ чиновъ,
Разнообразность—въ разговорахъ,
Въ разсказахъ—бережливость словъ,
Холодновровье—въ жаркихъ спорахъ,
Безъ умничанья простота,
Веселость—духъ свободы трезвой,
Безъ ѣдкой желчи острота,
Безъ шутовства соль шутки рѣзвой.

CVIII.

КЪ КРАСАВИЦѢ УЕДИНЕННОЙ.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Какъ пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

CIX.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

„Талантъ вашъ, всѣмъ извѣстный,
Меня приводитъ къ вамъ. Вы живописцевъ честь!“
— Вы шутите: вашъ отзывъ, слишкомъ лестный,
Я принужденъ насмѣшкою почесть. —
„Напрасно!“ — А къ чему могу быть вамъ угоденъ?
„Мнѣ нуженъ мой портретъ;
Досугъ ли вамъ теперь?“ — Для васъ отказа нѣтъ,
Для васъ я завсегда свободенъ.
А какъ себя прикажете писать?
Венерою ли, Флорой,
Діаной, Душенькой, Авророй?
„Какъ вамъ на мысль придетъ: извольте выбирать.
Я не прикрасъ, а сходства лишь желаю;
Ужь такъ и быть откроюсь вамъ во всемъ:
Любовнику портретъ я этотъ назначаю;
Онъ долженъ быть похожъ, однакожь такъ притомъ,
Чтобъ въ случаѣ меня мужъ не узналъ бы въ немъ.

CX.

КНЯЖНИНЪ И ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

У авторовъ пріязнь со всячиной ведется.
„Рославъ твой затвердилъ: я Россъ, я Россъ, я Россъ!
А все онъ невеликъ; когда же разростется?“
Фонъ-Визинъ Княжнину далъ шуточный запросъ.
„Когда?“ тотъ отвѣчалъ, самъ на словцо удалый:
„Когда твой бригадиръ поступитъ въ генералы“.

CXI.

ОТВѢТЪ ФОНЪ-ВИЗИНА.

Тупой острякъ и приторный шутникъ,
Прославленный толпы минутнымъ шумомъ,
Проговорясь—знать врагъ ему языкъ —
Фонъ-Визина назвалъ Минервы кумомъ.
„Зачѣмъ же нѣтъ?—смѣясь, сказалъ ему
У Русскихъ музъ Теренція намѣстникъ:
„Быть можетъ въ ней и нажилъ я куму,
Но поручусь, что былъ не ты нашъ крестникъ!“

CXII.

КЪ ЛАУРѢ

въ день ея рожденія.

Вчера, въ тѣни древесъ, какъ тихой свѣтъ луны
Долины серебрилъ пріятными лучами,
Дремалъ спокойно я; вокругъ меня толпами
Носились благотворны сны.
Вдругъ въ тихомъ вѣяньи душистаго зефира
Слетѣлъ Киприды сынъ съ лазурнаго эфира,
И лиру стройную съ улыбкой мнѣ вручивъ,
Сказалъ: О, юноша, познай, сколь ты счастливъ!
Тебѣ назначилъ я Лауры пѣть рожденье,
Лауры, коей даръ сердцами управлять;
Ахъ! какъ другимъ дышать, такъ ей легко плѣнять,
Всѣхъ прелестей она соединенье!
Такъ мнѣ ли пѣть ее? сказалъ Эроту я:
Пріятны для весны лишь пѣсни соловья,
Лауру прославлять богъ долженъ пѣснопѣнья!
Но кто-жь не слушать могъ Эротова велѣнья?
Изъ рукъ безсмертнаго я робко лиру взялъ,
И пѣть тихонько сталъ:
Лауры, боги! дни продлите;
Во всемъ вы были щедры къ ней,
Ее и въ счастьи утвердите,

Да мирно жизнь ведетъ безъ горькихъ мрачныхъ дней,
Какъ роза, другъ весны, подъ тайной рощи сѣнью,
Не зная буйныхъ непогодъ,
Отъ зноя скрытая гостепріимной тѣнью,
Цвѣтетъ въ спокойствіи на брегѣ ясныхъ водъ.
Еще моей мольбѣ внемлите:
Скорѣе къ намъ въ Москву Лауру возвратите.

CXIII.

МОЛЕНІЕ ЛАУРЫ.

Какъ сладкій звукъ арфы въ безмолвной долинѣ,
Доходитъ моленье твое къ небесамъ.
Лаура, утѣшься! вновь будетъ здорова
Подруга твоя.
О, боги! воззрите: Лаура въ печали
Стоитъ на колѣняхъ на злачномъ холмѣ!
Ночные зефиры, играя, лобзаютъ
Златые власы.
Слезою блестящій къ вамъ взоръ обращаетъ,
Какъ пѣнныя волны, вздымается грудь,
И эхо въ дубравѣ, одѣянной мракомъ,
Гласъ вторитъ ея:
„О, боги! подругѣ здоровье отдайте!
„Ланиты померкли, нѣтъ блеска въ очахъ,
„Нѣтъ радости въ сердцѣ, болѣзнью убита,
„Какъ зноемъ цвѣтокъ.
„Но если разстаться ей съ жизнію должно,
„Внемлите моленью, пусть съ нею умру!“
Лаура, довольно! твой другъ воскресаетъ,
Какъ роза весной.

CXIV.

СТИХИ, ВЫРѢЗАННЫЕ НА МЕРТВОЙ ГОЛОВѢ ОБРАЩЕННОЙ ВЪ ЧАШУ.

(Подражаніе Байрону).

Не трепещи! Душа еще со мной!
Во мнѣ зри черепъ тотъ, который къ злу не сроденъ,
И этимъ, можетъ быть, съ живою головой
Я наиболѣе не сходенъ!
Какъ ты, я жилъ, любилъ и пилъ,
Какъ ты заплатишь—я дань смерти заплатилъ.
Въ землѣ моихъ костей лежатъ остатки съ миромъ,
Въ меня и лей вина! не бойся оскорбить:
Мнѣ лучше у тебя на пиршествѣ служить,
Чѣмъ лакомымъ червямъ служить роскошнымъ пиромъ.
Пускай не гадинъ влажный рой,
Но виноградный сонъ, будитель сладострастья,
Кипитъ во мнѣ—заздравной чашѣ счастья,
А не пристанище природы гробовой.
Быть можетъ искры мысли рѣзвой
Сверкали прежде изъ меня,
Теперь пусть въ васъ зажгутъ веселья пылъ нетрезвый
И вспышки бѣглаго огня!

Ахъ, если въ головѣ покойной
Изсохнетъ мозгъ—какимъ добромъ,
Какъ не божественнымъ виномъ,
Намъ замѣнить его достойно?
Пируй, покамѣсть жизнь въ глаза тебѣ глядитъ—
Но вскорѣ, можетъ быть, единый изъ потомковъ
Тебя найдетъ межь гробовыхъ обломковъ,
И мертвеца на пиръ свой пригласитъ.
И что-жъ? Когда во дни житейскаго волненья
Намъ наши головы такъ часто не къ добру,
Хоть въ гробѣ выручимъ ихъ отъ червей истлѣнья
И пользѣ посвятимъ на радостномъ пиру!

CXV.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Вписавшись въ цехъ зоиловъ строгихъ,
Будь и къ себѣ ты судія.
Жуковскій пишетъ для немногихъ,
А ты для одного себя.

2.

Чтобъ полный смыслъ разбить въ твореніяхъ пѣвца
По одиночкѣ въ немъ ты стихъ коварно удишь;
Въ безсмыслицѣ жь своей тогда увѣренъ будешь,
Когда прочтешь себя съ начала до конца.

3.

Работая перомъ, какъ топоромъ,
Фирсъ каждый день печать съ собой знакомитъ!
Вотъ, подлинно пришлось сказать о немъ:
Ломаетъ онъ языкъ и оды ломитъ.

4.

Его познаній вѣренъ счетъ,
Но онъ ихъ худо примѣняетъ:

Онъ стихъ въ трагедіяхъ поетъ,
А пѣсню въ операхъ читаетъ.

5.

Стиховъ моихъ давно ты слышать хочешь.
Догадливъ я! Благодарю за честь!
Признайся: ты не о моихъ хлопочешь,
А норовишь, какъ бы свои прочесть.

6.

„Бѣда намъ!“ говоритъ Аристъ:
„Бывало оду какъ напишешь въ цѣлый листъ,
И всѣ ее читаютъ;
А нынѣ одъ такихъ совсѣмъ не понимаютъ,
Хоть въ нихъ на небеса пари!“
Такъ что-жъ? У насъ теперь другая есть ухватка,
Въ шарадѣ тоже все, что въ одѣ говори;
Пусть не поймутъ—да это вѣдь загадка!

CXVI.

СИБИРЯКОВУ.

Рожденный мирты рвать и спящій на соломѣ,
Въ отечествѣ поэтъ, кандиторъ съ барскомъ домѣ!
Другой вельможамъ льститъ; а я пишу тебѣ,
Какъ смѣлъ, Сибиряковъ ты, вопреки судьбѣ,
Опутавшей тебя веригами насилья—
Отважно развернуть воображенью крылья?
И званьемъ рабъ, душой—къ свободѣ вознестись?
„Ты мыслить вздумалъ? ты? дружокъ! перекрестись
„Кричитъ тебѣ сынъ тьмы, Сіятельства наслѣдникъ;
„Не за перо берись: поди, надѣнь передникъ;
„Намъ леденцы вкуснѣй Державинскихъ стиховъ.
„О вѣкъ! Злосчастный вѣкъ разврата и грѣховъ!
„Все гибнетъ и всему погибель просвѣщенье:
„Съ трудомъ давно-ль скрѣпилъ онъ въ судъ опредѣленье
„Пріявшій отъ небесъ дворянства благодать,
„А нынѣ: ужь и чернь пускается въ печать!
„Нѣтъ! нѣтъ! дворянскихъ глазъ безчестить я не буду.
„Другой тебя читай: я чести не забуду.
„Намъ памятенъ еще примѣрный тотъ позоръ,
„Камъ призрѣнъ былъ Дворомъ бѣглецъ изъ Холмогоръ
„Пожалуй и тебѣ, въ сей вѣкъ столь ненавистный,
„Въ вельможахъ сыщется заступникъ безскорыстный,
„И мимо насъ, дворянъ, какъ дерзкій тотъ рыбарь

«Ты попадешь и въ честь и въ адресъ-Календарь..»
Такъ бредитъ на яву питомецъ предразсудка,
За лакомымъ столомъ, гдѣ тяжестью желудка
Отяжелѣла въ немъ пустая голова,
Тебя Сибиряковъ! не тронутъ тѣ слова.
Стыдя спѣсь общества ты оправдалъ природу;
Въ неволѣ-ты душой уразумѣлъ свободу
И цѣлью смѣлою начертанный твой стихъ,
Вѣкамъ изобличитъ гонителей твоихъ.
Свобода не въ дворцахъ, неволя не въ темницахъ;
Достоинство въ душѣ: пустыя званья въ лицахъ.
Предъ взоромъ мудреца свѣтъ — пестрый маскерадъ
Гдѣ жребіемъ слѣпымъ данъ каждому нарядъ
Ходули подхвати иной глядитъ вельможей,
А съ маскою на балъ онъ выползъ изъ прихожей.
Сорви одежду? пыль подъ мишурой честей,
И первый изъ вельможъ, послѣдній изъ людей.
Природа не знатокъ въ наукѣ родословной,
И раздаетъ дары рукой скупой но ровной.
Жалѣю я, когда судьбы ошибкой злой
Простолюдинъ рожденъ съ возвышенной душой
И свойствъ изящныхъ блескъ въ безвѣстности тускнѣетъ;
Но злобою мой умъ кипитъ и цѣпенѣетъ,
Когда на казнь землѣ и небесамъ въ укоръ,
Судьба, къ честямъ порокъ возводитъ на позоръ,
Кто мыслитъ, тотъ могущь, а кто могущь—свободенъ.
Пусть рабствуетъ въ пыли, лишь тотъ кто къ рабству сроденъ.
Свобода въ насъ самихъ: небесъ святый залогъ,
Какъ собственность души, ее намъ ввѣрилъ Богъ!
И не ее погнетъ ярмо земныя власти;
Одни тираны ей: насильственныя страсти.
Пусть дерзостный орелъ увязъ въ плѣну силка,
Невольникъ на землѣ, онъ смотритъ въ облака;
Но червь презрительный, отверженецъ природы,
Случайно взброшенный порывомъ непогоды,
Въ сосѣдство къ небесамъ, наверхъ кавказскихъ горъ,

Ползетъ и въ гнусный прахъ вперяетъ робкій взоръ.
И ты, Сибиряковъ, умѣрь прискорбья пѣни,
Хотя ты въ обществѣ на низшія ступени
Засаженъ невзначай рожденіемъ простымъ:
Гордись собой! а спѣсь ты предоставь другимъ.
Пусть баринъ чванится дворянскимъ превосходствомъ:
Но ты довольствуйся душевнымъ благородствомъ.
Взгляни на многихъ баръ, на гордый ихъ развратъ,
И темный жребій свой благослови стократъ.
Быть можетъ въ ихъ средѣ свѣтильникъ дарованья,
Потухнулъ бы въ тебѣ подъ гнетомъ воспитанья.
Утратя бодрость чувствъ, заимствовалъ бы ты,
Быть можетъ праздность ихъ и блажь слѣпой тщеты,
Ты сталъ бы, какъ они, въ безчувствіи глубокомъ
На участь братіевъ взирать холоднымъ окомъ
И думать, что Творецъ на то и создалъ знать,
Чтобъ кровью ближняго ей нагло торговать;
Что черни далъ однѣ онъ спины; барству души,
Какъ далъ рога быку а зайцу только уши;
Что жизнь онъ въ даръ послалъ для баръ и богача,
Другимъ взвалилъ ее, какъ пошу на плеча;
И что все такъ — въ благомъ придумано совѣтѣ,
Чтобъ былъ немногимъ рай а многимъ адъ на свѣтѣ.
Счастливъ, кто самъ собой взошелъ на высоту:
Рожденный на верхахъ все видитъ на лету;
Надмѣнность или даль его туманятъ зрѣнье,
За правду часто онъ пріемлетъ заблужденье,
Обманываясь самъ, страстями ослѣпленъ,
Довѣрчивость другихъ обманываетъ онъ.
Но ты страшись его завидовать породѣ,
Ты рабъ свободный, онъ — рабъ жалкій на свободѣ.

1821 г.

CXVII.

ВОЛКИ И ПАСТУХИ.

Волкъ вздумалъ добрымъ и смиреннымъ быть.
Злодѣямъ мудрено любить, —
Не спорю, но прошу прослушать
Съ терпѣньемъ мой разсказъ.
Какимъ-то случаемъ, въ какой-то добрый часъ,
Привыкшій волкъ овецъ, ягнятъ невинныхъ кушать,
Задумался, и говоритъ:
Кому не сдѣлалъ я обидъ?
Я общій врагъ, меня за дѣло проклинаютъ;
Всѣ гибели моей желаютъ:
Псари, собаки, пастухи.
Давно за тяжкіе грѣхи
Изгнали насъ изъ Альбіона.
Жизнь волчья сущій адъ. Не лучше-ль наконецъ
Муравку мнѣ щипать и не душить овецъ?
Утѣшно-ль быть виной несчастія и стона?
Сказалъ смиренникъ нашъ, и видитъ пастуховъ,
Сидящихъ вкругъ огня подъ рослыми дубами.
Волкъ тихими шагами
Подходитъ. Ужинъ былъ готовъ.
Барашекъ жареный, растерзанный на части,

Пріятной пищею хозяевамъ служилъ.
И у людей такія-жь страсти!
Прожора закричалъ: напрасно я грустилъ,
Напрасно въ постники хотѣлъ я записаться;
Стадъ караульщики изволятъ забавляться
Не хуже насъ волковъ.
Къ чему мнѣ быть смирнѣй и лучше пастуховъ?
Овечки милыя! Я съ вами разставаться
Теперь, повѣрьте мнѣ, не буду никогда;
Прошу пожаловать сюда!
Волкъ правъ, и, не смотря на всѣ людскіе толки,
Мы точно тѣже волки.

CXVIII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Для славы ты здоровья не жалѣешь.
Но берегись, не долго до грѣха;
Надъ риѳмою ты цѣлый вѣкъ потѣешь,
А тамъ, какъ разъ, прозябнешь отъ стиха.

2.

Корысти презрѣнной не покоряясь игу,
Ты продалъ за ничто стиховъ своихъ тетрадь,
Въ глаза и за глаза не грѣхъ тебѣ сказать,
Что выдалъ ничего не стоющую книгу.

3.

Благословенный плодъ проклятаго терпѣнья
За цѣну сходную онъ отдаетъ въ печать;
Но, къ большей вѣрности, зачѣмъ не досказать:
За цѣну сходную съ достоинствомъ творенья.

CXIX.

ГОЛОСЪ СЕРДЦА.

Одинъ мастеровой,
На этотъ случай не хмѣльной,
Въ рабочій день столкнувшись съ другомъ,
Который до утра, напившись пьянъ, досугомъ,
Разлегся безъ чиновъ на грязной мостовой.
„Счастливое творенье!“
Онъ, другомъ съ завистью любуясь, говоритъ;
„Но если Богъ велитъ,
Вотъ такъ-то и меня увидятъ въ воскресенье.

CXX.

КЪ СМЕРТИ.

(Подражаніе французскому).

О смерть! прошу я, сдѣлай дружбу,
Какъ станешь звать къ себѣ на службу
И будешь въ нашей сторонѣ,
Не подходи къ моей ты кельѣ;
За чѣмъ пойду на новоселье,
Когда и здѣсь не худо мнѣ.

CXXI.

ПОСЛАНІЕ КЪ М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ.

Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ,
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ.
Какъ оный вѣчный огнь при алтарѣ весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютый адскихъ силъ,
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ;
На немъ чужой успѣхъ, какъ ноша тяготѣетъ;
Счастливца свѣжій лавръ — колючій тернъ ему;
Всегда онъ ближняго довольствомъ не доволенъ,
И, вольный мученикъ, чужимъ здоровьемъ боленъ.
Гдѣ жертвъ не обрекла господству своему
Слѣпая зависть, дочь надменности ничтожной?
Извѣстности боясь, змѣею осторожной
Ползетъ, роняя вслѣдъ ядъ гнусной клеветы.
Въ толпѣ, въ дому царей, въ уборной красоты
Свирѣпствуетъ во тьмѣ коварная зараза;
Но въ мирной музъ семьѣ, средь всадниковъ Пегаса
Господствуетъ она свирѣпѣй во сто кратъ;
Въ Элизій скромныхъ дѣвъ внесенъ мятежный адъ.
Будь музы сестры, такъ! но авторы не братья,
Имъ съ Каиномъ равно на лбу печать проклятья
У многихъ врѣзала ревнивая вражда.

Достойнымъ похвала, ничтожеству обида
„Скучаю слушать я, какъ онъ хвалилъ всегда!“
Вопрошенный сказалъ гонитель Аристида.
Не зная какъ судить, ничтожные бранятъ,
И, понижая всѣхъ, возвыситься хотятъ.
Отъ Кяхты до Аѳинъ, отъ Лужниковъ до Рима
Вражда къ достоинству была непримирима.

. . . . . .

На Велизарія дерзаетъ мечъ простерть,
И старцу мудрецу въ тюрьмѣ подноситъ смерть.
Внемлите, какъ теперь *пугливые невѣжды*
Поносятъ клеветой высокихъ душъ надежды.
На свѣтломъ поприщѣ гражданскаго ума
Для нихъ лежитъ еще предубѣжденій тьма,
Враги того, что есть, и новыхъ бѣдъ пророки,
Успѣхамъ нашихъ дней старинныхъ лѣтъ пороки
Дерзаютъ предпочесть въ безумной слѣпотѣ,
И правдой жертвовать обманчивой тщетѣ.

. . . . . .

„Заброшенъ я въ пыли, какъ старый календарь,
„Его наперерывъ читаютъ чернь и царь;
„Разнообразенъ онъ въ роскошествѣ талапта:
„Я сухостью сожженъ безплоднаго педанта.
„Чѣмъ отомщу ему? Орудьемъ клеветы!“
Сказалъ поденный враль, и тискать сталъ листы.
Но можетъ ли вредить ревнивый пустомеля?
Пусть каждый слѣдуетъ примѣру Фонтенеля:
„Взгляни на сей сундукъ, онъ другу говорилъ,
„Котораго враньемъ ругатель очернилъ.
„Онъ полонъ на меня сатиръ и небылицы,
„Но въ нихъ я ни одной не развернулъ страницы.“
За чѣмъ искать чужихъ примѣровъ? скажешь ты:
Насъ учитъ Карамзинъ презрѣнью клеветы.
На вызовъ крикуновъ, со степени изящной
Сходилъ ли онъ въ ряды, гдѣ битвой рукопашной
Предъ праздною толпой, какъ жадные бойцы,

Свой унижаютъ санъ прекраснаго жрецы?
Нѣтъ! презря слабыхъ душъ корыстныя управы,
Онъ мелкой личностью не затмѣваетъ славы:
Пусть скукой и враньемъ торгующій зоилъ,
Безсильный поражать плодъ зрѣлый зрѣлыхъ силъ,
Что день подъ остріе кладетъ тупаго жала
Досуговъ молодыхъ счастливыя начала;
Пусть сей оцѣнщикъ словъ и въ азбукѣ знатокъ
Теребитъ трудъ ума съ профессорскихъ досокъ,
Какъ посѣдѣвшая въ углахъ архивы пыльной
Мышь хартіи грызетъ со злостью щепетильной.
На славу опершись, не занятый молвой,
Онъ съ площаднымъ врагомъ не входитъ въ низкій бой
На рубежѣ вѣковъ нашъ съ предками посредникъ,
Завѣтовъ опыта потомкамъ проповѣдникъ,
О суточныхъ враляхъ ему ли помышлять?
Ихъ жалкій жребій: чернь за деньги забавлять;
Его: въ потомствѣ жить, взывая къ жизни древность.
Ты правъ,—еще пойму соперничества ревность:
Корнелію бы могъ завидывать Расинъ,
Жуковскій Байрону, фонъ-Визину Княжнинъ.
Въ безбрежныхъ областяхъ надоблачной державы
Орелъ не подѣлитъ съ другимъ участка славы;
На солнце хочетъ онъ одинъ отважно зрѣть;
Иль смерть иль воздуха господство безсовмѣстно,
И при соперникѣ ему подъ небомъ тѣсно.
У льва кровавый тигръ оспариваетъ снѣдь.
Но кто, скажите мнѣ, видалъ, чтобъ черепаха
Кидалась тяжело съ неловкаго розмаха,
И силилась орлу путь къ солнцу заслонить?
Намъ должно бы умнѣй тупыхъ животныхъ быть,
А каждый день при насъ задорные пигмеи,
Въ союзѣ съ глупостью, вообразя затѣи,
Богатырей ума зовутъ на бой чернилъ,
Нахальствомъ ополчась за недостаткомъ силъ.
Ошибки замѣчай, ошибки людямъ сродны,

Но въ поученіи пусть голосъ благородный
И благородство чувствъ показываетъ намъ.
Ты хочешь исправлять, но будь исправенъ самъ.
Уваженъ будешь ты, когда другихъ уважишь.
Когда-жъ и правду ты языкомъ злости скажешь,
То правды свѣтлый лучъ, какъ въ зеркалѣ кривомъ,
Потускнетъ подъ твоимъ завистливымъ перомъ.
Случалось и глупцу отыскивать пороки,
Но взвѣсить трудъ ума лишь можетъ умъ высокій.
Насмѣшки рѣзкія—сатиры личной зло:
Цвѣтами увивалъ ихъ стрѣлы Боало.
Въ комъ нравиться есть даръ, тотъ пусть одинъ злословитъ.
Пчела и жалитъ насъ и сладкій медъ готовитъ;
Но изъ вреда вредить комаръ досадный радъ.
Докучнаго ушамъ, презрѣннаго на взглядъ,
Его безъ жалости охотно давитъ каждый.
Слѣпцы! къ чему ведетъ тоска завистной жажды,
Какой богатый плодъ приноситъ вамъ раздоръ?
Таланту блескъ двойной, а вамъ двойной позоръ,
Успѣхъ есть общая достоинствъ принадлежность,
Къ нему вожатые даръ свыше и прилежность.
Враговъ не клеветой, искусствомъ побѣди;
Затми ихъ свѣтлый лавръ, и лавръ твой впереди.
Соревнованья жаръ источникъ дѣлъ высокихъ:
Но ревность, ядъ ума и страсть сердецъ жестокихъ —
Лишь древо здравое дать можетъ здравый плодъ,
Лишь пламень чистый въ насъ таланта огнь зажжетъ.
Счастливъ, кто могъ сказать: „друзей я въ славѣ нажилъ.
Враговъ своихъ не зналъ, соперниковъ уважилъ.
Искусства насъ въ одно семейство сопрягли,
На ровный жребій благъ и бѣдствій обрекли.
Причастенъ славѣ ихъ, они моей причастны;
Ихъ днями ясными мои дни были ясны“.
Такъ рядомъ щедрая земля изъ влажныхъ нѣдръ
Раститъ и гордый дубъ, и сановитый кедръ.
Ихъ чела въ облакахъ, стопы ихъ съ адомъ смежны;

CXXII.

ПѢСНЯ.

Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна,
Какъ слѣпое заблужденье,
Какъ надежды обольщенье,
Скрылась дней моихъ весна!

Какъ блескъ молньи свѣтозарной,
Какъ минутные цвѣты,
Какъ любовь неблагодарной,
Какъ въ несчастьи другъ коварной,
Измѣнили мнѣ мечты!

Какъ пернатый житель лѣса,
Какъ пустынная стрѣла,
Какъ отважный конь Черкеса,
Какъ потокъ съ вершинъ утеса,
Радость быстро протекла!

CXXIII.

КЪ ИТАЛЬЯНЦУ, ВОЗВРАЩАЮЩЕМУСЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВО.

Подъ небомъ голубымъ Италіи прекрасной,
Въ отечествѣ надеждъ и счастья сладкихъ сновъ,
Гдѣ воздухъ напоенъ любовью сладострастной,
Гдѣ миртъ колеблется и блескъ златыхъ плодовъ
Въ густой тѣни деревъ съ лучами дня играетъ,
Да жизни предъ тобой всегда свѣтлѣетъ путь,
Да радость и любовь чело твое вѣнчаетъ,
Но сѣверныхъ снѣговъ не позабудь!

Въ странѣ, гдѣ гордый Тибръ златыя катитъ воды,
Гдѣ Капитоліумъ вознесъ свою главу,
Воспомни прахъ Кремля, сей памятникъ свободы,
Воспомни славную въ паденіи Москву!
Иди, куда тебя отца зовутъ моленья;
Въ объятіяхъ согрѣй ты старческую грудь,
Но въ первой радости любви и умиленья
Насъ, сѣверныхъ друзей, не позабудь.

CXXIV.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

(Подражаніе сатирѣ III, Депрео).

О ты, который намъ явить съ успѣхомъ могъ
И своенравный умъ, и безпорочный слогъ,
Въ бореньи съ трудностью силачъ необычайный
Не тайнъ поэзіи, но стихотворства тайны,
Жуковскій! отъ тебя хочу спросить давно:
Поэзія есть даръ, стихъ мастерство одно.
Природѣ въ насъ зажечь свѣтильникъ вдохновенья,
Искусства намъ даютъ примѣръ и наставленья.
Какъ съ риѳмой совладѣть, подай ты мнѣ совѣтъ.
Не ты за ней бѣжишь, она тебѣ во слѣдъ;
Угрюмый нашъ языкъ, какъ риѳмами ни бѣденъ,
Но прихотямъ твоимъ упоръ его не вреденъ,
Не спотыкаешься ты на концѣ стиха,
И риѳмою свой стихъ вѣнчаешь безъ грѣха.
О чемъ ни говоришь, она съ тобой въ союзѣ
Ты вѣрный завсегда попутчикъ смѣлой Музѣ.
Но я, который сталъ поэтомъ на бѣду,
Едва когда путемъ на риѳму набреду;
Не столько трудъ тяжелъ въ Нерчинскѣ рудокопу,
Какъ мнѣ, поймавши мысль, подвесть ее подъ стопу,
И риѳму залучить къ перу на остріе.

Умъ говоритъ одно, а вздорщица свое.
Хочу-ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ,
Державинъ рвется въ стихъ, а попадетъ Херасковъ!
Въ стихахъ моихъ не разъ, ее благодаря,
Трусъ Марсомъ прослыветъ, Катономъ льстецъ царя,
И, словомъ, какъ меня въ морозъ и жаръ ни мечетъ.
А риѳма, надо мной ругаясь, все перечитъ.
Съ досады, наконецъ, и выбившись изъ силъ,
Даю зарокъ не знать ни перьевъ, ни чернилъ,
Но только кровь во мнѣ, спокоившись, остынетъ,
И неуспѣшный ловъ за риѳмой умъ покинетъ,
Нежданная, ко мнѣ является она,
И мной владѣетъ вновь Парнасскій сатана.
Опять на пытку я, опять бумагу въ руки
За риѳмой риѳмы ждать, за мукой новой муки.
Еще когда бы могъ я, глядя на другихъ,
Въ попадъ и не въ попадъ сажать слова въ мой стихъ;
Довольный счетомъ стопъ и риѳмою богатой,
Пестрилъ бы я его услужливой заплатой.
Умѣлъ бы, какъ другой, паря на небеса,
Я въ пляску здѣсь пустить и горы, и лѣса,
И въ самый лѣтній зной, въ лугахъ срывая розы,
Насильственно пригнать съ Уральскихъ горъ морозы.
При помощи такихъ союзниковъ, какъ встарь,
Изъ одъ своихъ бы могъ составить риѳмъ словарь,
И Сумарокова одѣть въ покровѣ новомъ;
Но мой пугливый умъ дрожитъ надъ каждымъ словомъ,
И риѳма праздная, обезобразивъ рѣчь,
Хоть стихъ и звученъ будь, ему какъ острый мечъ.
Скорѣе соглашусь, смиря свою отвагу,
Стихами бѣлыми весь вѣкъ чернить бумагу,
Чѣмъ слѣпо вклеивать въ конецъ стиховъ слова,
И написавъ ихъ три, изъ нихъ мараю два.
Проклятью предаю я, наравнѣ съ убійцей,
Того, кто первый стихъ дерзнулъ стѣснить границей,
И вздумалъ риѳмы цѣпь на разумъ наложить.

Не будь онъ,—могъ бы я спокойно вѣкъ дожить,
Заботъ въ глаза не знать и какъ лѣнивецъ жирной
Спать ночью, днемъ дремать въ объятьяхъ лѣни мирной.
Ни тайный ядъ страстей, ни зависти змѣя
Грызущею тоской не трогаютъ меня.
Вельможескихъ палатъ не знаю переходовъ,
Корысть меня не мчитъ къ брегамъ чужихъ народовъ.
Довольный тѣмъ, что̀ есть, признательный судьбѣ,
Не могъ бы въ счастьи знать я равнаго себѣ;
Но заразясь на зло стихолюбивымъ ядомъ,
Свой рай земной смѣнилъ я добровольнымъ адомъ.
Съ тѣхъ поръ я самъ не свой: прикованный къ столу,
Какъ древле изгнанный преступникъ на скалу
Богами брошенъ былъ на жертву хищной власти,
Насытить не могу ненасытимой страсти.
То оборотъ мирю съ упрямымъ языкомъ,
То вышиваю стихъ, то строфу цѣликомъ
И, силы истощa въ страдальческой работѣ,
Тѣмъ болѣ мучусь я, что мучусь по охотѣ.
Блаженный Николевъ! ты этихъ мукъ не зналъ.
Пока рука перомъ водила, ты писалъ,
И полка книжная, твой знаменуя геній,
Трещитъ подъ тяжестью твоихъ стихотвореній.
Пусть слогъ твой сухъ и вялъ, пусть холоденъ твой жаръ,
Но ты, какъ и другой, Заикину товаръ,
Благодаря глупцамъ, не залежишься въ лавкѣ!
„Гдѣ риѳма на лицо, смыслъ можетъ быть въ неявкѣ!“
Такъ думалъ ты, и томъ надъ томомъ громоздилъ;
Но жалокъ, правиламъ кто умъ свой покорилъ.
Удачный выборъ словъ невѣждѣ не помѣха:
Ему, что новый стихъ, то новая потѣха.
Съ листа на листъ, рѣзвясь, игривою рукой,
Онъ въ каждой глупости любуется собой,
Напротивъ же, къ себѣ писатель безпристрастной,
Тщась безпорочнымъ быть, въ борьбѣ съ собой всечасной,
Оправданный вездѣ, онъ предъ собой неправъ;

Всѣмъ нравясь, одному себѣ онъ не на нравъ.
И часто, кто за даръ прославленъ цѣлымъ свѣтомъ,
Тотъ проклинаетъ день, въ который сталъ поэтомъ.
Ты, видя подо мной разставленную сѣть,
Жуковскій! научи какъ съ риѳмой совладѣть;
Но если выше силъ твоихъ сія услуга,
То отъ заразы риѳмъ избавь больнаго друга!

CXXV.

ВЕЧЕРЪ НА ВОЛГѢ.

Дыханье вечера долину освѣжило,
Благоухаетъ древъ трепещущая сѣнь
И яркое свѣтило,
Спустившись въ нѣдра водъ, уже переступило
Пылающихъ небесъ послѣднюю ступень.
Повсюду разлилось священное молчанье,
Почило на волнахъ
Игривыхъ вѣтровъ трепетанье,
И скатерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ.
Чья кисть, соперница природы,
О Волга, рѣкъ краса, тебя изобразитъ?
Кто въ облачной дали конецъ тебѣ прозритъ?
Съ лазурной высотой твои сравнялись воды,
И пораженный взоръ, оцѣпенѣвъ, стоитъ
Надъ влажною равниной;
Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Онъ бродитъ по твоимъ красивымъ берегамъ:
Здѣсь темный рядъ лѣсовъ подъ ризою тумановъ.
Гряда воздушная сипѣющихъ кургановъ,
Вдали громада селъ, лежащихъ по горамъ,
Луга, платящіе дань злачную стадамъ,
Поля, одѣтыя волнующимся златомъ,

И взоръ теряется съ прибережныхъ вершинъ
Въ разнообразіи богатомъ
Очаровательныхъ картинъ.
Но вдругъ передъ собой зрю новое видѣнье:
Плывущимъ островамъ подобяся вдали,
Огромныя суда въ медлительномъ паренье
Несутъ по лону водъ сокровища земли;
Ихъ крылья смѣлыя по воздуху бѣлѣютъ,
Ихъ мачты, какъ въ водахъ бродящій лѣсъ, темнѣютъ.
Люблю въ вечерній часъ, очарованья полнъ,
Прислушивать, о Волга величава!
Гласъ поэтическій твоихъ священныхъ волнъ;
Въ нихъ отзывается Россіи древней слава.
Или, покинувъ брегъ, люблю гнать рѣзвый челнъ
По ропотнымъ твоимъ зыбямъ, — и сердцемъ веселъ,
Подъ шумомъ дружныхъ веселъ,
Забывшись, на яву одинъ дремать въ мечтахъ.
Поэзіи сынамъ твои знакомы воды!
И Музы на твоихъ прохладныхъ берегахъ
Въ шумящихъ тростникахъ,
Въ часъ утренней свободы,
Съ цѣвницами въ рукахъ,
Водили хороводы
Со стаей Нимфъ младыхъ, —
И отзывъ горъ крутыхъ,
И вѣковые своды
Встревоженныхъ дубравъ,
Ихъ пѣснями звучали,
И звонкій гласъ забавъ
Окрестъ передавали.
Державинъ, Несторъ Музъ, и мудрый Карамзинъ,
И Дмитріевъ, Харитъ счастливый обожатель,
Величья твоего пѣвецъ-повѣствователь,
Тобой воспоены средь отческихъ долинъ.
Младое пѣнье ихъ твой берегъ оглашало,
И слава ихъ чиста, какъ водъ твоихъ зерцало,

Когда глядится въ нихъ лазурный сводъ небесъ,
Безмолвной тишиной окованъ ближній лѣсъ,
И рѣзвый вѣтерокъ не шевелитъ струею.
Ихъ геній мужественъ, какъ геній водъ твоихъ,
Когда гроза во тьмѣ клубится надъ тобою,
И пѣною кипятъ громады волнъ сѣдыхъ;
Противникъ наглыхъ бурь, онъ злобѣ ихъ упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной;
Обширенъ ихъ полетъ, какъ бѣгъ обширенъ твой;
Какъ ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,
Въ пучину Каспія мчишь воды обновленны,
Такъ славные ихъ дни, согражданамъ священны,
Сольются, кругъ сверша, съ безсмертіемъ въ вѣкахъ!
Но мнѣ ли помышлять, но мнѣ ли пѣть о славѣ?
Мой жребій: бѣгъ ручья въ безвѣстныхъ берегахъ,
Вiющійся въ дубравѣ!
Счастливъ онъ, если могъ цвѣты струей омыть
И ропотомъ пріятнымъ
Младыхъ любовниковъ шаги остановить,
И сердце ихъ склонить къ мечтаньямъ благодатнымъ.

Волнуются луга бродящими стадами
И звонко ожили древа
Сладкозвучащими хвалами
Пѣвцовъ крылатыхъ Бо́жества.

Предупредя разсвѣтъ денницы,
Рыбарь на дерзостномъ челнѣ,
Закинувъ легкія пловницы,
Скользитъ по трепетной волнѣ.
Еще лѣнивый сонъ его лелѣетъ вѣжды
Но отъ одра ужъ онъ бѣжитъ,
Весло его въ рукѣ надежды,
Корысть съ нимъ на кормѣ сидитъ.

Влекомый вѣтеркомъ прохладнымъ,
Онъ гонитъ быструю ладью,
Угадывая взоромъ жаднымъ
Добычу тайную свою!
О, радость! Ловъ счастливъ! на злачный брегъ влечется
Чешуйчатая дань зыбей
И плѣнница напрасно бьется
О сѣть, безжалостную къ ней.

Сынъ матери чадолюбивой,
Природы сынъ и вѣрный другъ,
Сбираетъ пахарь съ щедрой нивы,
Плодъ годовыхъ своихъ заслугъ.
Усѣяны поля согбенными толпами,
Сверкаютъ острые серпы
И позлащенными холмами
Встаютъ тяжелые снопы.

Все торжествуетъ дня рожденье —
Земля и тверди высота!
Повсюду стройное движенье,
Порядокъ, польза, красота.
Промчался жизни духъ надъ спящею землею!

Все пробудилось, расцвѣло,
Все блещетъ жизнью молодою,
Все звукъ и душу обрѣло.

Бѣглецъ природы, рабъ пристрастья,
Постыдной данникъ суеты,
Доселѣ зрѣлъ я безъ участья
Природы свѣтлой красоты.
Не для моихъ очей и лѣто разстилало
Ткань изумрудную въ лугахъ,
И алчной жатвѣ созрѣвало
Богатство осени въ поляхъ.

Не для меня ручьи шумѣли,
Съ грозой перекликался лѣсъ
И дальнихъ горъ верхи синѣли,
Теряясь въ бирюзѣ небесъ;
Не для моихъ очей и утро облагалось
Въ златой и праздничный уборъ
И небо звѣздное купалось
Въ струистой синевѣ озеръ.

Въ груди моей не отзывались
Созвучья неба и земли
И чувства хладно пресмыкались
Во тьмѣ, въ молчаньи и въ пыли.
Но здѣсь упала съ глазъ туманная завѣса:
Я красоту долинъ прозрѣлъ
И шумъ краснорѣчивой лѣса
И ропотъ водъ уразумѣлъ.

Я твой, природа, твой отнынѣ!
Отступника усынови!
Я подхожу къ твоей святынѣ
Съ сердечнымъ трепетомъ любви.
Повѣдай мнѣ свои святыя откровенья,
Согрѣй меня и озари,

И тихимъ жаромъ умиленья
Мой умъ и душу растворя.

Но скоро ли свободно сброшу
Ярмо, гнетущее меня,
Какъ труженикъ наемный ношу
Бросаетъ на закатѣ дня!
Когда же въ пристани повѣетъ вѣтръ попутный
И радугу благословлю?
И вѣрный якорь жизни смутной
О брегъ надежный укрѣплю?

Въ твоихъ святилищахъ прохладныхъ
О дай мнѣ, Волга, утолить
Тоску страстей слѣпыхъ и жадныхъ
Дай жизнью новой мнѣ ожить!
Ожить для радостей, для мудраго покоя,
И безболѣзненные дни
Дай уберечь отъ бурь и зноя
Въ твоемъ затишьи и тѣни.

CXXVII.

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ ВРАЧЪ.

„Ну, долго-ли мнѣ здѣсь стучаться по пустому?
Больной васъ ждетъ къ себѣ: извольте отпереть.
„Нѣтъ! въ ночь и по дождю я не ходокъ къ больному!
Богъ съ нимъ! и безъ меня онъ можетъ умереть!“

CXXVIII.

ОШИБКА ВРАЧА.

Шутя скрипачъ, а ремесломъ другъ хмѣлю,
Съ попойки всталъ, и слегъ больной въ постелю.
Жена въ слезахъ послала за врачомъ;
Приходитъ онъ, и съ гробовымъ лицомъ,
Вѣщаетъ въ слухъ: „Сообразя догадки,
Здѣсь нахожу съ ознобомъ лихорадки
И жажды жаръ; но мудрый Гиппократъ
Велитъ сперва намъ жажды пылъ убавить;
Больной на то: „Нѣтъ, нѣтъ! пустое, братъ!
Сперва прошу отъ холода избавить,
А съ жаждой самъ управиться я радъ.“

CXXIX.

СТОЛЪ И ПОСТЕЛЯ.

Полюбилъ я сердцемъ Леля,
По сердцу пришелъ Усладъ!
Былъ бы столъ, была-бъ постеля—
Я доволенъ и богатъ.

Пусть боецъ въ кровавомъ дѣлѣ
Пожинаетъ лавръ мечомъ;
Розы дышутъ на постелѣ,
Виноградникъ за столомъ.

Одами поэтъ Савелій
Всѣхъ плѣняетъ кроткимъ сномъ;
Вѣкъ трудится для постели
Онъ за письменнымъ столомъ.

Бѣдствій меньше бы терпѣли;
Если-бъ люди, страстны къ злу,
Были вѣрны въ ночь постели,
Вѣрны днемъ, какъ я, столу.

За столомъ достигнувъ цѣли,
На постель я часто шелъ,
Завтра можетъ-быть съ постели
Понесутъ меня на столъ.

CXXX.

НА НѢКОТОРУЮ ПОЭМУ.

Отечество спаслось Кутузова мечемъ
Отъ мстительной вражды новѣйшаго Батыя,
Но отъ твоихъ стиховъ, враждующихъ съ умомъ,
Ахъ! не спаслась Россія!

CXXXI.

НА НЕЕ ЖЕ.

Между Харибдою и Сциллой
Немилосердный рокъ Россію волновалъ:
Погибшую ждалъ плѣнъ унылый
Спасенную—Грузинцевъ съ пѣснью ждалъ.

CXXXII.

ПОШЛА ПИСАТЬ.

Дорогой бѣдъ, дорогой благъ,
На все лишь первый труденъ шагъ.
Летишь ли вверхъ, катишься-ль въ бездны
Нельзя стремленья удержать!
Шагнулъ — оглядки безполезны:
Пошла писать!

Критонъ отличный генералъ:
Враговъ въ лице онъ не видалъ,
Разъ какъ то, струсивъ въ первой сѣчѣ:
Однажды стоить убѣжать,
А тамъ уже при каждой встрѣчѣ—
Пошла писать.

Полвѣка Хлоя отжила.
Тиха, привѣтлива была;
Теперь спѣсивится, какъ ода:
Никто, ничто ей ни подъ стать.
На зло себѣ и ближнихъ рода
Пошла писать!

Когда-бъ отъ первыхъ неудачъ,
Кидалъ перо худой риѳмачъ,
Я бъ промолчалъ свою досаду;
Но стоитъ только разъ начать,
А тамъ рука ужь до упаду
Пошла писать!

CXXXIII.

НЕВЫГОДЫ ЛѢТА.

(съ ФРАНЦУЗСКАГО).

Какъ сельскій мой пріютъ зимой мнѣ милъ бываетъ:
Нѣтъ принужденья въ немъ, нѣтъ сплетней, суеты!
Товарищи мои—занятья и мечты.
Но лѣтомъ мой сосѣдъ къ себѣ переѣзжаетъ....

Когда другіе ждутъ, чтобъ, краснымъ днямъ во слѣдъ,
Лѣсъ пышной зеленью, а лугъ одѣлся цвѣтомъ,
Дрожу я, думая, что возвратятся съ лѣтомъ
И комары, и мой сосѣдъ!

CXXXIV.

ГРАФИНѢ СОФЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Что сказать мнѣ вамъ, графиня?
Что вы милы, какъ богиня,
Что мнѣ свѣтъ безъ васъ пустыня,
Что весна мнѣ не въ весну,
А сіяющее лѣто
Будто сумракомъ одѣто,
Что у грусти я въ плѣну,
Что куда я ни взгляну,
Все объ васъ я вспомяну
И все то, что́ говорилось
Нашимъ братомъ въ старину!
Но столѣтье измѣнилось,
И всему есть новый ладъ,
Буду правъ передъ душою,
Но предъ свѣтомъ виноватъ:
Скажутъ всѣ, что стариною
Я забредилъ не въ попадъ,
И вы первыя, скучая,
Мнѣ стыдомъ зажмете ротъ,
Свой зѣвотой растворяя.
Нѣтъ! ужь миновалъ чередъ
Нашей братіи парнасской,

И языкъ боговъ слыветъ
Старой бабушкиной сказкой,
Селадономъ сладкимъ — Фебъ,
Бѣленой — насущный хлѣбъ,
Желтымъ домомъ — міръ поэтовъ;
И обидой ѣдкихъ лѣтъ
Полинялъ любимый цвѣтъ
Мадригаловъ и сонетовъ.
Разсудительный нашъ вѣкъ
На разсудкѣ помѣшался,
И кто съ Музой сочетался,
Тотъ стыду себя обрекъ.
Въ вѣкѣ дружномъ съ баснословьемъ,
Какъ Паѳосъ существовалъ,
И поэта хладнокровьемъ
Свѣтъ угрюмый не встрѣчалъ,
Грѣшный жить бы я желалъ,
Разумѣется съ условьемъ,
Чтобы васъ я тамъ сыскалъ.
Не боясь насмѣшекъ строгихъ,
Не прося большихъ похвалъ,
Я-бъ въ стихахъ полуубогихъ
Съ небылицей былъ мѣшалъ.
Гражданинъ Цитерскій родомъ,
Я отъ грацій мимоходомъ
Къ вамъ легко бы перешелъ.
Мальчикъ-богъ, слѣпецъ крылатый
Былъ бы зоркій мой вожатый,
Иль мой стряпчій и посолъ.
Окрестивши васъ въ Плѣниру
Иль въ Аглаю, въ добрый часъ,
Я-бъ настроилъ къ пѣснямъ лиру
И, ввѣряя ихъ зефиру,
Пѣлъ бы прелесть вашихъ глазъ,
Тайный даръ плѣнять улыбкой,
Станъ вашъ правильный и гибкой,

Ножку — сокращенье ногъ,
Свѣтлой юности игривость
И невинную стыдливость,
Сердца чистаго залогъ.
Но, скажите, какъ посмѣю
Пѣть на старый ладъ одинъ?
Дверь укажутъ стиходѣю,
А стихамъ его — каминъ.
Нѣтъ увольте, ради Бога,
И велите помолчать.
Если жь прежняя дорога
Намъ очистится опять,
И Парнасса по сосѣдству
Подновятъ Паѳосскій храмъ,
И къ законному наслѣдству
Возвратится право намъ;
Если словомъ, хоть для шутки,
Въ доброй славѣ будутъ вновь
И старинны прибаутки,
И старинная любовь;
Если свѣтъ, не кстати важный,
Снова Музъ полюбитъ блажь:
Пѣснопѣвецъ вашъ присяжный
И поклонникъ вѣрный вашъ,
Смѣло, вдохновенный вами,
Я до смерти запоюсь,
И все выскажу стихами,
Что теперь сказать боюсь.

CXXXV.

ОТРЫВОКЪ.

Гдѣ вы, черныя очи,
Гдѣ вы, звѣзды мои?
Мнѣ безъ васъ—дни и ночи
Безъ надеждъ и любви.

На кого вы глядите?
Кого жжете огнемъ?
Для кого вы блестите
Мнѣ знакомымъ лучемъ?

CXXXVI.

НАДПИСЬ СОЛДАТУ.

Съ орлами Русскими летая,
Онъ къ славѣ путь пробилъ штыкомъ;
Теперь, побѣду запивая,
На бочкѣ онъ сидитъ, качаясь подъ орломъ.

Художникъ здѣсь съ природой вѣрно
Черты того изобразилъ,
Кто всѣми былъ любимъ безмѣрно
И отъ роду въ стихахъ самъ мѣры не хранилъ.

CXXXVII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Переводъ.

Любовь! тебѣ прости на вѣки я сказалъ,
Желаю Вакху въ плѣнъ отдаться;
Полвѣка я любилъ и отъ любви страдалъ,
Полвѣка буду напиваться.

Теперь ничѣмъ ужъ не польстишь ты мнѣ:
Приманки будутъ всѣ напрасны!
Въ слезахъ моихъ погасъ свѣтильникъ твой злощастный,
Свѣтильникъ дней моихъ я погашу въ винѣ.

CXXXVIII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Безстыдный лжецъ, презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разсѣваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Геростратъ другой
Безчестьемъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю о имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчаніе пѣвца;
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

2.

Какъ мастерски пророковъ злыхъ подсѣлъ
Риѳмачъ, когда себя въ печать отправилъ;
Имъ вопреки, онъ на своемъ поставилъ
И сотню одъ не про себя пропѣлъ:
Въ наборщикахъ читателей имѣлъ
И цензора одобрить ихъ заставилъ.

3.

Сбираясь въ путь, глупецъ почетной
(Не знаю гдѣ, у насъ иль нѣтъ)
Кричалъ въ бесѣдѣ доброхотной,
Что броситъ тысячъ сто охотно
Съ тѣмъ, чтобъ узнать людей и свѣтъ.
И по дѣломъ!—Но мой совѣтъ,
Не сѣтуя о лишней тратѣ,—
Критонъ невинно отвѣчалъ:—
Еще придать сто тысячъ кстати
На то, чтобъ свѣтъ васъ не узналъ.

4.

Безстыдной клеветой въ народѣ
Картушъ живыхъ всѣхъ перебралъ;
Теперь въ безстыдномъ переводѣ
Онъ Пиндара оклеветалъ.

5.

Въ ихъ ласкахъ лесть коварства вижу,
Ихъ клятвы—звукъ пустыхъ рѣчей;
О! признаюсь, я ненавижу
Большую часть.... моихъ друзей.

6.

Въ двухъ дюжинахъ поэмъ воспѣвшій предковъ сѣчи,
Глаголомъ ни стиха нашъ лирикъ не убилъ.
Какъ жалко мнѣ, что онъ частей и прочихъ рѣчи,
Какъ и глаголы, не щадилъ.

7.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глаза, улыбка, видъ!

Живой Памфилъ! одна бѣда: не говоритъ—
Но тѣмъ живѣе сходство!

8.

Несчастный мужъ! онъ право жалокъ мнѣ!
Ревнивый бѣсъ его въ конецъ доѣдетъ:
Кто невзначай подступитъ ли къ женѣ?
Онъ на иглахъ, дрожитъ, блѣднѣетъ, бредитъ;
Она-ль за дверь? Онъ въ новыхъ попыхахъ:
Встаетъ, бѣжитъ, взоръ пышетъ, дыбомъ волосъ!
Спокойся, братъ, услышь разсудка голосъ,
И безъ того ты будешь въ дуракахъ!

9.

Русакъ въ душѣ, орлиный почитатель,
Такъ пилъ, такъ пилъ, что чуть не пропилъ глазъ;
Приходитъ врачъ и говоритъ: пріятель!
Знать дѣла здѣсь не на одинъ мнѣ часъ;
Предвижу я, займешь меня работой.
—Я терпѣливъ.—Ты будешь пить....—Съ охотой.
—Шесть мѣсяцевъ....—Ужъ къ статѣ круглый годъ....
—Декоктъ....—Декоктъ? пусть чортъ твой свяжетъ ротъ!
Нѣтъ! за совѣтъ спасибо, братъ! прости!
И коли такъ, я не хочу лечиться;
Рѣшусь скорѣй окошка я лишиться,
Чтобъ только домъ отъ гибели спасти.

CXXXIX.

РАЗГОВОРЪ.

1.

При выходѣ изъ театра по представленіи драмы Jwanhoe, взятой изъ романа Вальтеръ Скотта.

«Не можно отказать въ достойномъ фиміамѣ
«Творцу такихъ красотъ,
«И Шаховской въ своей послѣдней драмѣ
«Былъ совершенный Вальтеръ-Скотъ!»
— Потише! не совсѣмъ! чтобъ былъ вѣрнѣе счетъ
Изъ похвалы твоей я лишнее откину,
И помирюсь на половину.

2.

О той же драмѣ, подвитой прологомъ.

О новой драмѣ, судъ не дологъ:
Не обижая никого,
Скажу, что драмы стóитъ прологъ,
А та не стóитъ ничего.

CXL.

ИЗЪ ПИСЬМА

къ Эоловой арфѣ, А. И. Тургеневу.

Твои слова: «не будутъ сестры!»
Мнѣ въ грудь пырнули ножикъ острый.
Пусть вскочитъ шишка на языкъ
Досаднаго мнѣ бѣдослова,
Или прильпнетъ языкъ Шишкова
Къ твоей гортани.... какъ ярлыкъ,
На коемъ вывела натура:
«Что тутъ есть глупости микстура
«И что даетъ она приказъ:
«Принять по вздору каждый часъ».
Пусть Руничъ на языкъ повиснетъ,
И съ причетомъ и съ попадьей,
И что́ ни молвишь, пусть онъ прыснетъ
Рунической галиматьей;
Пусть къ зубу зубъ его притиснетъ,
Когда начнетъ хвалить сестеръ;
Пусть чортъ кладетъ на ротъ запоръ,
Когда поставятъ предъ тобою,
Или съ стерляжьею ухою,
Иль съ жирнымъ вальдшнепомъ приборъ.
Будь Каченовскій, Арцыбышевъ,
Будь пустъ, какъ тотъ, какъ этотъ—густъ!
Пусть никогда вино не бишовъ
Твоихъ не услаждаетъ устъ!

CXLI.

ИЗЪ МОСКВЫ.

29-го декабря 1821 года.

Благодарю васъ за письмо,—
Ума любезнаго трюмо,—
О вы, которыя издàвна
Екатерина Николавна,
По русски просто говоря,
А на грамматику смотря,
Такъ Николаевна—но что же?
Вѣдь Русскій стихъ, избави Боже!
Какой пострѣлъ, какая шаль!
Вѣдь Русскій стихъ не графъ Лаваль;
Онъ не стоитъ на курьихъ ножкахъ.
Какъ слонъ, на стопы опершись.
Его не сломишь, какъ ни рвись!
Что о собакахъ и о кошкахъ
Пословицы намъ говорятъ,
То скажемъ также, съ смысломъ правымъ,
И о стихахъ съ разсудкомъ здравымъ:
Въ нихъ не на долго видѣнъ ладъ,
Въ нихъ мира нѣтъ, а перемирье;
Все гладко кажется, а тамъ
И вскочутъ глупости, какъ чирья
По краснопюсовымъ носамъ.
Вотъ вамъ примѣръ, да и примѣрный,—
Я сòвралъ, какъ питомецъ вѣрный,

Кому кормилецъ Аполлонъ,
Тремя помноженный Антонъ,
Да на закуску Прокоповичъ!
Здѣсь риѳма мнѣ Василій Львовичъ—
Что вамъ могу сказать о немъ?
Сидитъ съ подагрой онъ вдвоемъ;
Но вашъ Тургеневъ преподобный
Ему подагры самой злобной
Еще убійственнѣй сто разъ:
Взялся его онъ въ добрый часъ
Привесть въ печатанную вѣру;
Но христіанскому примѣру
Онъ слѣдуя наоборотъ,
Закоренѣлый грѣховодъ,
Гдѣ-бъ должно дунуть,—въ усъ не дунулъ,
А тамъ на Пушкина же плюнулъ,
Отрекшись отъ всѣхъ дѣлъ его.
Но ради Бога самого
Скажите, Пушкинъ дьяволъ что-ли?
А здѣсь подъ риѳму мнѣ Горголи!
Онъ подъ перо мое скользнулъ,
Какъ предъ несчастіемъ котъ черный!
Нѣтъ! нѣтъ! я тутъ слуга покорный
И крикну развѣ: караулъ!
Да, кстати, сдѣлавъ три поклона,
Я васъ поздравлю съ сыномъ Крона,
Иль съ новымъ годомъ, все равно!
Пусть прыткой жизни одноколка
По свѣжимъ бархатнымъ лугамъ
Везетъ васъ къ пристани покойной!
И на зарѣ и въ полдень знойной
Пусть бережетъ васъ добрый духъ!
И не перечитъ вамъ дороги
Исподтишка ни случай строгій,
Ни графъ Хвостовъ съ стихами въ слухъ!

Но этимъ именемъ, прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ,
Насъ небо облекло какъ въ боевой доспѣхъ,
Чтобъ намъ не забывать, что средь житейской битвы
Оружье лучшее: смиренье и молитвы,
Что слѣдуетъ и намъ, по скорбному пути,
Съ благимъ Учителемъ свой тяжкій крестъ нести.
Не дай намъ Богъ во тьмѣ и суетѣ житейской
Зазнаться гордостью и спѣсью фарисейской,
И святостью своей, какъ-бы другимъ въ упрекъ,
Хвалиться, позабывъ, что гордость есть порокъ.
Не въ славу, не въ почетъ народныя скрижали
Родную нашу Русь святой именовали,
Но въ назиданье намъ, въ отвѣтственность, въ завѣтъ;
Чтобъ сберегали мы первоначальныхъ лѣтъ
Страхъ Божій, и любовь и чистый пламень вѣры,
Чтобъ добрыя дѣла и добрые примѣры,
Въ ихъ древней простотѣ, завѣщанные намъ,
Мы цѣльно передать могли своимъ сынамъ;
Чтобъ былъ евангельскій законъ не тщетнымъ словомъ,
Но сильному уздой и слабому покровомъ;
Чтобъ ближній ближнему былъ безкорыстный братъ;
Чтобъ и законъ земной былъ неподкупно святъ;
Чтобъ правда на судѣ, стыдясь лицепріятья,
Доступною была и вамъ, меньшіе братья!
Чтобъ въ каждомъ смертномъ былъ, и въ рубищѣ простомъ,
Уваженъ человѣкъ и Божій образъ въ немъ;
Чтобъ Божій міръ для насъ былъ школой изученья,
Чтобъ не лѣнились мы на жатву просвѣщенья,
Чтобъ сердцу не въ ущербъ и вѣрѣ не въ подрывъ,
Наукою народъ себя обогативъ,
Шелъ доблестно впередъ, судьбамъ своимъ послушно,
Не отрекаяся отъ предковъ малодушно.
Приличій свѣтскихъ долгъ желая соблюсти,
Вѣдь кланяемся мы знакомымъ по пути,
Будь выше насъ они, иль будь они насъ ниже,
А церковь развѣ намъ не всѣхъ знакомыхъ ближе?

Она встрѣчаетъ насъ при входѣ нашемъ въ міръ,
Въ скорбь предлагаетъ намъ врачующій свой миръ,
И, съ нами радуясь и радостямъ и счастью,
Благословляетъ ихъ своей духовной властью.
Когда надъ нами часъ ударитъ роковой,
Она насъ съ берега проводитъ на другой,
И въ этотъ темный путь, гдѣ все насъ разомъ броситъ,
Одна ея звѣзда лучъ упованья вноситъ;
За насъ и молится и поминаетъ насъ,
Когда ужъ на землѣ давно нашъ слѣдъ угасъ,
Когда и въ той средѣ, гдѣ мы такъ сильны были,
Уже другимъ звеномъ пробѣлъ нашъ замѣнили.
Намъ церковь, въ жизнь и смерть, заботливая мать,—
А мы лѣнимся ей сыновній долгъ воздать?
А мы, рабы суетъ, подъ ихъ тяжелой ношей,
Чтобъ свѣтъ насмѣшливый не назвалъ насъ святошей,
Чтобъ не поставилъ насъ онъ съ чернью на ряду,
Приносимъ въ жертву крестъ подложному стыду.
Иль въ нашихъ немощахъ, въ унынiи безсилья,
Подъ часъ не нужны намъ молитвенныя крылья,
Чтобъ свѣять мракъ и сонъ съ отягощенныхъ вѣждъ,
Чтобъ духомъ возлетать въ міръ лучшій, въ міръ надеждъ,
Въ міръ намъ невѣдомый, но за чертой земною,
Міръ предугаданный пророческой тоскою?
Когда земной соблазнъ и міра блескъ и шумъ,
Какъ хмѣлемъ обдаютъ нашъ невоздержный умъ,
Одна молитвою навѣянная дума
Насъ можетъ отрезвить отъ суеты и шума,
Насъ можетъ отрѣшить, хоть мелькомъ, хоть на мигъ,
Отъ уловившихъ насъ страстей, отъ ихъ веригъ,
Которыя, хотя и розами обвиты,
Въ насъ вносятъ глубоко рубецъ свой ядовитый.
Среди житейскихъ битвъ уязвленнымъ бойцамъ
Молитва отдыхъ будь и перемирье намъ!
Заутра новый бой. Окрѣпнемъ духомъ нынѣ.
Усталымъ странникамъ, скитальцамъ по пустынѣ,

Подъ зноемъ солнечнымъ, палящимъ нашу грудь,
Когда и дологъ былъ и многотруденъ путь,
И ждутъ насъ впереди труды и битвы тѣже,
Намъ нужно пальмы тѣнь и горстью влаги свѣжей
Изъ ближняго ручья пылъ жажды утолить.
Родникъ глубокъ и чистъ: готовъ онъ въ насъ пролить
Живую благодать святой своей прохлады;
Родникъ сей манитъ насъ, но мы ему не рады,
И очи отвративъ отъ свѣтлаго ручья,
Бѣжимъ за суетой по дебрямъ бытія.
Нашъ разумъ, омрачась слѣпымъ высокомѣрьемъ,
Готовъ признать мечтой и дѣтскимъ суевѣрьемъ
Все, что не можетъ онъ подвесть подъ свой разсчетъ.
Но развѣ во сто разъ не суевѣрнѣй тотъ,
Кто вѣруетъ въ себя, а самъ себѣ загадкой,
Кто гордо оперся на свой разсудокъ шаткой
И въ немъ боготворитъ свой собственный кумиръ,
Кто, въ личности своей сосредоточивъ міръ,
Берется доказать, какъ дважды два четыре,
Все недоступное ему въ душѣ и въ мірѣ?

1822 г.

CXLIII.

ЖРЕЦЪ И КУМИРЪ.

Льстить любятъ многіе, хвалить умѣетъ рѣдкой;
Не въ мѣру похвала опаснѣй брани ѣдкой.
Усердья ложнаго подать ли образецъ?
Въ разсказъ мой вслушайтесь: какой-то древній жрецъ,
Къ кумиру своему излишне богомольный,
Ужъ такъ кадилъ ему, ужъ такъ ему кадилъ,
Что съ ногъ до головы его онъ закоптилъ.
И полно?—Нѣтъ! и тѣмъ урокомъ недовольный,
Такъ размахнулся разъ, въ пылу слѣпой руки,
Что онъ кадильницей расшибъ его въ куски.
Фортуны баловни! Кумиры черни зыбкой!
Любимцы срочные забывчивой молвы!
Не стрѣлъ вражды тупой, но лести гибкой
Кадильницъ берегитесь вы!...

CXLIV.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

(Въ день его именинъ).

Иваны въ спискахъ Аполлона
Въ чести бываютъ искони:
Гомеръ лѣснаго Иліона,
Который Граціямъ съ родни
И, какъ другой похвалъ дурманомъ,
Вѣкъ ослѣпленъ былъ простотой,
Слылъ въ людяхъ запросто Иваномъ
И беззаботной головой.
Его собратъ и соимянникъ,
Хемницеръ, въ слѣдъ за нимъ пошелъ,
И строгихъ Музъ безпечный данникъ
На славу по цвѣтамъ набрелъ.
Въ залогъ прекрасныхъ упованій,
Къ четѣ любезной ты причтенъ,
И скоро въ храмѣ дарованій
Иваномъ третьимъ нареченъ.
„Живи, счастливый ихъ наслѣдникъ!
Тебѣ сказалъ Парнасскій жрецъ:
„Изящнаго будь проповѣдникъ
„И вкуса свѣтлый образецъ!
„На лирѣ сладостной и звонкой,
„Поэтъ ума и красоты,

„Искусства, вѣжливости тонкой
„У Русскихъ Музъ взрости цвѣты.
„Вѣковъ минувшихъ сонъ глубокій
„Ты пѣснопѣньемъ пробуди,
„На предразсудки и пороки
„Зерцало басни наведи;
„Вплети безсмертья незабудки
„Въ вѣнокъ свой съ розами любви,
„И мѣткою стрѣлою шутки
„Людей дурачества язви!“
Пророкъ былъ правъ: съ четою славной
Ты славно поддержалъ союзъ,
И праздникъ твой есть праздникъ равной
Для ближнихъ, сограждан и Музъ.
О, насладись закатомъ позднымъ
Въ отраду общихъ ихъ надеждъ,
И будь всегда *Иваномъ Грознымъ*
Для всѣхъ зоиловъ и невѣждъ!

CXLV.

РЕПЕЙНИКЪ.

Въ роскошномъ цвѣтникѣ весны, намъ столь любезной,
Скажи, что дѣлаешь, репейникъ безполезной?
Нѣтъ запаха въ тебѣ, ни блеска, ни плодовъ,
Скажи, что-жь дѣлаешь?—„За что могу цѣпляюсь!“
Къ тебѣ я отъ него съ вопросомъ обращаюсь,
Репейникъ на лугахъ и прозы, и стиховъ,
Гдѣ зрѣютъ въ тишинѣ для насъ плоды разсудка,
Гдѣ розы вымысловъ, иль скороспѣлка-шутка,
Скажи, что дѣлаешь? Молчанье твой отвѣтъ;
Репейника въ тебѣ знать искренности нѣтъ.

CXLVI.

ПАСТУХЪ И ОВЦА.

Басня Красицкаго.

Пастухъ стригъ шерсть съ овцы и говорилъ ей такъ:
„Ну можетъ-ли меня отецъ нѣжнѣй быть къ дочкѣ?
„День цѣлый отъ тебя не отхожу на шагъ;
„Признайся, что на свѣтъ ты родилась въ сорочкѣ!
„Кормлю тебя, пою, отъ волка берегу,
„А подростетъ-ли шерсть, все я-жъ тебя стригу".
—„Чѣмъ мнѣ воздать тебѣ, о добрый пастырь стада",
Подъ остріемъ овца смиренно говоритъ:
„За всѣ твои труды Зевесъ тебѣ награда;
„А изъ чего, позволь спросить, тулупъ твой сшитъ?"

CXLVII.

ЛОГОГРИФЪ.

При людяхъ я кумиръ всѣхъ смертныхъ и всѣхъ странъ;
Безъ нихъ я, можетъ быть, нетесанный болванъ;
При людяхъ женщина, а безъ людей мужчина;
При людяхъ *божество*, безъ нихъ подчасъ *скотина*;
При людяхъ я обманъ, я сонъ, я звукъ пустой,
Но ввѣренъ отъ судьбы безсмертія защитѣ.
Не будь людей и не взыщите:
Я человѣкъ пустой!
Безъ слова гибелью по нивамъ разливаюсь
И пожираю въ мигъ несчастныхъ селъ запасъ;
При словѣ я равно стремглавъ распространяюсь,
И часто пагубнѣй сто разъ.

CXLVIII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Твой списокъ послужной и оды,
Хвостовъ! доказываютъ намъ,
Что ты на перекоръ природы
Причелся къ графамъ и пѣвцамъ.

2.

Зоилы береговъ Невы!
Достоинства отъ васъ Хвостову не убудетъ:
Онъ вамъ на зло и былъ, и есть, и будетъ
Эзопомъ съ ногъ до головы.

3.

Кутузовъ кураторъ,
Кутузовъ сенаторъ,
Кутузовъ поэтъ—
Вездѣ себѣ равенъ,
Вездѣ равно славенъ,
Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ:
Дурной онъ кураторъ,
Дурной онъ сенаторъ,
Дурной онъ поэтъ.

4.

Кутузовъ другомъ просвѣщенья
Въ листкахъ провозгласилъ себя.
О времена! о превращенья!
Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!

5.

Ага! плутовка мышь, попалась, нѣтъ снасенья!
Умри! ты грызть пришла здѣсь Дмитріева томъ,
Тогда какъ у меня валялись подъ столомъ
Хвостова сочиненья!

6.

Тирсисъ всегда вздыхаетъ,
Онъ безъ „увы“ строки не можетъ написать;
А тотъ, кому начнетъ Тирсисъ свой бредъ читать,
Сперва твердитъ „увы“, а послѣ.... засыпаетъ.

7.

Красавица она, я знаю, и поэтъ!
Но если разбираешь строго,
То видишь, что въ ея твореньяхъ красокъ нѣтъ,
А на лицѣ ихъ слишкомъ много.

8.

Смѣяться вы властны, но я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты — ворамъ.

9.

Россійскій Діогенъ лежитъ подъ сею кочкой;
Тотъ въ бочкѣ прожилъ вѣкъ, а нашъ свой прожилъ съ бочкой.

10.

Дамонъ хоть говоритъ прелестно,
Но все одно твердитъ Дамонъ
И наканунѣ ужъ извѣстно
Все то, что завтра скажетъ онъ.

11.

Ариста гробъ ты здѣсь прохожій видишь;
Не говори: Богъ съ нимъ! ты Бога тѣмъ обидишь.

12.

Легко быть можетъ правъ о смерти Флора слухъ,
Онъ такъ давно ужъ испускаетъ духъ.

13.

За Клима духовникъ нашъ адомъ
Дѣвицѣ бѣдной, мнѣ грозитъ;
Но ближнихъ онъ любить велитъ,
А Климъ—живетъ со мною рядомъ.

14.

Кто свяжется съ цирульникомъ Лукою,
Изъ подъ руки его не скоро тотъ уйдетъ:
Пока трудится онъ надъ правой стороною,
На лѣвой борода растетъ.

15.

Какъ Андромахи переводъ
Извѣстенъ сталъ у Стикскихъ водъ,
Такъ нашихъ дней Прадонъ прославился и въ адѣ;
Зачѣмъ писать ему? сказалъ Расинъ въ досадѣ:
Пускай бы онъ меня въ покоѣ оставлялъ,
Творенія съ женой другія-бъ издавалъ.
Жена же, та всегда, когда онъ къ ней подходитъ,
Жалѣетъ каждый разъ, что онъ не переводитъ.

CXLIX.

Къ ***.

Скажи, уже ль какъ на меня,
Ты и на всѣхъ равно глядѣла?
Въ глазахъ, исполненныхъ блестящаго огня,
Уже ль надежда не свѣтлѣла?

Уже ли всѣмъ внимала ты,
Какъ мнѣ, съ улыбкою участья,
Когда неслись въ умѣ игривыя мечты,
Подъ свѣтлымъ вдохновеньемъ счастья?

Когда насъ мчалъ веселья звукъ,
И станъ твой гибко извивался,
Уже ли въ трепетѣ твоихъ горящихъ рукъ
Не трепетъ сердца изъявлялся?

Разсѣй невѣдѣнья туманъ,
Меня сомнѣнья мучить станутъ,—
Иль нѣтъ, оставь ты мнѣ плѣнительный обманъ,
Когда я счастливо обманутъ.

CL

ВЪ АЛЬБОМЪ К. А. П. Т.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Иль пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей;
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

CLI.

КЪ С. Ѳ. БЕЗОБРАЗОВОЙ,

ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Что дѣлаетъ въ деревнѣ дальной
Совсѣмъ не сельская вдова?
Какія головы кружитъ въ глуши печальной,
Хоть можетъ быть и есть въ селеньи голова?
Гдѣ дворъ, блестящій дворъ вздыхателей любезныхъ,
Хоть дворня и полна дворовыхъ безполезныхъ
И крѣпостныхъ рабовъ, по милости судьбы,
Въ Россіи крѣпостной искать намъ не со свѣчкой!
Но добровольные рабы,
Которые гордясь цвѣточною уздечкой,
Накинутой на нихъ любовью съ красотой,
Предпочитаютъ плѣнъ и вольности самой...
Ихъ нѣтъ! Не красота душами тамъ владѣетъ:
Ея плохіе барыши!
И ловко взятки брать съ души
Одинъ подъячій даръ имѣетъ!
Какая ссылка для вдовы,
Которой вдовствовать совсѣмъ бы не у мѣста,
Для милой красоты, которая, какъ вы,
Вдова случайностью, но прелестью невѣста!
Какъ долженъ длиться скучный день!
Какъ медленно вертитъ бездѣйственная лѣнь
Колеса тяжкія часовъ однообразныхъ!

Тамъ скука мрачная, владычица дней праздныхъ,
На жизнь должна навесть безжизненную тѣнь
И на окрестность мракъ кладбища!
Есть книги—знаю я—уму, занятью пища;
Но книги, все одни бездушные листы!
Есть зеркало, послѣдняя отрада
Уединенной красоты;
Но въ немъ не вспыхнетъ жизнь отъ пламеннаго взгляда,
Какъ ни сиди предъ нимъ, не дашь ему ума,
А только влюбишься въ лицо свое сама.
Нужнѣе воздуха красавицѣ мужчины—
Желанье нравиться съ ней вмѣстѣ родилось;
Оно—вторая жизнь и нравственная ось,
На коей движутся всѣ женскія пружины.
Потомства женскаго отливъ и образецъ,
Прабабка Евва, намъ быть можетъ въ томъ порукой:
Въ раю,—ужъ кажется, въ раю ли знаться съ скукой?
Ей стало скучно подъ конецъ!
Явился змѣй! Подбитый Асмодѣемъ,
Онъ съ *яблочкомъ* умѣлъ къ ней *хитро подойти*
И на безлюдіи, чтобъ время провести,
Шутя, кокетствовать она пустилась съ змѣемъ.
Такихъ чудесъ не видимъ въ наши дни!
Въ нашъ бѣдный вѣкъ остепенились змѣи
И, позабывъ любовныя затѣи,
Не донъ-жуанствуютъ они!
Но яблока желудокъ женской
Переварить еще не могъ:
Красавицамъ оно на память и въ залогъ!
Что-жъ дѣлаетъ вдова, въ пустынѣ деревенской,
Гдѣ Еввы яблоко безсильно на умы,
Гдѣ съ первенствомъ никто не предпочелъ Киприды
И гдѣ уѣздные Париды,
Боясь красавицъ, какъ чумы,
Для яблокъ лучшаго не знаютъ назначенья,
Какъ въ прокъ солить ихъ для зимы?

Пора вамъ разорвать оковы заточенья
И бросить скучный плѣнъ, чтобы другихъ плѣнять.
Оставьте вы лѣса медвѣдямъ и сосѣдамъ,
Они ужъ свыклися; но вамъ тутъ не подъ стать!
Столица васъ зоветъ къ забавамъ и побѣдамъ,
И зовъ ея услышьте вы!
Любовь безъ васъ глядитъ сироткой средь Москвы,
Блестящій храмъ ея—заброшенная келья!
И пылкія веселья
Печально вдовствуютъ въ отсутствіи вдовы!

CLII.

ВЫХОДЪ ВЗДЫХАЛОВА.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть съ звенящимъ кошелькомъ
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
Прости, жестокая Аглая!
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ,
И вздохъ за вздохомъ, грудь вздымая,
Его перерываютъ гласъ.
Прости Макаровъ, другъ любимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый,
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословенье!
Кроплю васъ тихою слезой,
А прочной дружбы въ увѣренье
Кольнувъ булавкой палецъ свой,
Онъ по тафтицѣ пишетъ кровью:
„Дышу до гроба къ вамъ любовью,
„До гроба, или я не Стернъ
„Или по крайности не Вернъ“.
Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
Еще вздохнулъ—еще—и скрылся.

CLIII.

ПЕРВЫЙ ОТДЫХЪ ВЗДЫХАЛОВА.

Нѣтъ силъ! Странноприимны боги!
Я вамъ сейчасъ стишки скажу.
Едва мои виляютъ ноги,
Едва я посохъ свой держу,
И, уши опустя, *Бижу*
Со мною въ одинакой долѣ
Бѣжать уже не можетъ болѣ,
И отдыхъ въ пользу я читалъ,
Я три версты ужъ отпорхалъ.
Мнѣ право отдохнуть не стыдно,
Притомъ и подлинникъ мой видно
Стернъ точно также отдыхалъ!
И такъ, присяду здѣсь на лугѣ
И полюбуюсь на досугѣ
Я красотою здѣшнихъ мѣстъ.
Желудокъ между тѣмъ нескромный
Ему напоминаетъ томно,
Что Іорикъ ѣлъ, а онъ не ѣстъ.
И, кое-какъ собравшись съ силой,
Побрелъ онъ тихо и уныло
Къ избушкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ,
Ему мелькающей въ кустахъ.
И силится въ умѣ усталомъ,
Свершая медленно свой путь,

Хотя экспромптомъ — мадригаломъ
Спросить поѣсть чего-нибудь,
Чтобъ жизнь придать натурѣ тощей,
Иль заморить, сказавши проще,
Въ пустомъ желудкѣ червяка.
Онъ весь въ экспромптѣ былъ. Пока
Къ нему на встрѣчу изъ лачужки
Выходитъ баба, ожилъ онъ!
На милый идеалъ пастушки
Лорнетъ наводитъ селадонъ,
Платокъ свой алый расправляетъ,
Вздыхаетъ разъ, вздыхаетъ два
И къ ней, кобенясь, обращаетъ
Онъ слѣдующія слова:
„Привѣтствую мольбой стократной
„Тебею здѣшней стороны!
„Твой обѣщаетъ взоръ пріятной
„Гостепріимство старины.
„Въ рукѣ твоей, съ нагорнымъ снѣгомъ,
„Съ лилеей равной бѣлизны,
„Я, утомленный дальнимъ бѣгомъ,
„Пріемлю радостей залогъ;
„Я истощился, изнемогъ.
„Какъ подходя къ рѣчному устью,
„Томимый зноемъ пилигримъ,
„Не вѣритъ и глазамъ своимъ,
„Такъ я, и голодомъ и грустью
„Томимый, подхожу къ тебѣ.
„Внемли страдальческой мольбѣ,
„Какъ внемлешь ты сердечной клятвѣ,
„Когда твой юный другъ на жатвѣ
„Любить тебя клянется вновь!
„Клянусь: и я любить умѣю,
„Но на тощакъ, что́ за любовь?
„Май щедрый пѣстуетъ лилею
„И кормитъ бабочекъ семью,

„Ты призри бабочку свою!
„Молю Цереру-Киѳерею:
„Моимъ будь щедрымъ Маемъ ты,
„Не Декабремъ скупымъ и льдистымъ!
„И съ сердцемъ и желудкомъ чистымъ
„Стою предъ взоромъ красоты.
„Немного мнѣ для пищи нужно:
„Я изъ числа эѳирныхъ лицъ.
„Ты снисходительно и дружно
„Изжарь мнѣ пару голубицъ,
„Однѣхъ примѣтъ съ тобой и масти;
„Да канареичныхъ яицъ
„Мнѣ въ смятку изготовь отчасти;
„И каплей, въ честь твоей красѣ,
„Запью чувствительнаго спирта,
„Настойки въ утренней росѣ,
„Изъ глазъ Анютиныхъ и Мирта".
Но между тѣмъ какъ стихъ къ стиху,
Въ жару голоднаго запала,
Онъ подбиралъ, какъ шелуху,
Или у Музы на духу
Грѣхи для нѣжнаго журнала,
Иль, нашему герою въ ладъ,
Я подобрать въ сравненье радъ
Еще вѣрнѣе рукодѣлье,—
Какъ буску къ бускѣ въ ожерелье,
Иль легкій пухъ на марабу,
Который вѣтерокъ цѣлуетъ,
Колыша на дѣвичьемъ лбу—
Онъ и не видитъ и не чуетъ,
Что передъ нимъ нѣтъ никого,
И что Гебея тихомолкомъ
Не понимая рѣчи толкомъ,
Въ избу укрылась отъ него.
Онъ, съ воркованьемъ и привѣтомъ,
Стучалъ напрасно въ ворота:

Ему мяуканье отвѣтомъ
Въ окно смотрящаго кота.
Такой пріемъ ему не новость:
У журналистовъ онъ не разъ
Людей испытывалъ суровость,
Когда носилъ имъ на показъ
Экспромптовъ дюжинный запасъ.
И что-жъ? Читалъ себѣ и Музѣ
На запертыхъ дверяхъ отказъ!
Съ смиренной мудростью въ союзѣ,
И бѣдъ и опытовъ сестрой,
Онъ и теперь прямой герой!
Судьбѣ властительной послушно,
Онъ съѣлъ свой грибъ великодушно
И молча на Бижу взглянулъ.
То-есть, вѣдь рѣчью фигуральной
Я здѣсь про грибъ упомянулъ,
А то, въ судьбѣ своей печальной,
И за единый грибъ буквальной
Поэтъ бы съ радости вспрыгнулъ.
И отъ избы безчеловѣчной,
Гдѣ онъ Баввиды не нашелъ,
Съ тоской и пустотой сердечной,
Онъ прочь задумчиво побрелъ;
Шатался, медленно кружился
И на-земь тихо повалился,
Какъ жидкая подъ вѣтромъ ель;
И тутъ, по волѣ и неволѣ,
Перебирая травку въ полѣ,
Съ разглядкой сталъ щипать щавель.

CLIV.

ЮПИТЕРЪ, ФЕБЪ И МОМЪ.

Давно у насъ пословица твердится,
Что дѣло мастера боится.
Я басенкой хочу напомнить вамъ о томъ.
Отецъ всѣхъ стиходѣевъ въ свѣтѣ,
Кудрявый Фебъ слыветъ въ божественномъ совѣтѣ
Отличнѣйшимъ изъ всѣхъ боговъ пѣвцомъ.
Но какъ-то Зевсъ, съ рожденія хвастливый,
Однажды вздумалъ горделиво,
Что лучше онъ споетъ—и вызвалъ Феба въ бой.
— Увидимъ, онъ сказалъ, надъ чьей главой счастливой
Возвысится вѣнецъ!—Момъ избранъ судіей,
И, выслушавъ ихъ терпѣливо,
Короткій судъ даетъ,
Пускай Зевесъ гремитъ, а Аполлонъ поетъ!
Смыслъ басни справедливъ и вопреки ни слова;
Но посмѣявшися, друзья, на Зевсовъ счетъ,
Не представляю-ль вамъ Зевеса я другаго,
Пускаясь въ мастерство Крылова.

CLV.

ОТЛОЖЕННЫЯ ПОХОРОНЫ.

Холодный сонъ моей души
Съ сномъ вѣчности меня сближаетъ:
Въ древесной сумрачной тиши
Меня могила ожидаетъ.
Амуры! нынѣ вечеркомъ
Землѣ меня предайте вы тайкомъ!

Къ чему обряды похоронъ?
Жрецовъ служенье предъ народомъ?
Но къ Граціямъ мнѣ на поклонъ
Позвольте сбѣгать мимоходомъ.
Малютки! къ нимъ хочу зайти,
Чтобъ имъ сказать послѣднее *прости*.

О какъ я васъ благодарю!
Очаровательная радость!
Передъ собой въ восторгѣ зрю
Стыдливость, красоту и младость!
Теперь, малютки, спора нѣтъ,
Отъ глазъ сокройте дневный свѣтъ,

Попарно съ факеломъ въ рукѣ
Ступайте, я иду за вами!
Но отдохните въ цвѣтникѣ:
Пусть полюбуюсь я цвѣтами!

Амуры! съ Флорой молодой
Проститься мнѣ въ часъ должно смертный свой.
Вотъ здѣсь, подъ тѣнью липъ густыхъ,
Приляжемъ, шуму водъ внимая;
Въ знакъ горести на вѣтвяхъ ихъ
Виситъ моя свирѣль простая.
Малютки! съ Фебомъ кстати я
Въ послѣдній разъ прощусь здѣсь у ручья.

Теперь пойдемъ! Но на бѣду
Друзей здѣсь застаю пирушку:
Къ устамъ моимъ въ хмѣльномъ чаду
Подносятъ дѣдовскую кружку.
Хоть радъ, хоть нѣтъ, но должно пить.
Малютки! мнѣ друзей грѣшно сердить!

Я поклялся оставить свѣтъ,
И помню клятву неизмѣнну;
Но къ вамъ довѣренности нѣтъ,
Вы населяете вселенну.
Малютки! вашимъ-ли рукамъ
На упокой пустить меня къ тѣнямъ?

Вооружите вы меня,—
И къ мрачному за Стиксомъ краю
Отправлюсь самъ безъ страха я.
Но что, безумный, я вѣщаю?
Малютки! въ свѣтѣ жить безъ васъ —
Не таже-ль смерть и смерть скучнѣй въ сто разъ?

Но дайте слово напередъ
Не отягчать меня гробницей,
Пусть на землѣ моей цвѣтетъ
Кустъ розъ, взлелѣянный денницей!
Тогда, Амуры! я безъ слезъ
Пойду на смерть подъ тѣнь душистыхъ розъ.

Постойте! здѣсь глядитъ луна,
Зефиръ цвѣты едва цѣлуетъ,
Миртъ дремлетъ, чуть журчитъ волна,
И горлица любовь воркуетъ.
Амуры! здѣсь, на сторонѣ,
Покойный одръ вы изготовьте мнѣ!

Но дайте вспомнить! Такъ, бѣда!
Назадъ воротимся къ Цитерѣ.
Въ умѣ ли былъ своемъ тогда?
Забылъ сказаться я Венерѣ.
Амуры! къ маменькѣ своей,
Прошу, меня сведите поскорѣй.

Смерть не уйдетъ, напрасенъ страхъ!
А можетъ быть Венера взоры,
Съ широкой чашей пьяный Вакхъ,
Цѣвница Феба, розы Флоры,
Амуры! смерть велятъ забыть
И съ вами вновь, мои малютки, жить.

CLVI.

ДАРЪ ВСЕ ДѢЛАТЬ НЕ ВЪ ПОПАДЪ.

(Изъ Рювьера).

Кому изъ васъ, друзья мои,
Еще отъ дѣтства неизвѣстно,
Какъ въ оные волшебны дни
Кипридѣ поясъ данъ чудесный.
Но не равно извѣстно всѣмъ,
Какъ своенравною судьбою
Супругъ ея былъ между тѣмъ
Наградой надѣленъ иною:
Тяжелой и большой сумою,
Несчастнымъ выродкомъ всѣхъ сумъ,
Куда, наполнивъ на-обумъ,
Цари Олимпа накидали
Познанія, веселость, умъ,
И на смѣхъ все перемѣшали
Одно съ другимъ и къ верху дномъ!
Къ нимъ въ слѣдъ забросили потомъ:
Услужливость и торопливость,
Которыя въ глаза глядятъ,
Толкуютъ вашу молчаливость,
Пыхтятъ, вертятся и спѣшатъ,
Чтобъ ничего не кончить въ пору
И запоздать на торопяхъ,

Несправедливую укору,
Съ обидой горькой на устахъ,
Смѣхъ глупости, смѣхъ принужденья,
Холодныхъ наставленій спѣсь,
Полу-догадки, подозрѣнья,
Обиняковъ лукавыхъ смѣсь,
И оправданія дурныя,
Во слѣдъ намѣреньямъ благимъ,
И предисловія большія
Къ дѣяньямъ мелкимъ и пустымъ.
Но изъ даровъ сумы просторной,
Важнѣйшій даръ, изъ всѣхъ отборный,
По всѣмъ примѣтамъ и правамъ,
Всегда, вездѣ несносный намъ,
Который отравляетъ радость,
Разочаровываетъ младость,
И прелесть безобразить радъ—
Есть даръ—все дѣлать не въ попадъ.
Однажды въ небесахъ гуляя,
Вулканъ, неловко припадая,
Споткнулся какъ-то и упалъ;
Разсыпался съ несчастнымъ кладомъ
И многихъ съ головы до ногъ
Дарами заметалъ какъ градомъ.
Мнѣ по-именно ихъ назвать
Теперь въ стихахъ неосторожно;
Но вамъ самимъ легко ихъ можно
Въ гостинныхъ барскихъ распознать.

CLVII

ПѢСНЯ.

На высотѣ надменныхъ скалъ,
Увѣнчанныхъ зимою вѣчной,
Любовью я къ тебѣ пылалъ,
О другъ сердечный!

Безмолвный оглашаютъ край
Звонки бродящихъ стадъ въ долинѣ;
Пою при нихъ: меня въ пустынѣ
Не забывай!

Орелъ полночный здѣсь въ горахъ
Металъ побѣдные перуны,
А я изображу въ снѣгахъ
Твой образъ юный!

Нѣтъ! не заманчивъ славы рай
Тому, въ комъ разъ хоть сердце побѣдило:
Одна мольба—меня, другъ милый,
Не забывай!

Какое счастье быть твоимъ,
Соединясь рука съ рукою,
Съ тобой подъ кровомъ жить однимъ,
Одной душою.

Тогда, достигнувъ счастья край,
Храня близъ сердца все, что мило,
Не буду повторять уныло:
Не забывай!

CLVIII

ДА, КАКЪ БЫ НЕ ТАКЪ.

Пока нашъ умъ молокососъ
И жизнь поитъ насъ полной чашей, —
Судьба на каждый нашъ вопросъ
Намъ говоритъ: все въ волѣ вашей!
Когда-жъ сосудъ ужъ поизсякъ,
А сердце пить еще все хочетъ,
Что ни спроси, судьба бормочетъ:
„Да, какъ бы не такъ!“

Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!
Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числитъ,
И о нуждающемся онъ
Безъ слезъ и сонный не помыслитъ
А попроси въ займы пятакъ,
Или услуги на два гроша,
Что-жъ, радъ себя отдать святоша?
„Да, какъ бы не такъ!“

Женился старый нашъ маіоръ,
Маіорша въ три раза моложе;
Онъ на замокъ и домъ и дворъ
И самъ безсмѣнно на сторожѣ.
Ужъ вотъ благочестивый бракъ!
— „Есть дѣти?“ — „Трое!“ — Что-жъ, умора:
Всѣ такъ и вылиты въ маіора?
„Да, какъ бы не такъ?“

У дружбы есть двойчатка лесть;
Онѣ съ лица отчасти схожи,
Съ одной знакомство трудно свесть,
Съ другою знаются вельможи,
Какъ разъ жди съ нею сѣсть въ просакъ.
Что-жъ, какъ разнюхаютъ сударку,
Ее по шеѣ да въ припарку....
„Да, какъ бы не такъ!“

Секретъ подписокъ и программъ
Есть высшій взглядъ литературы;
Всѣ деньги прибери къ рукамъ. —
А публика? — жди корректуры.
Когда народъ нашъ былъ простакъ,
Честь авторства цѣнилась строже.
Честь денегъ каждому дороже? —
„Да, какъ бы не такъ“.

Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хорошъ!
Какъ при свѣчахъ всѣ люди гладки!
Нигдѣ пятна не разберешь,
Нѣтъ ни морщинки, ни заплатки.
Вездѣ улыбка, блескъ и лакъ;
Погасъ фонарь — и дня свѣтило....
— „Блаженства новыя раскрыло?“
„Да, какъ бы не такъ!“

Я зналъ Ѳаддѣя Полякомъ
И Русскимъ я знавалъ Ѳаддѣя.
Что-жъ, онъ родился двойникомъ
Иль у него двойная шея?
Рѣшись: будь Русскій иль Полякъ!
И объясни свою намъ повѣсть.
Вѣдь у тебя должна-жъ быть совѣсть?...
„Да, какъ бы не такъ?“

———

CLIX.

СРАВНЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА СЪ МОСКВОЙ *).

*) Шуточное стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ никогда не предназначалось для печати и въ оставленныхъ покойнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ сборникахъ и прочихъ бумагахъ не сохранилось.

1823 г.

CLX.

МУДРОСТЬ.

(Басня).

Когда безсмертные пернатыхъ разобрали,
Юпитеръ взялъ орла, Венерѣ горлицъ дали,
А бдительный пѣтухъ былъ Мудрости удѣлъ,
Но бдительность его осталась безъ удачи.

Нашли, что онъ имѣлъ не кстати нравъ горячій,
Что неуступчивъ онъ, крикливъ и слишкомъ смѣлъ,
А пуще на него всѣ жаловались боги,
Что самъ онъ малость спитъ и спать имъ не даетъ.

Минервѣ отъ отца указъ объявленъ строгій,
Что должность пѣтуха сова при ней займетъ.
Что жь можно заключить изъ этой были-сказки?
Что мудрецу вѣрнѣй быть мудрымъ безъ огласки.

CLXI.

ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ,

приславшему мнѣ свои сочиненія.

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона,
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,
И въ сердцѣ пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,
Поэзіи твоей плѣнительные звуки,
Раздавшись, дозвались отвѣта бытія:
Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь издержка дней и съ временемъ разсчетъ,
Гдѣ равнодушіе, какъ все мертвящій ледъ,
Сжимаетъ и тѣснитъ къ изящному усилья —
Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?
Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ,
Безъ поощренья спитъ отвага пылкихъ думъ.
Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,
Но чувства языкомъ, иль, лучше, самымъ чувствомъ.
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло!
Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.
Поэзія въ иномъ слѣпое рукодѣлье:
На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье;

Онъ пишетъ оттого, что чешется рука;
Восторга своего онъ ждетъ не съ высока,
За вдохновеніемъ является къ вельможѣ,
И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей.
Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ;
Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ краснощекой,
Блѣднѣетъ на стихахъ въ элегіи: *Къ жестокой*!
Кривляется безъ слезъ, вздыхаетъ не впопадъ,
И чувства по рукамъ сбираетъ на прокатъ;
Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ,
И *вѣрно съ подлинникомъ* груститъ и умираетъ.
Такой уловки я отъ неба не спискалъ:
Поется мнѣ, пою,—вотъ что поэтъ сказалъ,
И вотъ піитикъ всѣхъ первѣйшее условье!
Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,
Фирсъ любитъ трудности упрямствомъ побѣждать,
И, вопреки себѣ, а намъ на зло—писать.
Зачѣмъ же нѣтъ? Легко идетъ въ единоборство
Съ упорствомъ ревмачей читателей упорство.
Что не читается? Пусть именной указъ
Къ печати глупостямъ путь заградитъ у насъ.
Бурунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной,
И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.
Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ —
Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ
Не можетъ напастись на нихъ своимъ товаромъ:
Иной божиться радъ, что Мевій пишетъ съ жаромъ.
Въ жару? согласенъ я, но этотъ лютый жаръ—
Болѣзнь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.
Еще могу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,
Кумира своего жрецамъ низкопоклоннымъ,
Для коихъ таинствомъ есть всякая печать
И вольнодумецъ тотъ, кто смѣетъ разсуждать;
Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ спѣсивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,

Которыхъ всѣ права—надменность, пренья шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ!
Въ слѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной
За карточнымъ столомъ, иль кулебякой жирной,
Вѣнчаетъ на-обумъ и на-обумъ казнитъ;
Ихъ осужденье—честь, рукоплесканье—стыдъ.
Бѣда тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,
Предубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,
Встревожить невзначай ихъ раболѣпный сонъ,
И смѣло вслухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!
Труды писателей, наставниковъ отчизны,
На нихъ, на ихъ дѣла живыя укоризны;
Имъ не по росту быть вмѣняется въ вину,
И жалуютъ они посредственность одну.
За то какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зерцаломъ?
Тотъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью, сей журналомъ,
Въ которомъ, сторожъ тьмы, взялся онъ на подрядъ,
Гдѣ-бъ мысль ни вспыхнула иль слава, бить въ набатъ.
Подъ сѣнью мрачною сего ареопага
Родится и растетъ марателей отвага,
Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,
И на одинъ талантъ мы сто вралей сочтемъ.
Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый толкъ постигли,
Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!
Но истины языкъ не внятенъ для ушей:
Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.
Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій!
Онъ въ людяхъ славенъ сталъ числомъ своихъ безславій
Но, счастливый слѣпецъ, онъ всѣ ихъ перенесъ:
Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше вздернетъ носъ.
Что́ для иного трудъ, то для него есть шутка.
Отвергнувъ правилъ цѣпь, сложивъ ярмо разсудка,
Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ границъ.
Да развѣ онъ одинъ? Нѣтъ много сходныхъ лицъ
Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его представилъ,
И подлинниковъ рядъ еще большой оставилъ,

CLXII.

ЗАМѢТКИ.

1.

При старости, откланявшись веселью,
Подъ кровъ святой Киприда скрылась въ келью,
Чтобъ замолить грѣхи протекшихъ дней.
Имѣнье все, что́ было здѣсь за ней,
Тебѣ и мнѣ богиня удѣлила:
Печать суда намъ данную скрѣпила
И маклеръ нашъ былъ сынъ ея большой;
Но знать его ты тайно подкупила,
Иль для тебя онъ самъ кривнулъ душой:
Мой жребій палъ на терніи да слезы.

2.

Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Пещера тьмы, унынья и молчанья.
Узрѣлъ его художникъ молодой,
Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ
Сломалъ рядъ стѣнъ, ужъ временемъ подрытыхъ,
И чародѣй, волшебною рукой
На грудѣ ихъ, изъ ихъ развалинъ новый
Воздвигъ чертогъ. Искусство, простота,
Красивость, вкусъ, отдѣлки чистота
Дивятъ умы, и зодчій.... Но суровый
Законъ судьбы исполненъ и надъ нимъ;
Такъ рѣшено: на всѣхъ не угодимъ, —
И зодчій нашъ причастный вѣчной славѣ

CLXIII.

ВСЯКІЙ НА СВОЙ ПОКРОЙ.

Портныхъ у насъ въ столицѣ много;
Всѣ модѣ слѣдуютъ одной:
Шьютъ ровной, кажется, иглой,
Но видишь, всматриваясь строго,
Что каждый шьетъ на свой покрой.

Портными насъ всѣхъ можно счислить:
Покрой у каждаго есть свой,
И тотъ, кто мастеръ самъ плохой,
Другихъ принудить хочетъ мыслить
И поступать на свой покрой.

Дай Богъ покойнику здоровье!
Вольтеръ чудесный былъ портной:
Въ стихахъ, въ записочкѣ простой,
Въ исторьи, въ сказкахъ, въ баснословьѣ,—
Вездѣ найдешь его покрой.

Уча насъ комикъ забавляетъ:
Денисъ тому примѣръ живой;
Но Вралкинъ самъ себѣ большой,
И на смѣхъ прочимъ одѣваетъ
Онъ Талію на свой покрой.

Старикъ Θедулъ, мужъ правилъ строгихъ,
Быть хочетъ въ домѣ головой;
Жена предъ нимъ равна съ травой;
Но головѣ, не хуже многихъ,
Наряды шьетъ на свой покрой.

Языкъ нашъ былъ кафтанъ тяжелый,
И слишкомъ пахнулъ стариной:
Далъ *Карамзинъ* покрой иной.
Пускай ворчатъ себѣ расколы!
Всѣ приняли его покрой.

Пускай Баллады—бабьи сказки,
Пусть чортъ качаетъ въ нихъ горой,
Но въ нихъ я вижу слогъ живой,
Воображенье, чувство, краски, —
Люблю Жуковскаго покрой!

Пусть мнѣ дурачество съ любовью
Дурацкой шьютъ колпакъ порой,
Лишь Паркъ бы только причетъ злой
Не торопился по условью
Убрать меня на свой покрой!

CLXIV.

КЪ ПОРТРЕТУ БОЛТУНА.

Какъ сходенъ сей портретъ! въ немъ жизнь и пламень чувства,
Онъ дышетъ, кажется, онъ мыслитъ, онъ глядитъ.
Одна бѣда — не говоритъ.
Какъ счастливо, что есть граница для искусства!

CLXV.

КЪ ПОРТРЕТУ МОЛЧАЛИВАГО.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство:
Вотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ, —
Ну только что̀ не говоритъ.
И тѣмъ живѣе сходство.

CLXVI.

ЦВѢТЫ.

Спѣшите въ мой прохладный садъ,
Поклонники прелестной Флоры!
Здѣсь всюду манитъ ваши взоры
Ея блистающій нарядъ.

Спѣшите красною весной
Набрать цвѣтовъ какъ можно болѣ:
Усѣй цвѣтами жизни поле!
Вотъ мудрости совѣтъ благой.

По вкусамъ, лицамъ и годамъ
Цвѣты въ саду своемъ имѣю:
Невинности даю лилею,
Макъ сонный приторнымъ мужьямъ,

Душистый ландышъ полевой
Друзьямъ смиреннымъ Лизы бѣдной,
Нарцисъ несчастливый и блѣдной
Красавцамъ, занятымъ собой;

Въ тѣни фіалка притаясь,
Зоветъ къ себѣ талантъ безвѣстный;
Любовникъ встрѣтитъ миртъ прелестный,
Спѣсь барскую надутый князь.

Дарю иную госпожу
Пучкомъ увядшихъ пустоцвѣтовъ,
Думаномъ многихъ изъ поэтовъ,
А божьимъ деревомъ ханжу.

Къ льстецамъ, прислужникамъ Двора,
Несу подсолнечникъ съ поклономъ;
Къ временщику иду съ піономъ,
Который былъ въ цвѣту вчера;

Злыхъ вѣстовщицъ и болтуновъ
Я колокольчикомъ встрѣчаю;
Въ тѣни отъ взоровъ сокрываю
Для милой розу безъ шиповъ.

CLXVII.

ЭПИГРАММА.

Одинъ Фаонъ, Лезбосская пѣвица,
Тебѣ враждой путь къ морю проложилъ;
Другой Фаонъ, по смерти твой убійца,
Тебя въ стихахъ водяныхъ потопилъ.

CLXVIII.

ОСЕЛЪ И БЫКЪ.

Смотря, какъ на рѣку быковъ хозяинъ велъ,
„Чѣмъ хуже я быковъ?“ вскричалъ въ сердцахъ Оселъ:
„Меня онъ только бьетъ, ихъ жалуетъ и холитъ.
— „Оселъ!“ тутъ Быкъ прервалъ: „въ накладъ намъ эта честь;
„Хозяинъ, холя насъ, не намъ — себѣ мирволитъ:
„Онъ водитъ къ пойлу насъ, чтобъ послѣ въ бойню свесть“.

CLXIX.

ЛОГОГРИФЪ.

Одиннадцать во мнѣ сочтете ногъ;
А если вы меня на части разобьете,
То многое во мнѣ сыскать поможетъ Богъ.
Во-первыхъ, вы во мнѣ найдете
То, что вы въ зеркалѣ увидите своемъ;
Что въ васъ такъ хорошо и мило,
А часто, часто такъ постыло
Или въ иной или въ иномъ.
Найдете вы и то, что встрѣтишь въ драмѣ каждой.
И то, что можетъ утолять
Тоску мучителей, томимыхъ вѣчной жаждой,
Меня до капли осушать;
Найдете ягоду, которая ротъ вяжетъ,
И тутъ же красоту, покинувшую свѣтъ,
Которую связалъ святой обѣтъ.
Догадка вамъ еще на жертву здѣсь укажетъ,—
На жертву славную въ исторіи страстей;
Потомству дальнему она легко докажетъ,
На зло всѣхъ толковъ и рѣчей,
Что женщина любить умѣетъ,
Когда рехнется разумъ въ ней.
Найдете разныхъ здѣсь владыкъ и королей;
Союзъ мѣстечко здѣсь имѣетъ,

А если одного вамъ мало, то додамъ
Охотно и другой, и третій.
Свѣтило будущихъ столѣтій,
Вольтеръ трагедію здѣсь завѣщаетъ намъ,
Таланта славнаго прощальные обноски.
Отыщемъ слѣдъ и Русской тёски
Его трагедіи, когда угодно вамъ.
Довольно, кажется! Къ концу я приступаю,
И части разныя я въ цѣлое сложу.
Я вещь и всѣмъ равно нужна бываю,
И на одинъ конецъ у всѣхъ равно служу;
Но разное у всѣхъ имѣю назначенье,
Иль разнымъ слѣдствіямъ бываю я виной.
Вы призадумались: вотъ тайны изъясненье
И вы меня легко дотронетесь рукой.
Расину, напримѣръ, я къ славѣ послужила,
А злому критику бываю я во вредъ;
Инымъ я блескъ дала, другихъ я очернила;
Во мнѣ таится мракъ, во мнѣ таится свѣтъ.
Сосудъ цѣлебный я, или сосудъ отравы,
Равно источникъ я безславья или славы.
Во мнѣ что вздумаетъ, то черпаетъ народъ:
Законодатель — приговоры;
Любовникъ — нѣжности, ревнивый другъ — укоры;
Поэтъ, любимецъ Музъ, тотъ вкусный, сладкій сотъ,
Изъ коего въ стихахъ свой составляетъ медъ;
Писатель скучныхъ драмъ — тотъ элексиръ снотворный,
Которымъ усыплять онъ публику привыкъ;
Льстецъ — расписную ложь, *Вздорыкинъ*-оды вздорны,
На честность пасквили — безстыдный клеветникъ;
Политикъ — свой трактатъ, торговля — свой тарифъ,
А стихотворецъ вамъ покорный
Свой безконечный логогрифъ.

CLXX.

КЪ ПАРТИЗАНУ—ПОЭТУ.

Анакреонъ подъ доломаномъ,
Поэтъ, рубака, весельчакъ!
Ты съ лирой, саблей иль стаканомъ
Равно не попадешь въ просакъ.
Носи любви и Марсу дани!
Со славой крѣпокъ твой союзъ,
Въ день брани—ты любитель брани!
Въ день мира—ты любимецъ Музъ!
Душа, двойнымъ огнемъ согрѣта,
Въ тебѣ не можетъ охладѣть:
На пламенной груди поэта
Георгія пріятно зрѣть.
Воинскимъ соблазнясь примѣромъ,
Когда-бъ Парнасъ давалъ кресты,
И Аполлона кавалеромъ
Давно, конечно, былъ бы ты.

CLXXI.

ГУСЬ.

(Басня).

Въ каштанахъ по уши, у барина въ дому
Гусь жирный хвастался судьбой предъ уткой дикой;
Онъ знаки щедростей, оказанныхъ ему,
Считалъ своихъ заслугъ наградой и отликой.
„И жалко, и смѣшно смотрѣть на эту спѣсь“,
Дикарки былъ отвѣтъ: „тутъ есть ошибка въ счетѣ;
Живемъ мы про себя, вы про другихъ живете;
Мы кормимся, а васъ откармливаютъ здѣсь“.

CLXXII.

ВИТЯЗЬ.

„Младой мой витязь, отдохни,
Сложи свой шлемъ тяжелый,
И старину воспомяни
Намъ въ повѣсти веселой!“
— Дѣвица, радъ бы всей душой,
Но я другой не знаю были,
Какъ ту, что сердцу натвердили
Любовь несчастная съ тоской.
„Какъ, добрый витязь, съ юныхъ поръ
Ты горесть жизни знаешь?
Почто-жъ младой царевны дворъ
Блестящій покидаешь?“
— Ахъ, отъ нея и слезы лью:
Дерзнулъ пылать къ ней чувствомъ страсти,
И красотѣ ея, и власти
Въ душѣ моей не измѣню.
Царевичъ ей у алтаря
Поклялся клятвой вѣчной;
Надеждою покинутъ я,
Но не тоской сердечной.
Несу булатное копье
Противъ враговъ, грозящихъ бранью;
Пусть смерть моя ей будетъ данью,
Когда живу не для нее!

CLXXIII.

ЭПИГРАММА.

1.

Критонъ, услужливый въ душѣ,
Въ комедіи своей изъ трехъ два акта сбавилъ:
Конечно, онъ и зритель въ барышѣ,
Но какъ-то онъ все лишній актъ оставилъ.

2.

Ты говоришь, что мучусь надъ стихомъ,
Что не пишу его, а сочиняю:
Въ твоихъ стихахъ труда не примѣчаю,
Но ихъ за то читаю я съ трудомъ.

CLXXIV.

КЪ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ КНЯЖНИНУ.

Почтенный инвалидъ въ служеніи Беллонѣ,
И добрый офицеръ въ почетномъ батальонѣ,
Въ которомъ твой отецъ — *отецъ и командиръ!*
Прими риѳмъ нѣсколько при дружескомъ поклонѣ
И выслушай меня! Парнасскій бригадиръ,
Случайно къ коему Нѣмецкій *фонъ* прикованъ,
Которымъ *Недоросль* къ безсмертью завербованъ,
Съ поэтомъ *Хвастуна* былъ въ дружеской связи,
Безъ зависти они соперничество знали;
Срывая за одно цвѣты съ одной стези,
Другъ друга терніемъ они не раздирали;
Кололись изрѣдка, но нѣжно и шутя
И безъ злопамятства, какъ съ сверстникомъ дитя.
Изящный образецъ возвышенныхъ талантовъ!
Сближаетъ слава ихъ на высотѣ честей,
Тогда какъ въ ихъ ногахъ ватага риѳмачей
И несговорчивыхъ педантовъ
Колотится за лавръ... который не для нихъ.
Я помню, какъ любилъ въ пріятныхъ ты разсказахъ
Живописать уму покойниковъ живыхъ;
Твердилъ объ ихъ трудахъ, житьи-бытьи, проказахъ
И мнѣ передавалъ преданья старины

CLXXV.

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ
Иль безпорядкомъ—все-равно:
На свѣтѣ, въ этомъ зданьѣ шаткомъ—
Жить смирно значитъ жить умно.
Устройся ты, какъ можно тише,
Чтобъ зависти не разбудить;
Безъ нужды не взбирайся выше,
Чтобъ послѣ шеи не сломить.

Пусть будутъ во владѣньѣ скромномъ
Цвѣтникъ, при ручейкѣ древа;
Алтарь любви въ предѣлѣ темномъ;
Для дружбы стулъ, а много два;
За трапезой хлѣбъ-соль простая,
Съ приправой ласкъ младой жены;
Въ подвалѣ гость съ холмовъ Токая,
Душистый вѣстникъ старины.

Двѣ, три картины не на славу;
Пріютъ мечтанью—камелёкъ
И про домашнюю забаву,
Непозолоченный гудокъ.

Книгъ дюжина—хоть не въ сафьянѣ,
Не рукъ, разсудка торжество,
И деньга лишняя въ карманѣ
Про нищету и сиротство.

Вотъ все, чего бы въ скромну хату
Отъ неба я просить дерзалъ;
Тогда-бъ къ хранителю-Пенату
Съ такой молитвою предсталъ:
„Я не прошу о благѣ новомъ;
„Мое мнѣ только сохрани,
„И отъ злословца будь покровомъ,
„И отъ глупца оборони“.

CLXXVI.

КАПЛЯ.

Съ лазурныхъ нивъ упала капля въ море.
Къ кому пристать? сиротѣ бѣдной горе!
Но на нее взглянулъ дня свѣтлый богъ
И взглядъ его былъ ей надеждъ залогъ,
Ее сокрылъ онъ въ раковинѣ скудной
И съ каплею свершился жребій чудный:
Богатый перлъ, дождавшись лучшихъ дней,
Блеститъ она въ вѣнцѣ Царя-царей!
Умѣй терпѣть! Придетъ награды время:
Въ смиреніи величья зрѣетъ сѣмя.

CLXXVII.

ЯЗЫКЪ И ЗУБЫ.

Одинъ султанъ пенялъ сѣдому визирю,
Что твердой стойкости онъ не имѣлъ во нравѣ.
За недостатокъ сей судьбу благодарю,
Имъ удержался я и въ почести и въ славѣ,
Сказалъ визирь ему, и при дворѣ твоемъ
Средь частыхъ перемѣнъ онъ былъ моимъ щитомъ.
Мнѣ шестьдесятъ-пять лѣтъ, прибавилъ онъ съ улыбкой,
Изъ твердыхъ тѣхъ зубовъ, которые имѣлъ,
Ты видишь рѣдкій уцѣлѣлъ.
Но всѣ ихъ пережилъ одинъ языкъ мой гибкой.

CLXXVIII.

КЪ СПЯЩЕМУ АМУРУ.

Спи, милое дитя! твой видъ, какъ утро, ясенъ;
Невинность на челѣ покоится твоемъ;
Хотѣлобъ сердце жить ввѣкъ при тебѣ одномъ,
Но разумъ говоритъ, что пробудъ твой опасенъ.

CLXXIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ

(изъ Байрона).

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ
Вниманье путника невольно пробуждаетъ,
Пускай въ твоихъ листахъ объ имени моемъ
Мой сѣтующій стихъ тебѣ напоминаетъ;
Пусть скажетъ: брошенный на произволъ судьбѣ,
Подъ дальнимъ небомъ зритъ онъ чуждое свѣтило,
Но все, что жизнью сердца было;
И сердце самое оставилъ при тебѣ.

CLXXX.

КЪ ВОСПОМИНАНІЮ.

Прошедшаго привѣтъ, воспоминанье!
Отрадой сердце посѣти!
Ты замѣни остылое желанье;
Будь мнѣ подпорой на пути.

Таинственно, въ тиши краснорѣчивой
Бесѣдуй съ жадною душой:
Грядущаго умолкнулъ голосъ льстивой, —
Надежды нѣмы предо мной!

Я отжилъ вѣкъ волшебныхъ упоеній,
Загадку жизни разгадалъ,
И осушилъ источникъ наслажденій,
Завѣсу тайны разодралъ!

Я даль проникъ, и путь уединенный
Глазами опыта прозрѣлъ,
И свѣтлый міръ, мечтами населенный,
Въ глазахъ померкъ и опустѣлъ.

Но ты приди! бесѣдою твоею,
Воскреснутъ дней протекшихъ сны,
Я при тебѣ душой помолодѣю,
Привѣтъ услыша старины.

CLXXXI.

МАДРИГАЛЪ

(Къ двумъ красавицамъ, матери и дочери).

О вы, которыя гордитесь красотою,
При нихъ, отъ зависти краснѣя, скройтесь прочь!
Мать несравненная! А дочь
Сравнялась съ матерью одною.

CLXXXII.

ШАРАДЫ.

1.

Мое начальное французская монета,
Второе навсегда скрываетъ насъ отъ свѣта,
А въ *цѣлое* когда, къ несчастью, попадешь,
То множество хлопотъ тогда себѣ найдешь.

2.

Когда спасенья кто душѣ своей желаетъ,
Тотъ *первое* мое въ молитвахъ исполняетъ;
Второе дерево, оно у насъ растетъ;
А *все*—вещь нужная, когда насъ сонъ зоветъ.

CLXXXIII.

КАБАНЪ И ОСЕЛЪ.

Оселъ съ кабаномъ повстрѣчался,
И такъ, какъ свойственно скоту,
Надъ гордымъ звѣремъ насмѣхался,
Хваля, межъ тѣмъ, свой умъ, таланты, красоту.
„Поди прочь отъ меня, негодное творенье!“
Кабанъ ослу сказалъ:
„За дерзость бы тебя я тотчасъ растерзалъ,
„Но ты оселъ, ты глупъ, мой гнѣвъ къ тебѣ — презрѣнье“.

CLXXXIV.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

(Басня).

Лисица отъ стрѣлка убѣжища искала,—
И вдругъ нечаянной судьбой
Ко льву въ пещеру забѣжала;
Тогда обратною стопой
Стрѣлокъ скорѣй бѣжать пустился.
Но злой, жестокій рокъ вездѣ лисицу гналъ!
„Добро пожаловать!“ Левъ гордо ей сказалъ:
„Я голоденъ, постился,
Дня два не выходилъ на свѣтъ;
Ты-жь лакомый кусокъ,—послужишь мнѣ въ обѣдъ:
Сама судьба тебя послала“.
— Не спорю, государь!—Лисица отвѣчала:
Лишь только грустно мнѣ, какъ вспомню объ одномъ,
А именно сказать о батюшкѣ моемъ;
Послушай: какъ-то къ намъ вдругъ кроликъ постучался,
Просилъ убѣжища отъ стаи жадныхъ псовъ:
Мы приняли его безъ спросовъ, лишнихъ словъ;
Бѣдняжка жалокъ такъ казался!
Но что-жь случилось, наконецъ?
И вспомнить не могу! Жестокій мой отецъ,
Ни правъ просящаго, ни совѣсти не зная,
Малютку для себя на ужинъ растерзалъ.

Малютка, мучась, издыхая,
Боговъ къ отмщенью призывалъ,
И вдругъ ударилъ громъ, окрестность задрожала,
И страшно въ рощѣ гулъ завылъ!
Нора, гдѣ жили мы, какъ будто не бывала, —
И бѣдный мой отецъ несчастной жертвой былъ...
— „Довольно, перестань!“ Левъ перервалъ смущенный:
(Конечно, таковымъ урокомъ устрашенный)
„Ступай! Я ѣсть ужъ не хочу;
Такъ жалокъ твой разсказъ! Я плачу и — молчу“.
Найдутся и межъ насъ подобные примѣры!
Что́ было-бъ съ слабыми, когда-бъ не знали вѣры?

.....

CLXXXV.

КАЛИФЪ И ДЕРВИШЪ.

(Восточный Апологъ).

Однажды утренней порой
Калифъ роскошный и надменный,
Толпою всадниковъ отвсюду окруженный,
На колесницѣ золотой
Скакалъ въ окрестности изъ пышнаго Багдада:
Тамъ зрѣлся древній храмъ, тамъ падшая ограда,
Тамъ груда камней вкругъ разбросанныхъ лежитъ,
И съ сребровидными власами,
Съ челомъ нахмуреннымъ, съ поникшими очами,
Между обломками столѣтній мужъ сидитъ.
Калифъ лишь бросилъ взоръ,—и далѣе помчался.
Встрѣчаемъ всюду съ торжествомъ,
Онъ мнилъ на свѣтѣ быть не смертнымъ—божествомъ!
И вечеромъ уже въ Багдадъ свой возвращался,
И видитъ тотъ же храмъ, и тотъ же старецъ былъ,
И также старецъ сей свой мрачный видъ хранилъ.
Калифъ, симъ зрѣлищемъ невольно изумленный,
Свой путь остановилъ.
„Зачѣмъ, скажи, ты здѣсь?“ онъ старца вопрошаетъ:
„Одинъ въ безмолвіи и думой отягченный?...
„Но что́ я зрю? Въ рукахъ своихъ
„Ты держишь черепъ — образъ тлѣнья!“

— Такъ онъ — сей старецъ рекъ — причина размышленья,
И горестный предметъ столь мрачныхъ думъ моихъ!
Я здѣсь его нашелъ, и угадать стараюсь,
Чей былъ онъ: дервиша-ль, иль перваго въ царяхъ?
Гляжу... въ догадкахъ лишь теряюсь...
Не узнаю никакъ... Одинъ ничтожный прахъ! —
Калифъ въ молчаніи отъ старца удалился,
И послѣ, такъ какъ слухъ носился,
Онъ вѣрилъ иногда, влача въ шуму свой вѣкъ,
Что онъ, хотя калифъ, однакожъ человѣкъ.

CLXXXVI.

ВИЗИРЬ ГАССАНЪ.

(СКАЗКА).

Въ кіоскѣ пышной, золотой,
Подъ шумомъ рѣзваго, блестящаго фонтана,
Дремалъ визирь Гассанъ, любимецъ, другъ султана,
Къ подушкѣ бархатной склоняся головой.
Послушные рабы вокругъ него стояли,
И, робкое въ груди дыханье притаивъ,
Свой взоръ на соннаго Гассана устремивъ,
Покой и тишину въ мѣстахъ сихъ охраняли.
Но вдругъ не вдалекѣ раздался смутный крикъ.
„Кто тамъ?“ проснувшися вельможа вопрошаетъ.
И вотъ къ Гассану приступаетъ
Ведомый стражею осанистый старикъ.
Гассанъ, прикрывъ рукой глаза свои отъ свѣта,
Глядитъ и щурится, съ дивана привстаетъ—
И что же? Узнаетъ
Въ пришельцѣ своего любезнаго Макбета,—
Макбета, съ коимъ онъ отъ самыхъ юныхъ дней
Былъ друженъ, вмѣстѣ росъ, и даже увѣряли,
Что въ нихъ различіе одно лишь замѣчали:
Несходство мыслей и страстей.

Теперь совсѣмъ не то: Макбетъ въ простомъ нарядѣ,
Почти съ нечесанной брадой,
Хоть храбрый воинъ былъ, но воинъ лишь простой,
Однакожъ умъ блисталъ въ его отважномъ взглядѣ.
А тотъ—уже визирь! богатству смѣты нѣтъ!
Не будучи знакомъ ни съ скукой, ни съ дѣлами,
Съ утра до вечера пируетъ онъ съ друзьями,
Ѣстъ пловъ, куритъ алой и пьетъ всегда шербетъ.
„Я вижу, счастливъ ты!“ сказалъ Макбетъ со вздохомъ:
Дай Богъ! Я радъ тому: фортуна людямъ кладъ!
Счастливецъ загадалъ, и все пошло на ладъ!
А я—что пріобрѣлъ? Гонимый злобнымъ рокомъ,
Однѣ лишь горести повсюду находилъ.
Ты знаешь, давній другъ, что правду я любилъ;
Она-то и была всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Нѣтъ! не могу кривить душою.
Я въ должность кадія вступилъ
И судъ, клянусь, давалъ правдивый, безпристрастный,
Но злыхъ людей языкъ опасный
Меня безвиннаго, увы! не пощадилъ.
Соскучась клеветой и избѣгая мщенья,
Я новаго искалъ служенья,
И съ новымъ рвеніемъ ко брани полетѣлъ!
Служилъ, сражался, сколько можно:
Вотъ раны на груди то говорятъ неложно;
Но кланяться и льстить я вовсе не хотѣлъ,
Надѣясь на свои заслуги —
И что-жь? За всѣ мои увѣчья и недуги
Паша, начальникъ мой,
Благодарилъ меня пустою лишь хвалой —
И то, такъ не хотя, и такъ, чтобъ не слыхали;
А тѣ, кто въ шахматы иль въ кости съ нимъ играли,
Или за трубкой и виномъ
Его почти равнять дерзали съ божествомъ,
Одни всѣ почести и славу получали.
Увидя, что коварный рокъ

Ко мнѣ нимало не смягчался,
И въ мирѣ, и въ войнѣ все также былъ жестокъ,
Отъ дѣлъ и подвиговъ навѣкъ я отказался,
И возвратясь теперь домой,
Лѣтъ тридцать прослужа, притомъ съ пустой сумой,
Хочу въ моемъ уединеньѣ
Прожить остатокъ дней безъ шума, безъ суетъ,
И вспоминать подъчасъ, что сей обширный свѣтъ
Есть рай для злыхъ сердецъ, для добрыхъ же—мученье,
— Мнѣ, право, жаль тебя!—Вельможа отвѣчалъ:
Но время протекло, и пособить не можно;
Къ тому-жь еще признаться должно:
Ты самъ всему виной, ты самъ бѣды искалъ.
Къ чему столь горду быть предъ вышними властями?
И что пріобрѣтешь ты съ правдою своей?
По мнѣ: тотъ всѣхъ изъ насъ умнѣй,
Кто брани не ведетъ съ людскими ввѣкъ страстями.
Такое мнѣніе поставивши въ законъ,
Ты все бы получилъ безъ дальняго старанья:
Чины, и почести, и лестныя названья.
И развѣ тягостенъ для головы поклонъ?
Послушай! мы одни — откроюсь предъ тобою:
Я самъ не думалъ быть суровымъ мудрецомъ;
За то—теперь визирь! какъ чаша полонъ домъ,
И все передо мной попикло головою!
Люблю поѣсть, попировать,
Въ жилищѣ у меня всѣ роскоши столицы!
Пѣвцы и плясуны, актеры и пѣвицы,
Когда ни вздумаю, готовы забавлять.
А тамъ..... что Богъ велитъ! быть можетъ, покаяньемъ.....
„Довольно!“ перервалъ Макбетъ съ негодованьемъ:
„Коль честность такъ рѣдка въ нашъ развращенный вѣкъ,
Пусть будешь ты — визирь; я — честный человѣкъ“.

CLXXXVIII.

ЭПИГРАММА.

(Изъ Ж. Б. Руссо).

Злой клеветникъ, врагъ чести, льстецъ ехидный,
Пустившись смыслъ на риѳмахъ теребить,
Расчелъ умно; барышъ тутъ очевидный:
Сноснѣй вралемъ, чѣмъ низкимъ плутомъ слыть!
Мнѣ мнится онъ вамъ говоритъ съ поклономъ,
Вы, коимъ данъ шутливымъ Аполлономъ,
Насмѣшки даръ и остраго словца:
„Я васъ прошу, меня, себѣ въ забаву,
Пустите въ свѣтъ подъ вывѣской глупца,
Чтобы хоть тѣмъ мою поправить славу“.

CLXXXIX.

СТАТУЯ ГЕРКУЛЕСА И ПРОХОЖІЙ.

(БАСНЯ).

Статую Геркулеса
Невѣжда на гряду поставилъ въ огородъ,
Пугать собой пернатыхъ родъ.
„Прекрасны подвиги!“ сказалъ одинъ повѣса:
„Здѣсь славный Геркулесъ гоняетъ воробьевъ!“
Что дѣлать съ наглостью безумцевъ и глупцовъ?—
Безсмертный отвѣчаетъ:
—Пускай судьбина мной, какъ хочетъ управляетъ:
Я ввѣкъ останусь въ числѣ полубоговъ.

CXC.

ПѢСНЯ.

Вчера, предавшися покою,
Въ очаровательныхъ мечтахъ
И сонный, занятый тобою,
Я очутился въ небесахъ.

Любовь съ улыбкою предстала,
На образъ показала твой,
Люби — еще не досказала,
А я уже пылалъ тобой.

CXCI.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Нашъ журналистъ и сухъ, и тощъ, какъ спичка,
Когда-бъ ума его весь выжать сокъ,
То выйдетъ врядъ учености страничка,
Да мыслей на пять на шесть строкъ.

2.

Изсохло-бы перо твое безплодно,
Засухою скончались бы листы;
Но помогать бѣдамъ искусство сродно:
Въ желчь зависти перо обмокнешь ты,
И съизнова на мѣсяцъ, два, свободно
Съ него польются клеветы.

3.

Онъ церкви былъ ученикомъ послушнымъ,
За зло добромъ платилъ своимъ врагамъ,
И прослыветъ собраньемъ эпиграммъ
Онъ человѣкомъ добродушнымъ.

4.

Фирсъ каждый день душилъ меня, какъ бремя:
Онъ у меня взялъ сто рублей на время.
Съ тѣхъ поръ ко мнѣ не ступитъ Фирсъ ногой:
Какъ дешево купилъ я свой покой.

5.

„Труды ума ты моего исчисли:
„Прилежныхъ лѣтъ благословенный плодъ!
„И все свое, всѣ собственныя мысли,
„Вездѣ свой слогъ, вездѣ свой оборотъ!“
Все такъ! но, другъ, убытчишься не къ статѣ,
Не по казнѣ твоей такой расходъ;
Чтобъ ты и твой читатель былъ богатѣй,
Ты на чужой живи отнынѣ счетъ.

6.

Въ жару холоднаго витійства,
Ты присудилъ къ костру шутливые стишки.
Быть такъ! твои-жъ умрутъ не отъ чужой руки,
Но отъ самоубійства.

7.

Пусть критикъ отъ тебя съ угрозой
Безсмертья запираетъ дверь;
Ты не тужи о томъ: повѣрь,
Стихами пишешь ты какъ прозой.

8.

Когда бесѣдчикамъ Державинъ предъ концомъ,
Жилища своего не завѣщалъ въ наслѣдство,
Онъ зналъ ихъ твердыя права на желтый домъ,
И прочилъ имъ сосѣдство.

CXCII.

ШУТКА.

Разскажу я вамъ быль-сказку,
Какъ съ покорнаго слуги
Въ достопамятную пляску
Башмачекъ слетѣлъ съ ноги.

Какъ подъ музыку Россини
Вальсируя на повалъ,
Вашъ Московскій принцъ *Дантини*
Въ *Ченерентолы* попалъ.

Зло смѣетесь. Понемножку
Я и самъ смѣяться радъ,
Что пришлось на босу ножку
Расплясаться не впопадъ.

Такъ узнайте же разгадку
Горемычную мою,
Я скажу вамъ правду-матку
И грѣха не потаю.

Нѣжной страстью пламенѣя
Къ красотѣ, въ сердечный знакъ,
Бросить ей платокъ не смѣя,
Я—швырнулъ въ нее башмакъ.

1824 г.

CXCIII.

ПРЕЛЕСТИ ДЕРЕВНИ

(съ французскаго).

Не разъ хвалили безъ ума
Деревню, пристань всѣмъ весельямъ.
Затѣй въ поэтахъ нашихъ тьма;
Не знать цѣны ихъ рукодѣльямъ —
И Боже насъ оборони!
Но, воспѣвая рощи, воды
И дикія красы природы,
Нерѣдко порятъ дичь они!
Лѣсокъ расцишутъ ли? Какъ разъ
И вѣчный соловей поспѣетъ!
Лужокъ разстелятъ? На заказъ
И роза вѣчная алѣетъ!
Повѣрь ихъ пѣснѣ: вдоль полей
Растутъ репейники съ крапивой
И слышенъ галокъ хоръ крикливой,
И хоръ индѣекъ и гусей!
Съ собачкой стадо у рѣки:
Вотъ случай мнѣ запѣть эклогу!
Но что-жъ?—Бодаются быки,
А шафка мнѣ кусаетъ ногу!
Кто-жъ пастушокъ? Прямой пастухъ!

Подъ тяжестью густой овчинки,
Опъ скрипомъ хриплыя волынки
Немилосердно рѣжетъ слухъ!
Сіянье томное луны
Влечетъ къ задумчивой дремотѣ;
Но гонитъ прочь мечтаній сны
Лягушекъ кваканье въ болотѣ.
Хочу заснуть безъ метафоръ,
Но мнѣ и въ томъ успѣха мало:
Комарій пискъ и мухи жало
На сонъ мой входятъ въ заговоръ!
Нѣтъ, воля ваша господа!
Но деревенскія забавы
Найду безъ лишняго труда,
Не отлучаясь изъ заставы.
Злой враль не тотъ же ли комаръ?
Репейники цвѣтутъ въ журналахъ,
Гусей встрѣчаю въ самохвалахъ,
А спѣсь индѣекъ въ спѣси баръ.

CXCIV.

АПОЛОГИ.

1.

ОТВѢТЪ ДРЕВНЯГО МУДРЕЦА.

Въ больницѣ общей намъ, гдѣ случай, врачъ-слѣпецъ,
Развелъ насъ на обумъ и лечитъ на удачу,
Скажи, что дѣлаешь, испытанный мудрецъ?
„Съ безумными смѣюсь, съ страдающими плачу.“

2.

МОЛОТОКЪ И ГВОЗДЬ.

„По милости твоей я весь насквозь расколотъ“,
Кирпичъ пенялъ гвоздю: „за что́ такая злость?“
— За то, что въ голову меня колотитъ молотъ,—
Сказалъ съ досадой гвоздь.

3.

ЛАНДЫШЪ.

Росъ ландышъ—не доросъ; зачахъ, упалъ и сгнилъ;
Его отъ солнышка репейникъ заслонилъ!
Не толи-жъ самое съ талантами мы видимъ,
Когда... но замолчимъ: кого-нибудь обидимъ!

CXCV.

КЪ ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Въ твоихъ затѣйливыхъ стихахъ, —
Буфлера ученикъ счастливый,
Какъ онъ, насмѣшникъ часто льстивый,
Какъ онъ, вѣкъ съ Музою въ ладахъ, —
Есть истина. Но ложь украдкой,
Съ улыбкой пагубной и сладкой,
Умѣла пріютиться въ нихъ.
Не спорю я, когда твой стихъ
Меня изобличаетъ въ лѣни;
Но какъ отъ правды онъ далекъ,
Когда мнѣ дѣлаешь ты пени
И ставишь лѣнь мою въ порокъ!
Опомнись, графъ, иль надо мною
Ты насмѣхаться перестань —
За лѣнь я заслужилъ — не скрою —
Признательности общей дань.
Сошлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
Что твой безсовѣстенъ упрекъ,
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лѣнь — не порокъ, но добродѣтель.
Иль, можетъ быть, въ твоей глуши,
Гдѣ скрылся съ Музой ты и счастьемъ,

Знакомый съ тихимъ сладострастьемъ
Себѣ сказавшейся души
И богомъ вкуса охраненный,
Не знаешь ты, слѣпецъ блаженный,
Всѣхъ утомительныхъ проказъ
Неутомимыхъ нашихъ братій,
Не видишь, какъ отъ ихъ занятій
Сталъ плодороденъ нашъ Парнассъ
И какъ плоды его не зрѣлы.
Не для тебя здѣсь комикъ смѣлый
Воюетъ подъ шумокъ свистка —
Съ благопристойностью и вкусомъ;
Другой отъ опытности трусомъ
Вредитъ тайкомъ издалека.
Не для тебя журналы съ годомъ
Родятся и кончаютъ вѣкъ,
И Фирсъ клянется предъ народомъ
Что онъ великій человѣкъ.
Не знаешь ты о нашихъ одахъ,
О сихъ торжественныхъ грѣхахъ,
О нашихъ тучныхъ переводахъ
И худощавыхъ образцахъ.
Твой взоръ не видитъ, слухъ не слышитъ,
Какъ притупившимся перомъ
За четырехъ нашъ Бавій пишетъ,
А мыслитъ за себя съ трудомъ!
Какъ свѣжихъ слушателей ловлей
Клитъ промышляетъ каждый часъ,
И какъ бездушныхъ книгъ торговлей
Усердный Думинъ душитъ насъ.
Не знаешь ты подъ тихимъ кровомъ,
Куда укрылся отъ глупцовъ,
Какъ коренной наборщикъ словъ
Торжественно насъ давитъ словомъ;
Какъ знатный рабъ, торгашъ похвалъ,
Торгуетъ о народномъ благѣ; —

Какъ въ тяжкомъ, непробудномъ снѣ
Слѣпцы толкуютъ о картинѣ,
Прадоновъ шайка объ Расинѣ,
Невѣжды о Карамзинѣ!
Нѣтъ! опыта взгляни глазами
На хлопотливый нашъ народъ,
На разноцвѣтный этотъ сбродъ,
Трудящійся за пустяками;
Ты посмотри, какъ всякій здѣсь
Безъ дѣла о досугѣ тужитъ,
И какъ салоновъ нашихъ спѣсь
Ничтожности ихъ лаской служитъ.
Броню терпѣнья ты надѣнь
И подъ дождемъ дурачествъ розныхъ
Осмѣлься въ укоризнахъ грозныхъ
Мнѣ выговаривать за лѣнь.
Я жду тебя. Но мнѣ порукой
Дары къ тебѣ пристрастныхъ Музъ:
Твой тонкій умъ и здравый вкусъ,
Что скоро, осажденный скукой,
Ты съ сожалѣньемъ и стыдомъ,
Людскихъ проказъ усталый зритель,
Какъ любопытный посѣтитель,
Что, заглянувъ къ безумнымъ въ домъ,
Смѣется пополамъ съ тоскою
И прочь отъ зрѣлища бѣжитъ —
Простишься съ вѣтренной толпою,
Которой вихрь всегда вертитъ,
Поспѣшно отворотишь взоры
Отъ нашихъ былей-небылицъ,
Кляня дѣйствительные вздоры
Несчастныхъ дѣйствующихъ лицъ.
Тогда раскаешься въ упрекѣ,
Прибѣгнешь къ праздности моей
И утвердишь меня въ порокѣ,
Который чудо нашихъ дней!

Но лгать во мнѣ нѣтъ, графъ, охоты,
Я оправдаться тороплюсь:
Когда лѣнивъ я для работы,
То наслаждаться не лѣнюсь.
Зима къ намъ съ снѣжныхъ горъ скатилась,
Въ вѣнцѣ блестящемъ воцарилась
На нашихъ древнихъ берегахъ.
Волшебный жезлъ въ ея рукахъ!
Она свываетъ къ намъ веселья,
А съ ними и любимца ихъ.
Услышь мольбу друзей твоихъ!
Я вечеринки новоселья
Ужъ жду, любезный графъ, давно;
На ней прилежно до разсвѣта
Радъ слушать я стихи поэта,
Радъ оберъ-шенка пить вино.

CXCVI.

СѢТОВАНІЕ.

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Порывы бурь ее умчали!
И жертву мертвой тишины
Ужъ не волнуютъ счастья сны,
Ни сердцу сладкія печали!
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Въ туманахъ ранняго заката
Потухло солнце старины,
Дни жизни сердца сочтены —
И нѣтъ утраченнымъ возврата!
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Раздался въ сердцѣ гласъ печальный,
Какъ ропотъ порванной струны,
Какъ стонъ разбившейся волны,
Какъ тихій отзывъ флейты дальной.
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

CXCVII.

ПРОЩАНІЕ ВОИНА.

(Романсъ).

Звучитъ труба; ряды сомкнулись въ строй;
Отчизны гласъ насъ призываетъ къ мести:
Подай мнѣ мечъ нетрепетной рукой!
Я возвращусь со славой съ поля чести!

Когда сойдусь я мечъ на мечъ съ врагомъ,
Ты будешь мнѣ невидимый хранитель;
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель!
Ты быть должна ко славѣ мнѣ вождемъ!

Цвѣтами ты усѣй возвратный путь!
Да миртъ и лавръ привѣтствуютъ героя!
Да склонитъ онъ на трепетную грудь
Главу свою, усталую отъ боя!

Мой щитъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечомъ!
Пусть освятятъ они твою обитель!
Пусть говорятъ, что я былъ побѣдитель,
Что ты была ко славѣ мнѣ вождемъ!

Но пыль взвилась! подвигнулись полки!
Прости! красы не омрачай слезами!

Сей твердый мечъ, сей даръ твоей руки,
Предвѣстникъ мнѣ побѣды надъ врагами!

Твоя мольба предъ Вышнимъ алтаремъ —
Сопутникъ мой и въ бурѣ битвъ хранитель!
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель,
Ты быть должна ко славѣ мнѣ вождемъ!

CXCVIII.

ЭПИГРАММА.

Ты правъ! Сожжемъ Карамзина творенья!
Онъ не по насъ! Галиматьи въ немъ нѣтъ!
Въ немъ смѣлый умъ, потомокъ просвѣщенья;
Есть жаръ, есть вкусъ, сей вѣчно-юный цвѣтъ!

Но что̀ намъ въ нихъ? Онъ Граціи улыбкой
Былъ вдохновенъ, когда шутя писалъ,
И слогъ его, уступчивый и гибкой,
Живой Протей, всѣ измѣненья бралъ.

Но что́ намъ въ томъ? Пусть яркій пламень казни
Вѣнецъ творца и нашъ позоръ сожжетъ!
Но ты, дружокъ, ты чуждъ такой боязни!
Какъ сжечь тебя? Не загорится ледъ!

CXCIX.

ПѢСНЯ ЗѢВАКИ.

Жизнь наша сонъ! Все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:
Родятся люди, люди мрутъ
И кое-какъ пока живутъ.
Куда все это какъ забавно!
Какъ не зѣвать? Все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!

Иной зѣваетъ отъ бездѣлья,
Зѣваютъ многіе отъ дѣлъ;
Иной зѣваетъ что не ѣлъ,
Другой зѣваетъ что съ похмѣлья!
Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:
Или ко сну или со сна!

Актеръ въ своей зѣваетъ ролѣ;
Зѣвотой зритель давитъ свистъ!
Зѣвая пишетъ журналистъ,
А сускрибентъ зѣваетъ болѣ!
Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:
Или ко сну или со сна!

Я холостъ былъ—зѣвалъ безъ счета,
Подумалъ завестись домкомъ
И взялъ жену, чтобъ жить вдвоемъ —
И вдвое забрала зѣвота!
Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:
Или ко спу или со сна!

CC.

ВОЛИ НЕ ДАВАЙ РУКАМЪ.

Воли не давай рукамъ!
Говорили наши предки;
Измѣняли тѣмъ словамъ
Лишь тогда, какъ стрѣлы мѣтки
Посылали въ грудь врагамъ.

Мы смѣемся старикамъ,
Мы не просимъ ихъ совѣтовъ;
По Парнассу, по судамъ,
Отъ архонтовъ до поэтовъ,
Волю всѣ даютъ рукамъ.

Волю бѣглымъ давъ рукамъ,
Карпъ стихи какъ сѣно коситъ,
Пальцы съ ртутью пополамъ,
Въ головѣ за то лишь носитъ
Онъ свинецъ на горе намъ.

Загляни къ Ѳемидѣ въ храмъ:
Пусть слѣпа, да руки зрячи;
Знаетъ вѣсъ давать вѣскамъ:
Гладитъ тѣхъ, съ кого ждетъ дачи,
Бѣдныхъ бьетъ же по рукамъ.

Но не все-жъ злословить намъ.
Живо въ памяти народной,
Какъ въ сенатѣ, въ страхъ врагамъ,
Долгоруковъ благородный
Смѣло волю далъ рукамъ.

Мой Пегасъ подъ стать осламъ,
Крыльевъ нѣтъ — не та замашка:
Жмутъ оглобли по бокамъ,
Лишь лягается бѣдняжка,
Крѣпко прибранный къ рукамъ.

CCI.

ВЪ ШЛЯПѢ ДѢЛО.

Инымъ что́ шагъ, то неудача;
Что́ шагъ, то радости другимъ;
Слѣпецъ надъ бездной невредимъ,
Упалъ на ровномъ мѣстѣ зрячій.
Кто отыскалъ къ Фортунѣ слѣдъ,
За все тотъ принимайся смѣло:
Въ сорочкѣ онъ родился въ свѣтъ,
И въ шляпѣ дѣло!

Съ Бургонской пробкой, за прибором,
Какъ ставятъ мнѣ медокъ простой,
Или красоткѣ пожилой
Блеснуть захочется уборомъ,
Иль баринъ пополамъ съ грѣхомъ,
Плюмажъ свой выставляетъ бѣлой,
Я говорю себѣ тайкомъ:
Не въ шляпѣ дѣло!

Кто не богатъ, тотъ бѣгай спора,
И въ судъ за правдой не гонись;
Или въ сѣняхъ безъ шляпы жмись
И жди годъ цѣлый приговора.

Богатому и тутъ люли!
Хоть дѣло черно, будетъ бѣло:
Изъ шляпы высыплетъ рубли,
И въ шляпѣ дѣло!

На картахъ проигравъ имѣнье,
Эрастъ женился на вдовѣ;
И въ домѣ, и на головѣ,
Вездѣ Эрасту приращенье.
„Пусть надо мною — говоритъ —
„Подшучиваетъ городъ цѣлой
„Но мнѣ тепло: я счастливъ, сытъ!“
„И въ шляпѣ дѣло“!

Когда везло Наполеону,
За колесницей велъ онъ свѣтъ,
Но Русскій Царь взялъ жезлъ побѣдъ —
И сшибъ съ чела его корону.
Теперь припомня прежній сонъ,
Какъ все въ глаза ему глядѣло:
„Имѣлъ“ — вздыхая, скажетъ онъ —
„Я въ шляпѣ дѣло!“

CCII.

ДАВНЫМЪ-ДАВНО.

Давно ли умъ съ фортуной въ ссорѣ,
А глупость счастія зерно?
Давно-ли искреннимъ быть горе,
Давно-ли честнымъ быть смѣшно?
Давно-ль тридцатый годъ Изорѣ?
Давнымъ-давно!

Когда Эрастъ глядѣлъ вельможей,
Ты, Фролъ, дышалъ съ нимъ за одно;
Вчера ужъ не въ его прихожей,
Вертѣлось счастья вертено:
Давно-ль съ нимъ видѣлся?—О Боже!
Давнымъ-давно!

Давно-ль въ ладу съ здоровьемъ, силой,
Честилъ любовь я и вино?
Разъ говорилъ подагрикъ хилой;
Жена въ углу молчала, но...
Въ отвѣтъ промолвилъ вздохъ унылой:
Давнымъ-давно!

Давно-ль знакъ чести на позорномъ
Лишь только яркое пятно?
Давно-ль на воздухѣ придворномъ
Вдругъ и тепло, и студено,
И держатъ правду въ тѣлѣ черномъ?
Давнымъ-давно!

CCIII.

КУПЛЕТЫ ПАНА ЧИЖЕВСКАГО.

(Изъ оперы-водевиль: кто братъ, кто сестра?)

Баръ и барынь всѣ бранятъ
Подъ рукою,
Презирать ихъ каждый радъ
За спиною;

Но столкнися съ мудрецомъ
Баринъ знатный,
Иль красотка брось тайкомъ
Взоръ пріятный:

Вдругъ начнетъ иное пѣть
Нашъ Сенека:
Перемѣнится медвѣдь
Въ человѣка;

Смотришь — онъ, какъ и другой,
Гибокъ, тонокъ,
Мастеръ кстати дѣлать свой
Падамъ до̀ ногъ!

CCIV.

КЪ ВОСПОМИНАНІЮ.

Прошедшаго привѣтъ, воспоминанье,
Отрадой сердце посѣти!
Ты замѣни остылое желанье,
Будь мнѣ подпорой на пути!

Таинственно, въ тиши краснорѣчивой
Бесѣдуй съ жадною душой;
Грядущаго умолкнулъ голосъ льстивой,
Надежды нѣтъ передо мной.

Я отжилъ вѣкъ волшебныхъ упоеній,
Загадку жизни разгадалъ,
И осушилъ источникъ наслажденій —
Завѣсу тайны разодралъ!

Я даль проникъ и путь уединенный
Глазами опыта прозрѣлъ,—
И свѣтлый міръ, мечтами населенный,
Въ глазахъ померкъ и опустѣлъ.

Но ты приди! Бесѣдою твоею
Воскреснутъ дней протекшихъ сны;
Я при тебѣ душой помолодѣю,
Привѣтъ услыша старины.

1825 г.

CCV.

ШУТКА ВЪ АЛЬБОМЪ.

Есть здѣсь дѣвица на примѣтѣ,
Ее дарами скрасилъ Лель;
Она слыветъ на бѣломъ свѣтѣ
Мари-Мишель.

Когда родилась, въ часъ разсвѣта
Ея качая колыбель,
Ей боги пѣли: многи лѣта,
Мари-Мишель!

Ищи красавицъ въ свѣтѣ цѣломъ,
Хотя за тридевять земель,
Пригожѣй нѣтъ душой и тѣломъ
Мари-Мишель.

Какъ ясный май, взоръ свѣтитъ ясный,
Но и обманчивъ, какъ апрѣль:
Какъ-разъ осѣтитъ въ плѣнъ опасный
Мари-Мишель.

Она, какъ розы цвѣтъ, алѣетъ,
Ея улыбка сердцу хмѣль,
И безъ вина споить умѣетъ
Мари-Мишель.

Дай Богъ, чтобъ у нея безсрочно
Веселій ужилась артель,
И горе знала лишь заочно
Мари-Мишель!

Когда же я не льщусь ошибкой:
Моей немудрой шутки цѣль,
Чтобъ вспомнила меня съ улыбкой
Мари-Мишель.

CCVI.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Нѣтъ! состязаться мнѣ съ тобою не совмѣстно:
Ты правъ, я сознаюсь! нѣтъ, намъ неравенъ бой!
Пускай побѣды честь и будетъ мнѣ цѣной,
Но мнѣ на поприще къ тебѣ сойти безчестно,
А для твоей ничтожности ужъ лестно
И то, что нѣкогда ты былъ противникъ мой.

2.

Клевретъ журнальный, анонимъ,
Помощникъ презрѣнный ничтожнаго безсилья,
Хвалю тебя за то, что подъ враньемъ твоимъ
Утаена твоя фамилья!
Съ безстыдствомъ страхъ стыда желая согласить,
Ты доказалъ, вдвойнѣ кривнувъ душою,
Что если радъ себя безчестить подъ рукою,
То именемъ своимъ умѣешь дорожить.

3.

Педантствуй сплошь, когда охота есть,
Въ глаза невѣждъ кидай школярной пылью,
Въ цитатахъ весь старайся Римъ известь,
Чтобъ пособить природному безсилью;

Но не острись! Пріемля въ чужѣ боль,
Мы чувствуемъ, твои читая шутки,
Какъ на рукѣ, надъ ними мучась сутки,
Тугимъ перомъ ты натрудилъ мозоль.

4.

Жужжащій враль, едва замѣтный слуху,
Ты хочешь выслужить ударъ моей руки?
Но знай! на ястребовъ охотятся стрѣлки,
А самъ скажи:—какъ цѣлить въ муху?

CCVII.

СѢТОВАНІЕ АРАБА.

Восторгъ очей! любви моей свѣтило!
Гдѣ скрылось ты съ надеждою моей?
Ты жребій мой мгновенно озарило:
Ищу тебя! И нѣтъ твоихъ лучей!

Душа моя полна твоей улыбкой,
Твой взоръ еще на сердцѣ не потухъ,
И голосъ твой, младенческой и гибкой,
Какъ вздохъ любви, еще ласкаетъ слухъ!

Скитаюсь я, пылая и тоскуя,
Мнѣ душенъ лѣсъ! горю въ прохладѣ струй!
Въ тоскѣ любви я жажду поцѣлуя,
Какъ цвѣтъ отъ росъ ждетъ влажный поцѣлуй.

Лучемъ зари, блеснувшимъ на долинѣ,
Мнѣ улыбнись, души моей кумиръ!
Мнѣ безъ тебя въ отчизнѣ, какъ въ пустынѣ!
Мнѣ безъ тебя пустыней цѣлый міръ!

CCVIII.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Пусть безтолковый свѣтъ толкуетъ:
Намъ толковъ праздныхъ не унять;
Счастливъ, кому дано судьбой о нихъ не знать,
Уменъ, кто, зная, не тоскуетъ;
Пусть добрый полотеръ ползкомъ и на лету
Обшаркалъ начисто всѣ крыльца баръ почетныхъ,
Чтобъ сдѣлаться среди глупцовъ безсчетныхъ
Глупцомъ въ столицѣ на счету;
Пускай Грузинцева въ припадкѣ,
То въ прозу, какъ въ ознобъ, то на стихи, какъ въ бредъ,
Кидаетъ, словно въ лихорадкѣ,
Отъ коей хины нѣтъ;
Пусть рыцарь классиковъ изъ азбучнаго класса,
Пусть сей журнальный Донъ-Кишотъ
За образецъ ума себя, а за Пегаса
Намъ Россинанта выдаетъ!
Сей умничай въ ничью, дурачься тотъ съ успѣхомъ,
Иной, какъ колоколъ, будь и тяжелъ, и пустъ,
Иль сплетней городскихъ будь онъ стоустымъ эхомъ,
Въ которомъ гласа нѣтъ безъ постороннихъ устъ!
Въ устройствѣ общества и цехъ глупцовъ потребенъ,

мірскомъ быту полезны и они:
скуби-бъ умерли здѣсь умники одни,
щы смѣшатъ,— а смѣхъ цѣлебенъ!
нимость — мудрости порука и сестра.
звимъ мы взыскательность пустую;
ı одинъ порокъ могущій негодую,
ı него храню гнѣвъ сердца и пера,
слабостямъ прощать я совѣстью обязанъ,
злѣ! какъ-бы имъ я сострадать не могъ,
ь рабъ невольнику, который цѣпью связанъ,
риемачъ безъ рукъ — танцмейстеру безъ ногъ?
ышу, говорятъ нерѣдко:
каждаго свой умъ!“ Вранье, сударь, вранье!
ките вы, и попадете мѣтко:
„У каждаго дурачество свое!“
всѣ съ дурачествомъ, всѣ съ пятнышкомъ родимымъ,
оттѣнкахъ каждаго различіе одно:
ь ярче, тамъ блѣднѣй, въ комъ чуть бываетъ зримымъ,
ь комъ и все лице—родимое пятно!

CCIX.

ЗАВѢЩАНІЕ АМУРА.

(Изъ Жуи).

Изъ рощъ Паѳосскихъ въ добрый часъ
Вулканъ похитилъ Діонею,
И Нимфу плѣнницей своею
Онъ въ кузницахъ таилъ отъ глазъ.
Насильству ждать-ли соучастья?
Любимой Нимфой или нѣтъ,
Вулканъ сорвалъ восторги счастья!
И *Гименей* увидѣлъ свѣтъ.
Амуръ узналъ о томъ: о горе!
По сердцу холодъ пробѣжалъ,
Померкла жизнь въ туманномъ взорѣ,
Румянецъ пышный щекъ увялъ,
И сномъ отяготѣли вѣжды;
Венера плачетъ! „Нѣтъ надежды,
О, неба гнѣвнаго законъ!
Мой сынъ умретъ, осиротѣю;
Предузнаю тоской моею,
Не уживется съ братомъ онъ!"
Когда Амуръ здоровъ бываетъ,
Ему нѣтъ *завтра* въ словарѣ;
Но на болѣзненномъ одрѣ
О будущемъ онъ помышляетъ.
Страдальцемъ призванный, предъ нимъ

Цитерскій маклеръ. Что за чудо!
Амуру знать и вправду худо?
Мирится онъ съ врагомъ своимъ!
Свидѣтелей прислушать проситъ,
И съ ложа онъ, привставъ едва,
Перерываясь, произноситъ
Послѣднія свои слова:
„Въ такой-то день, въ такомъ-то годѣ,
Такой-то міра гражданинъ
(Лѣта, достоинство и чинъ)
И первый, и послѣдній въ родѣ,
Передъ лицомъ градскихъ старшинъ,
На ложѣ смерти завѣщаю:
Въ душеприкащики по мнѣ
Я Сладострастье назначаю;
Добромъ недвижимымъ вполнѣ
Въ даръ Вѣрности располагаю,
Веселью—колыбель свою;
Крылѣ—вертушкѣ Наслажденью,
Свой пламенникъ—Враждѣ и Мщенью,
Казну—Надеждѣ отдаю,
Невинности стрѣлъ мѣткихъ вязку,
А Правосудію—повязку!
Еще я объ одномъ молю:
Пусть тайна по моей кончинѣ
Сокроетъ въ сумрачной пустынѣ
Меня отъ любопытныхъ глазъ,
Безъ шума друга похоронитъ,
И мрачный сводъ вѣтвей наклонитъ
На одинокій мавзолей,
И надъ смиренною доскою
Означитъ надписью простою,
Кто тутъ почилъ во цвѣтѣ дней:
„Лежитъ здѣсь смертныхъ бичъ и радость,
Ихъ царь, иль рабъ, тиранъ, дитя,
Надежда, ужасъ, богъ, змія,

Отрава жизни, жизни сладость,
Добро, бѣда. Все-ничего!
Здѣсь спитъ Амуръ—и жизнь всего
Подъ камнемъ вмѣстѣ съ нимъ почила!"
Сказалъ,—и замеръ гласъ въ устахъ,
Померкъ лучъ яркаго свѣтила,
Мракъ на землѣ и въ небесахъ!
Въ Цитерѣ раздались рыданья,
И смертныхъ слезы и стенанья
Дѣлили боги на пирахъ.
И наконецъ, взоръ кинувъ нѣжной,
На мать, въ печали безнадежной
Клянущую рожденья часъ,
Амуръ вздохнулъ въ послѣдній разъ,
Въ убійствѣ брата обвиняя...
Во мракъ запущеннаго края,
Гдѣ незнакомъ весны восходъ,
Гдѣ соснъ печальныхъ тѣнь густая
Подъ сводомъ неба стелетъ сводъ,
Лучами солнца позабытый;
На берегъ дикій и омытый
Всегда студеною волной,
Гробъ милый вынесли украдкой,
И подъ древесною палаткой,
Какъ онъ желалъ въ часъ смертный свой,
Сокрытъ покойникъ молодой.
Тутъ Игры, Граціи въ печали,
Сорвавъ вѣнки съ красивыхъ челъ,
Рыданьемъ огласили долъ,
Денницы пятой ожидали.
Она взошла—заря чудесъ!
Пустыни голой мракъ исчезъ;
Очаровательной картиной
Одѣлись дикія мѣста,
Лазури чистой красота
Свѣтлѣетъ ярко надъ долиной,

Гдѣ Флоры разцвѣла семья:
Гордится стройная лилея,
И роза свѣжая, краснѣя,
Внимаетъ пѣснямъ соловья.
Вдругъ ожилъ лѣсъ и мертвый камень:
Все дышетъ жизнью, все цвѣтетъ,
И въ самомъ нѣдрѣ хладныхъ водъ
Струится благотворный пламень.
И вскорѣ чудо въ сихъ мѣстахъ
Еще свершается другое:
Надъ скромнымъ камнемъ, гдѣ въ покоѣ
Амура почиваетъ прахъ,
Зеленый миртъ раскинулъ тѣни,
Въ его уединенной сѣни,
Гдѣ дышетъ тайная мечта,
Младыхъ любовниковъ чета,
О страсти робкой и взаимной,
Съ простосердечностью невинной,
Разговорились въ первый разъ!
Восторги перваго признанья!
Задатокъ счастья, цвѣтъ желанья,
Они уразумѣли васъ,
И новый міръ очарованья
Разцвѣлъ для ихъ прозрѣвшихъ глазъ,
И вдругъ... изъ тайнаго молчанья
Возникъ невыразимый стонъ.
Кто не узнаетъ? Это онъ!
Амуръ, Амуръ красой богатый,
Изъ гроба хладнаго воскресъ!
Такъ, умирая, гость пернатый,
Кѣмъ славенъ Аравійскій лѣсъ,
Въ дыму благоуханномъ тлѣетъ
И, какъ на свѣтломъ алтарѣ,
Вновь юной жизнью пламенѣетъ
На воскресительномъ кострѣ.

CCX.

ГРАФИНѢ ***.

(На смерть ея родителя).

И ты познала пробужденье
Отъ обольстительнаго сна,
И свѣтлыхъ призраковъ затмѣнье,
Непостоянныхъ какъ луна.

Прельщенная очарованьемъ,
Ты, счастья легковѣрный другъ,
На жизнь смотрѣла съ упованьемъ,
Какъ на всегда цвѣтущій лугъ;

Но жребій рано или поздно
Вплетаетъ тернія въ цвѣты,
И нашъ наставникъ, опытъ, грозно
Насъ отучаетъ отъ мечты.

Когда, утратою сердечной,
Внезапно опустѣетъ свѣтъ,
И смерть, въ душѣ еще безпечной,
Напечатлѣетъ хладный слѣдъ;

Когда средь свѣтлыхъ сновидѣній,
Изъ коихъ жизни цѣпь вилась,
Смерть, пробужденья строгій геній,
Ихъ рушитъ временную связь:

Тогда, очнувшись, проникаемъ
Мы въ ужасъ тайны роковой
И съ міра басней ниспадаемъ
На почву истины нагой.

Такъ среди сна безмолвной ночи,
Когда раздастся чудный шумъ,
Мракъ жадно вопрошаютъ очи
И цѣпенѣетъ робкій умъ;

Страхъ тайный сердцемъ овладѣетъ—
На мигъ забудешься-ли ты?
Но смутный сонъ ужъ не навѣетъ
Игривыхъ призраковъ мечты.

Такъ и съ тобой мечты разстались,
Жизнь обнажилась на землѣ,
И съ кипарисомъ сочетались
Младыя розы на челѣ.

И цвѣтъ, и радость срочны оба!
Непостоянство имъ законъ;
А кипарисъ насъ ждетъ у гроба
И неизмѣненъ намъ, какъ онъ.

Усталымъ отъ земныхъ обмановъ
Даетъ онъ дружескую сѣнь;
Вдали—надъ нимъ покровъ тумановъ,
Вблизи—надъ нимъ свѣтлѣетъ день!

Пусть цѣль таится сокровенно
Отъ слабыхъ глазъ мірскихъ невѣждъ;

Жизнь есть предчувствіе священно,
Смерть — разрѣшеніе надеждъ.

Скажи, съ довѣріемъ сердечнымъ
Въ міръ новый отпуская тѣнь,
Что жизнь и смерть предъ солнцемъ вѣчнымъ
Въ одинъ сольются свѣтлый день!

Такъ вѣришь ты: къ чему-же трепетъ?
Страхъ тайны чувствомъ разрѣши.—
Ахъ! что разсудка гордый лепетъ
Предъ убѣжденіемъ души.

CCXI.

ПИШИ ПРОПАЛО.

Съ надежды часто взятки гладки,
Нельзя ея посуловъ счесть,
А какъ придется на остатки
Тебѣ концы съ концами свесть:
Обманщицъ—будто не бывало,
И въ свой приходъ пиши пропало!

„Какъ счастливъ я! „дождешься мѣста“
„Сказалъ мнѣ князь наединѣ,
„По гробъ любить клялась невѣста,
„Должникъ заплатитъ завтра мнѣ...
„Ты вѣришь?—вѣрилъ я, бывало,
„Но мой припѣвъ: пиши пропало!

„Мою дадутъ сегодня драму,
„Ужъ слышу громкое „браво!“
„Соперникамъ я вырылъ яму,
„И съ похвалою торжество
„Меня въ храмъ славы записало!
Партеръ свиститъ—пиши пропало!

Съ метрическою ссорясь книгой,
Сочтя годовъ десятковъ шесть,
Мелина! хочешь ты подъ иго
Народъ любовниковъ подвесть.
Уймись! и зеркало сказало—
Тебѣ давно: пиши пропало!

„Невѣрная мнѣ измѣнила,
„Нельзя мнѣ грусти пережить;
„Но дай бумаги и чернила.
„Отъ словъ укорныхъ, можетъ-быть,
„Въ ней совѣсти проснется жало?
Пиши, пиши, пиши пропало!

Немногимъ жизнь плоды приноситъ,
Не всякъ-бы могъ сказать: живу!
И время дни иного коситъ,
Какъ непотребную траву.
Какъ смерть опуститъ покрывало,
Болтунъ! скажи: пиши пропало!

CCXII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Ошибку у меня поймавъ, тотчасъ съ улыбкой
Спѣшите вы о ней трубить въ трубы молвы;
Согласенъ! я пишу съ ошибками... Но вы,
Вы врядъ не пишите-ль ошибкой.

2.

Какого общества быть можетъ живописцемъ
Нашъ тротуарный Аддиссонъ?
Въ хорошее не проникаетъ онъ,
Въ дурномъ—онъ будетъ вдругъ и судіей и истцемъ.

CCXIII.

ГРАФИНЯМЪ С. И. и С. И. ЧЕРНЫШЕВЫМЪ,
ВЪ ПРОѢЗДЪ ИХЪ ЧЕРЕЗЪ МОСКВУ.

Зачѣмъ вы ѣдете отъ насъ,
Или зачѣмъ насъ посѣтили?
Непрочность радости, мелькнувшей намъ на часъ,
Мы сожалѣньемъ заплатили!

Зачѣмъ хотите намъ вы подтвердить урокъ,
Который и безъ васъ намъ мудрость натвердила,
Что наслажденіе нигдѣ не старожило,
И что прекрасное дается здѣсь на срокъ!

Вы увлекательны, какъ счастья образъ милый,
Какъ первая любовь неопытной души;
Какъ радость ясны вы, какъ младость хороши,
Зачѣмъ же, какъ они, вы также легкокрылы?

Невѣдѣньемъ о прелестяхъ своихъ,
Любезностью, непринужденьемъ,
Вы служите счастливымъ исключеньемъ
Въ кругу соперницъ молодыхъ.

Ахъ! будьте исключеньемъ дивнымъ.
И въ мірѣ нравственномъ на зло самимъ судьбамъ
Заставьте вѣрить насъ отрадамъ непрерывнымъ,
И постоянство благъ вы оправдайте намъ!

Не дайте знать печаль разлуки,
И, оставаясь здѣсь, докажете собой,
Что радость милая, которой вы порука,
Не перелетный гость въ обители земной.

CCXIV.

ТОГО-СЕГО.

Того-сего плѣнительную смѣсь
Всегда люблю, вездѣ желаю!
Однообразіемъ скучаю,
И за столомъ прошу, и здѣсь
Того-сего.

Старикъ Вольтеръ даръ угождать имѣлъ
Царямъ, философамъ, повѣсамъ,
Онъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ,
И кстати подносить умѣлъ
Того-сего.

Фирсъ жилъ въ гостяхъ; теперь домкомъ живетъ.
Фирсъ вѣрно получилъ наслѣдство?
Нѣтъ! онъ нашелъ вѣрнѣе средство:
Въ судѣ устроился на счетъ
Того-сего.

Куда какъ пустъ Лужницкаго журналъ!
Какой онъ тощій и тяжелой,
Ни то, ни се въ тетради цѣлой,

Хотя онъ въ ней и обобралъ
Того-сего.

Смотрите льстецъ въ сѣняхъ у баръ большихъ,
Вертится онъ, какъ флюгеръ гибкой,
Торгуетъ вздохами, улыбкой,
Всегда придерживаться лихъ
Того-сего.

И самъ Зевесъ, давъ волю процвѣтать
Злымъ, добрымъ, хмѣлю и крапивѣ,
Хотѣлъ, чтобъ на житейской нивѣ
Пришлося намъ поиспытать
Того-сего.

CCXV.

МЛАДОЙ ПѢВЕЦЪ.

Видали-ль вы, какъ на закатѣ дня
Младой пѣвецъ всходилъ на холмъ уныло,
Какъ провожалъ онъ взорами свѣтило,
Когда въ волнахъ румянаго огня
Оно лучомъ прощальнымъ золотило
Вечернихъ облаковъ края?

Слыхали-ль вы пѣвца печальный стихъ,
Когда онъ пѣлъ надеждъ своихъ утрату,
Измѣну пѣлъ, любви коварной плату
За жертву ей всѣхъ радостей земныхъ,
Какъ примѣнялъ вечернему закату
Закатъ онъ раннихъ дней своихъ?

Тоска его прозрѣла близкій часъ,
Ужъ нѣтъ пѣвца на холмѣ одинокомъ,
И замерла вчера во снѣ глубокомъ
Пѣснь юноши, какъ лебединый гласъ!
Младой пѣвецъ, сраженный гнѣвнымъ рокомъ,
Съ зарей вечернею погасъ!

CCXVI.

НЕДОВОЛЬНЫЙ

(Съ французскаго).

Какихъ намъ благъ просить отъ Бога?
Фортуны?—Слишкомъ быстронога,
Едва придетъ и пропадетъ!
Чиновъ?—За ними рой заботъ!
Высокихъ титловъ?—Тщетны звуки!
Богатства?—Не запасъ отъ скуки.
Съ мѣшками будешь самъ мѣшокъ!
Великодушія?—Порокъ
Воюетъ съ нимъ открытой бранью!
Похвалъ?—Глупцамъ бываютъ данью!
Достоинствъ?—Зависти змія
Вопьется яростно въ тебя!
Познаній?—Въ кладезѣ глубокомъ
Невѣрнымъ и туманнымъ окомъ
Не сыщешь дна, не видишь зги!
Любви?—Не уживешься съ нею!
Жены?—Попытка въ лотерею!
Друзей?—Опасные враги!
Вина?—Но грустно протрезвиться!
Роскошныхъ яствъ?—Въ аптекахъ рыться!

Горячей крови? — Разожжетъ!
Холоднокровья?—Будетъ ледъ!
Ума?—Вожатый ненадежный,
Болтунъ подчасъ неосторожный!
Союза мудрости?—Она
Безъ зва подъ старость посѣщаетъ,
Когда намъ болѣ не нужна,
И каждый мудрецомъ бываетъ.
Съ убыткомъ счастья пополамъ!
Покоя?—И къ монастырямъ
Ему заложена дорога!
Какихъ же благъ просить отъ Бога?

CCXVII.

КЪ КНЯЖНѢ ***,

при посылкѣ ей моихъ пѣсенъ.

За пару строчекъ мѣрныхъ словъ,
Тяжелой почтою стиховъ
Отправленныхъ на упокой въ журналы,
Поэты ремесломъ, лжецы и самохвалы,
Твердятъ вездѣ, что имъ знакомъ *языкъ боговъ*!
Такую честь себѣ присвоить не посмѣю,
Но, строго заповѣдь смиренія храня,
Отъ тайной гордости сберечься не умѣю,
Когда вы просите риѳмъ скучныхъ отъ меня!
Искусства звучнаго могуществомъ прекраснымъ
И голосомъ своимъ, всегда душѣ подвластнымъ,
Всегда владѣющихъ душой,
Преобразите вы ничтожный лепетъ мой
Въ языкъ возвышенный, въ языкъ любви прелестной.
Вливая чувства жаръ въ перерожденный стихъ,
Похитите съ земли, изъ-за границы тѣсной,
Въ міръ лучшій, въ стройный міръ гармоніи небесной,
И пѣсни слабыя и слушателей ихъ!

Такъ! если вашимъ я вниманьемъ удостоенъ
И призрѣли мой даръ подъ вѣрный свой покровъ,
То радъ и я признать божественность стиховъ,—
И можетъ ли языкъ, что̀ вами былъ присвоенъ,
Не быть языкъ боговъ?

CCXVIII.

ЧЕРТА МѢСТНОСТИ.

Прочесть ли вамъ любовное посланье?
„Радъ слушать васъ!“ — Прошу совѣтовъ я!
Домъ, гдѣ сидитъ владычица моя!
„Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье:
Я бъ не сказалъ — *сидитъ*, да ужъ и *домъ*,
Мнѣ кажется, не ладитъ со стихомъ.
Не лучше ли: *живетъ* иль *обитаетъ*,
И *домъ* смѣнить на *храмъ*, или *чертогъ*?
Любовь во храмъ и хату претворяетъ,
Къ тому жъ въ стихамъ идетъ высокій слогъ!“
Такъ, спѣсь и мнѣ нарѣчья музъ знакома;
Но здѣсь въ стихѣ есть мѣстная черта:
Несчастная, младая красота
Сидитъ въ стѣнахъ смирительнаго дома!

CCXIX.

ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

Съ подагрою въ груди супругъ сѣдой,
Предчувствуя ужъ запахъ близкій ели,
Въ послѣдній часъ, на роковой постели,
Прощаяся съ молоденькой женой,
Ей говорилъ сквозь кашель и сквозь слезы:
Вдовой тебя оставить больно мнѣ!
Но, ахъ! еще мучительнѣй вдвойнѣ
Мнѣ страхъ, что годъ пройдетъ и снова розы,
Моимъ въ гробу ругаясь крѣпкимъ сномъ,
Блеснутъ тебѣ предъ брачнымъ алтаремъ...
Другой супругъ... за гробомъ ревность мучитъ.
Ты молода... вдовѣть тебѣ соскучитъ...
— „Охъ, нѣтъ! жена въ отвѣтъ ему: клянусь,
Голубчикъ мой, что твой поклепъ обиденъ!
Дай овдовѣть: вдовства я не боюсь,
Мнѣ жребій вдовъ былъ завсегда завиденъ!“

CCXX.

КЪ ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРѢ.

Двоюродной сестрѣ писать мнѣ трудъ напрасный,
Что ни скажу я ей, все будетъ не въ попадъ;
Не будь ты такъ мила, я пѣть тебя бы радъ,
Но не велитъ писать разсудокъ мнѣ прекрасной
Двоюродной сестрѣ.

Двоюродной сказать: люблю! я не дерзаю.
А видя разъ тебя, кто можетъ не любить?
Сказавъ: люблю! родство боюсь я оскорбить,
А не сказавъ, любовь мою я оскорбляю
Къ двоюродной сестрѣ.

Нѣтъ! нѣтъ! уволь меня, промолвиться опасно
И беззаконникомъ поэта назовутъ;
Другіе пусть тебя и любятъ и поютъ,
А жребій мой молчать и думать о прекрасной
Двоюродной сестрѣ.

CCXXI.

КЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛИЗНЕЦАМЪ

(М. А. Дмитріеву и А. И. Писареву).

Цыпъ! цыпъ! сердитыя малютки!
Вамъ злиться право не подъ стать,
Скажите: стоило-ль изъ шутки
Вамъ страшный пискъ такой поднять?
Напрасна вашихъ силъ утрата!
И такъ со смѣхомъ всѣ глядятъ,
Какъ раздраженные цыплята
Распѣтушились не въ попадъ!

CCXXII.

ДВѢ ЛУНЫ

(застольная пѣсня).

Посмотрите, какъ полна
Златоликая луна!
Словно чаша круговая
Посреди ночныхъ огней,
Словно скатерть голубая,
Растилается подъ ней.

Посмотрите какъ свѣтла
Чаша чистаго стекла!
Златомъ гроздій благовонныхъ
Какъ сіяетъ намъ она,
Полуночниковъ безсонныхъ
Незакатная луна!
Хороша небесъ луна—
Но надежна-ли она?
Нѣтъ, въ красоткѣ вѣроломной
Постоянства не найти:
То сидитъ за тучкой темной,
То убудетъ—и прости!
А застольная луна
Постоянно намъ вѣрна,
Все по мѣрѣ жажды краше
Съ погребовъ встаетъ она:
Застраховано намъ въ чашѣ
Полнолуніе вина.
Про небесную луну
Я и то упомяну:
На нее глаза таращишь
Да и только! какъ тутъ быть
Но съ небесъ ее не стащишь
И зубами не схватить.
А ручная-то луна
Словно нѣжная жена!
Такъ и льнетъ къ губамъ любовно,
Какъ домашняя, своя!
Въ душу такъ и льется ровно
Закадышная струя!

CCXXIII.

ЭПИГРАММЫ И ЗАМѢТКИ.

1.

Чтобъ васъ оставить васъ я вижу—
Злой духъ-ли мнѣ вредитъ илъ ангелъ мнѣ щитомъ
Не знаю я! Судьбу въ волненіи своемъ
Благодарю и ненавижу.

2.

Тебѣ одной, тебѣ быть Антигоной можно,
Путеводителемъ несчастнаго отца!
Мы видѣли не разъ, какъ осторожно
Водила за носъ ты крылатаго слѣпца.

3.

Предъ хоромъ ангеловъ семья святая
Поетъ небесну благодать,
А здѣсь семья земная
По дудкѣ насъ своей заставитъ всѣхъ плясать.

1826 г.

CCXXIV.

ЗАПРЕТНАЯ РОЗА.

Прелестный цвѣтъ, душистый, ненаглядный,
Московскихъ розъ царица и краса!
Вотще тебя свѣжитъ зефиръ прохладный,
Заря златитъ и серебритъ роса.
Судьбою злой гонимая жестоко,
Свой красный день ты тратишь одиноко.
Ты про себя таишь дары свои:
Румянецъ свой, и медъ и запахъ сладкой
И съ завистью пчела любви, украдкой,
Глядитъ на цвѣтъ, запретный для любви.
Тебя, цвѣтокъ, коварствомъ безкорыстнымъ
Похитилъ шмель, пчелѣ и розѣ врагъ;
Онъ оскорбилъ лобзаньемъ ненавистнымъ,
Онъ погубилъ весну надеждъ и благъ.
Счастливъ, кто, снявъ съ цвѣтка запретъ враждебный
И возвративъ ее пчелѣ любви,
Ей скажетъ: цвѣтъ прелестный! цвѣтъ волшебный!
Познай весну и къ счастью оживи!

CCXXV.

КОЛЯСКА.

(Отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ).

Вмѣсто предисловія.

Томясь житьемъ однообразнымъ,
Люблю свой странническій домъ;
Люблю быть дѣятельно-праздным
Въ уединеньи кочевомъ.
Люблю, готовъ сознаться въ томъ —
Ярмо привычекъ свергнувъ съ выи,
Кидаться въ новыя стихіи
И обновляться существомъ.
Боюсь примерзнуть сиднемъ къ мѣсту
И, волю осязать любя,
Пытаюсь убѣждать себя,
Что я не подлежу аресту.
Прости, шлагбаумъ городской,
И городъ, гдѣ всегда на стражѣ
Заботъ безсмѣнныхъ пестрый строй,
А жизнь безцвѣтная все та же;
Гдѣ бредятъ, судятъ, мыслятъ даже
Всегда по таксѣ цеховой.
Прости, блестящая столица!

Великолѣпная темница,
Великолѣпный желтый домъ,
Гдѣ сумасброды съ бритымъ лбомъ,
Гдѣ плѣнники слѣпыхъ дурачествъ,
Различныхъ званій, лѣтъ и качествъ,
Кряхтятъ и пляшутъ подъ ярмомъ.
Не разъ мнѣ съ дѣла и съ бездѣлья,
Не разъ съ унынья и съ веселья,
Съ излишества добра и зла,
Съ тоски столичнаго похмѣлья,
О четырехъ колесахъ келья
Душеспасительна была.
Хоть тѣлу мало въ ней простору,
Но духомъ на просторѣ я:
И недоступные обзору
Изъ глазъ бѣгущіе края,
И вольный міръ воздушной степи,
Свободный путь свободныхъ птицъ,
Которымъ чужды наши цѣпи;
Рѣкой, безъ рýсла, безъ границъ,
Какъ волны льющіяся тучи;
Здѣсь лѣсъ обширный и дремучій,
Тамъ море жатвы золотой;
Все тѣшитъ глазъ разнообразно
Картиной стройной и живой,
И мысль свободно и развязно,
Сама, какъ птица на лету,
Паритъ, кружится и ныряетъ
И мимолетомъ обнимаетъ
И даль, и глубь, и высоту.
И все, что̀ на душѣ подъ спудомъ
Дремало въ непробудномъ снѣ,
На свѣжемъ воздухѣ, какъ чудомъ,
Все быстро ожило во мнѣ.
Несется легкая коляска,
И съ ней легко несется умъ,

И вереницу свѣтлыхъ думъ
Мчитъ фантастическая пляска.
То по открытому листу,
За подписью воображенья,
Переношусь съ мечты въ мечту;
То на ночлегѣ размышленья
Съ собой разсчитываюсь я:
Въ расходной книжкѣ бытія,
Я убыль съ прибылью сличаю;
Итогъ со страхомъ повѣряю
И контролирую себя.
Такъ! отъѣзжать люблю порою,
Чтобъ въ самого себя войти
И говорю другимъ: прости!
Чтобъ поздороваться съ собою.
Не понимаю, какъ иной
Живетъ и мыслитъ въ то же время,
То-есть живетъ, какъ наше племя
Живетъ — подъ вихремъ и грозой.
Мнѣ-такъ не въ мочь двойное бремя:
Когда живу, то ужъ живу,
Такъ что и мысли не промыслить.
Когда же вздумается мыслить,
То умираю на яву.
Теперь я мертвъ, и слава Богу!
Таюсь въ кочующемъ гробу,
И муза грѣшному рабу
Пріулыбнулась на дорогу.
Глупцы! не миновать ужъ вамъ
Моихъ дорожныхъ эпиграммъ!
Сатиры бичъ въ дорогѣ кстати:
Имъ васъ огрѣю по ушамъ,
Опричники журнальной рати,
Съ мечемъ гусинымъ по бокамъ.
Писать мнѣ часто нѣтъ охоты,
Писать мнѣ часто недосугъ:

Умъ вянетъ отъ ручной работы,
Вмѣняя трудъ себѣ въ недугъ;
Чернильница, бумага, перья,
Все это смотритъ ремесломъ;
Сидишь за письменнымъ столомъ
Живымъ подобьемъ подмастерья
За цеховымъ его станкомъ.
Я не терплю ни въ чемъ обузы
И многіе мои стихи, —
Какъ быть? дорожные грѣхи
Праздношатающейся музы.
Равно движенье нужно намъ,
Чтобы расторгнуть лѣни узы:
Люблю по нивамъ, по горамъ
За тридевять земель, какъ въ сказкѣ,
Летать за музой по слѣдамъ
Въ стихоподатливой коляскѣ;
Земли не слышу подъ собой
И только на толчкѣ, иль въ ямѣ,
Или на рифмѣ поупрямѣй
Опомнится ѣздокъ земной.
Друзья! посудите вы строже
О неосѣдлости моей:
Любить разлуку точно тоже,
Что не любить своихъ друзей.
Есть призракъ правды въ сей посылкѣ:
Но васъ ли бѣгаю, друзья,
Когда по добровольной ссылкѣ
Въ коляскѣ постригаюсь я?
Кто лямку тянетъ въ свѣтской службѣ,
Кому та лямка дорога,
Тотъ и себѣ уже и дружбѣ
Плохой товарищъ и слуга.
То пустослова слушай сказки,
То на смѣхъ сердцу и уму
Самъ дань плати притворной ласки

Богъ вѣсть кому, Богъ вѣсть къ чему;
Всю жизнь окрась въ чужія краски,
И какъ ни душно, а съ лица
Сначала пытки до конца
Ты не снимай обрядной маски;
Учись, какъ труженикъ иной,
Безмолвнѣй строгаго траписта,
Съ колодой вѣчныхъ картъ въ рукахъ
Доигрываетъ робертъ виста
И робертъ жизни на крестахъ;
Какъ тотъ въ бумагахъ утопаетъ,
И Геркулесъ на пустяки,
Слоновъ сквозь пальцы пропускаетъ
А на букашкѣ напираетъ
Всей силой воли и руки.
Приписанный къ приличьямъ въ крѣпость,
Ты за нелѣпостью нелѣпость
Вторь, слушай, дѣлай и читай,
И свѣтской барщины неволю
По отмежеванному полю
Безпрекословно исправляй.
Гдѣ-жъ тутъ за общимъ недосугомъ
Есть время быть съ собой, иль съ другомъ,
Знакомый пѣснью намъ пострѣлъ
Смѣшнымъ отказомъ гнать умѣлъ
Заимодавцевъ изъ прихожей;
Подъ стать и намъ его отвѣтъ,
И для самихъ себя насъ тоже,
Какъ ни спросись, а дома нѣтъ!
По мнѣ ошибкой моралисты
Твердятъ, что люди эгоисты.
Гдѣ эгоизмъ? кто полный *я*?
Кто не въ долгу предъ этимъ словомъ?
Нѣтъ, *я* глядитъ въ изданьи новомъ
Анахронизмомъ словаря.
Держася круговой поруки,

Среди *житейской* кутерьмы,
Забавъ, досадъ, вражды и скуки
Взаимно вкладчиками мы,
Мы, выживъ *я* изъ человѣка,
Есть слово нынѣшняго вѣка;
Всѣ *мы*, да *мы*; наперечетъ
Всѣ на толкучемъ рынкѣ свѣта
Судьбой отсчитанныя лѣта
Торопимся прожить въ народъ.
Какъ будто стыдно поскупиться
И днемъ единымъ поживиться
Изъ жизни, отданной въ расходъ.
Все для толпы — и вѣчно жадной
Толпою все поглощено.
Силъ нашихъ хищникъ безпощадной
Уноситъ насъ волною хладной
Иль топитъ безъ вѣсти на дно:
Дробь мелкой дроби въ общей смѣтѣ
Вся жизнь, затерянная въ свѣтѣ,
Какъ бурей загнанный ручей
Въ сѣдую глубь морскихъ зыбей,
Кипитъ, тѣснится, въ сшибкахъ стонетъ,
Но, не прорѣзавъ ни слѣда,
Въ пучинѣ водъ глубокихъ тонетъ
И пропадаетъ навсегда.
Но между тѣмъ какъ стихотворный
Скакунъ, заносчивый подъ часъ,
Мой избалованный Пегасъ,
Уздѣ строптиво-непокорный,
Гулялъ, разсудка не спросясь,
И по проселкамъ своевольно
Бѣсился подо мной довольно,
Прекраснымъ всадникомъ гордясь:
Пегаса сродники земные,
Пегасы просто почтовые
Меня до почты довезли.

Да чуть и мнѣ ужъ не пора ли
Свернуть изъ баснословной дали
На почву прозы и земли!
Друзья! боюсь, чтобъ бѣгъ мой дальной
Не утомилъ васъ, если вы,
Простя мнѣ пылъ первоначальной,
Дойдете до конца главы
Полу-пустой, полу-моральной,
Полу-смѣшной, полу-печальной,
Которой бѣдный Йорикъ вашъ
Открылъ журналъ сентиментальной,
Куда заноситъ дурь и блажь
Своей отваги повиральной.
Всѣ скажутъ: съ нимъ двойной подрывъ,
И съ нимъ что далѣе, то хуже;
Поэтъ болтливый, онъ къ тому же
Какъ путешественникъ болтливъ!
Нѣтъ, дайте срокъ: стиховъ разбѣга
Не могъ сперва я одолѣть,
Но обѣщаюсь присмирѣть.
Теперь до новаго ночлега
Простите... *(продолженье впредь).*

CCXXVI.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Въ Клеонѣ видишь ты двуличнаго льстеца,
И говоришь: „Страшись податься на приманку!“
Гдѣ въ немъ двуличность? въ немъ и не найдешь лица,
А только съ пятнами изнанку!

II.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не даромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мертвецовъ,
Онъ Русскимъ геніемъ пожалованъ въ Парижѣ:
Отдѣлкой языка, сказать и я готовъ,
Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ ближе,
А творчествомъ, огнемъ и полнотой стиховъ
Онъ развѣ малымъ чѣмъ Хераскова пониже.

III.

НАШИ ЛАРОШФУКО.

Въ журналахъ нашихъ всѣхъ мыслителей исчисли!
Въ журналахъ мѣста нѣтъ отъ мыслей записныхъ, —
Въ нихъ недостатка нѣтъ; но въ мысляхъ-то самихъ
Недостаетъ чего-то: „мысли!“

CCXXVII.

БАСНИ

(съ Польскаго изъ Красицкаго).

1.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ БАСНЯМЪ.

Былъ юноша въ своихъ желаньяхъ скромный;
Былъ временьщикъ, царя не льстецъ наемный;
Былъ счастья баловень, несчастныхъ опекунъ;
Поэтъ не сумасбродъ и воинъ не хвастунъ;
Былъ журналистъ, оцѣнщикъ безпристрастный;
Былъ судія, вліяньямъ не подвластный;
Былъ вѣрный мужъ; старикъ, не спорщикъ, не брюзга;
Министръ — народныхъ правъ не баринъ, а слуга;
Писатель былъ, сопернику пріятель;
Былъ другъ, друзей въ несчастьи не предатель.
Гдѣ-жъ басня тутъ? Все то бываетъ на-яву. —
Пусть такъ; но баснью я однакожъ назову.

2.

Орелъ на воробья, сидящаго на кровлѣ,
Отправилъ ястреба, гнушаясь мелкой ловлей.
Спѣшитъ орлу ловецъ покорный дань поднесть.

Иной чѣмъ больше ѣстъ, тѣмъ больше хочетъ ѣсть:
Орелъ знать, этого придерживаясь слова,
Съ начала птицу съѣлъ, а послѣ птицелова.

3.

Смотря, какъ въ жаръ пастухъ быковъ на пойло велъ,—
Что́ за душа!—вскричалъ разнѣженный оселъ —
Какъ онъ ихъ бережетъ отъ зноя, какъ ихъ холитъ;
Въ тебѣ знать, быкъ сказалъ, и смыслъ ослиный есть,—
О насъ заботясь онъ, не намъ, себѣ мирволитъ:
Онъ водитъ къ пойлу насъ, чтобъ послѣ въ бойню свесть.

4.

Пастухъ стригъ шерсть съ овецъ и имъ твердилъ не разъ:
Вы видите, друзья, какъ я тружусь для васъ;
Быть въ пользу вамъ—мое любимое занятье!
Неблагодарные молчали. Наконецъ
Одна сказала: Самъ воздай тебѣ Творецъ!
Но изъ чего скажи сукно твое на платьѣ?

5.

Всѣмъ возрастамъ по злу отчелъ судьбины молотъ:
Сынъ плакалъ, а отецъ кряхтѣлъ,—
Сынъ воли, а отецъ здоровья не имѣлъ:
Одинъ грустилъ, что старъ, другой грустилъ, что молодъ.

6.

Для табака ли носъ, или табакъ для носа?
Заспорили до слезъ знать два молокососа.
Табашный лавочникъ, свидѣтель жаркихъ вракъ,
Назначенъ былъ отъ нихъ въ рѣшители вопроса.
О чемъ и спорить тутъ? рѣшилъ нашъ думный дьякъ:
Вѣстимо носъ на то, чтобъ нюхали табакъ.

7.

Оселъ завидовалъ — кому-бы ужъ? — барану.
Чѣмъ хуже я его? придумать не могу.
Мнѣ тяжкій трудъ: ему раздолье на лугу!
Съ глупцомъ, прервалъ баранъ, я тратить словъ не с
Но видишь-ли? Мясникъ съ ножомъ уже готовъ, —
Доволенъ будь и тѣмъ, что не ѣдятъословъ.

CCXXVIII.

О. С. ПУШКИНОЙ.

(Павлищевой).

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милой,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.

Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣлъ его—блескъ славы вѣчнольстивой,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворной будь:
Свѣти ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты услаждай тоскующую грудь.

CCXXIX.

АЛЬБОМЪ.

Альбомъ, какъ жизнь, противорѣчій смѣсь,
Смѣсь добраго, худаго, пустословья:
Здѣсь дружбы дань, тутъ свѣтскаго условья,
Тутъ жаръ любви, тамъ умничанья спѣсь.
Изящное въ немъ наряду съ ничтожнымъ,
Умъ съ глупостью, иль истинное съ ложнымъ:
Идей и чувствъ пестрѣетъ маскарадъ;
Все счетомъ, все въ обрѣзъ и по наряду;
Частехонько ни складу нѣтъ, ни ладу,
Здѣсь риѳмъ наборъ, а тамъ пустой обрядъ.
Какъ въ жизни, такъ не точно-ль и въ альбомѣ
Плоды души сжимаетъ свѣтскій ледъ,
Подъ свой аршинъ приличье всѣхъ гнететъ,
И на цѣпи, какъ узникъ въ желтомъ домѣ,
Котораго намъ видѣть смѣхъ и жаль,
Иль тотъ звѣрокъ, что къ колесу привязанъ —
Въ одномъ кругу вертѣться умъ обязанъ
И, двигаясь, не подвигаться въ даль?
Пусть отомститъ мнѣ пчелъ альбомныхъ жало,
Но я еще сравненье имъ припасъ:
Поэзіи и меда въ жизни мало,

А въ ихъ стихахъ и менѣе подъ часъ.
Къ цвѣтнымъ листкамъ альбомовъ стихъ болтливый
Радъ примѣнить пестрѣющіе дни:
Есть свѣтлые, какъ радуги отливы,
Есть темные, померкшіе въ тѣни!
Какъ на вѣку день на день не придется
И будни въ слѣдъ за праздникомъ; равно
Въ альбомѣ тожъ: здѣсь сердце улыбнется,
А тамъ зѣвнетъ съ разсудкомъ за одно.
Иной листокъ для памяти сердечной
Дороже намъ поэмы долговѣчной,
И день иной намъ памятнѣй, чѣмъ рядъ
Безплодныхъ лѣтъ, что выдохлись, какъ чадъ.
Счастливъ, кому, по милости фортуны,
Отсчитанъ день для сердца вѣчноюный!
Счастливъ и тотъ, чей стихъ, любовь друзей,
Какъ сердца звукъ на сердцѣ отзовется:
Тотъ безъ молвы стотрубной обойдется
И безъ прислугъ журнальныхъ трубачей!
Боясь въ дверяхъ безсмертья душной давки,
Я не стремлюсь на полки книжной лавки
И счастья жду въ смиренномъ уголкѣ.
Пусть гордый свѣтъ меня купаетъ въ Летѣ,
Лишь былъ бы я у дружбы на примѣтѣ
И живъ у васъ на памятномъ листкѣ.

CCXXX.

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Мятежной влаги властелинъ!
Надъ тишиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ!
Жемчужною, кипящей лавой,
За валомъ низвергая валъ,
Сердитой, дикой, величавой
Перебѣгай ступени скалъ!
Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
Вдали ихъ представляетъ бой.
Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летишь, какъ геній непогодъ.
Я мыслью погружаюсь въ шумѣ
Междоусобно-бурныхъ водъ.
Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленныя тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,
На немъ цвѣтетъ весны краса,
И вмѣстѣ миру и волненью
Свѣтлѣютъ тѣже небеса.
Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.
Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменьемъ тревогъ,
Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ.
Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.
Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ.

CCXXXI

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

„День черный — пятница“ кричитъ
Намъ суевѣръ, покорный страху,
И повѣряетъ жизни бытъ
По Брюсовскому альманаху.
Счастливцу каждый день хорошъ,
Но кто у счастья въ черномъ тѣлѣ
По неудачамъ тотъ и сплошь
Сочтетъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Ужъ былъ я въ пятницу дуракъ!“
Какъ будто въ пятницу? „какъ въ ящикъ,
Меня упрятали въ просакъ
Жена, пріятель и прикащикъ!“
Мой другъ, нейдетъ попытка въ счетъ;
Баръ многихъ вижу я отселѣ,
У коихъ дома круглый годъ
Твоихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Женюсь! Нѣтъ, путь женатыхъ скользкъ.
Подамъ въ отставку! Нѣтъ, ни слова!
Въ Парижъ поѣду! Нѣтъ, въ Тобольскъ!
Прочту Сенеку! Нѣтъ, Графова!“

Такъ завсегда по колесу
Вертятся мысли въ пустомелѣ,
Вотъ, что зовется—на часу
Имѣть семь пятницъ на недѣлѣ.

Устроивъ флюгеръ изъ пера,
Иной такъ пишетъ, какъ подуетъ:
У тѣхъ, на коихъ вралъ вчера,
Сегодня ножки онъ цѣлуетъ.
Флюгаринъ иль Фигляринъ, тотъ
Набилъ ужъ руку въ этомъ дѣлѣ,
Онъ и семь совѣстей сочтетъ,
Да и семь пятницъ на недѣлѣ.

У должниковъ и знатныхъ баръ
Дню нынѣ завтра не намѣстникъ:
День завтра часто очень старъ,
И не упомнишь, чей ровесникъ;
Онъ день отмѣнный, и сравню
Его я съ первымъ днемъ въ апрѣлѣ:
Кто вѣритъ завтрашнему дню,
Тотъ знай семь пятницъ на недѣлѣ.

„Эрнестъ въ бреду: вдругъ слезы льетъ,
Вдругъ пляшетъ, то клянетъ, то молитъ,
То волоса съ себя деретъ,
То онъ ихъ въ кудри вьетъ и холитъ!“
Сей бредъ по имени зови,
Когда слыхалъ о хитромъ Лелѣ;
Эрнестъ влюбленъ, а у любви
Всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ
И семь чудесъ намъ древность славитъ,
Владыкѣ снилось семь коровъ,
Римъ семь холмовъ подошвой давитъ,
Семь городовъ входили въ споръ

О славной Грекамъ колыбелѣ,
Да и вездѣ, какъ на подборъ
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Пригнали въ пятницу меня
Къ брегамъ попутныя желанья:
Друзья, изъ буднишняго дня
Будь праздникъ свѣтлаго свиданья!
Играй вино на чистомъ днѣ,
Какъ кровь играетъ въ юномъ тѣлѣ!
О небо, ввѣкъ даруй ты мнѣ
Такихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

CCXXXII.

КЪ МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦѢ.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрится мнѣ радость,
И розами твоя увѣнчанная младость
Есть дня холоднаго блестящая заря.
Нѣтъ прозаическаго счастья
Для поэтической души:
Поэзіей любви дни наши хороши,
А ты чужда ея святаго сладострастья.
Нѣтъ, нѣтъ — онъ не любимъ тобой;
Нѣтъ, ты любить его не можешь;
Въ стихіи спорныя одно движенье вложишь,
Съ фальшивымъ вѣрный звукъ сольешь въ согласный строй,
Насильствомъ хитраго искусства
Стѣсненная, творитъ природа чудеса,
Но не позволятъ небеса,
Чтобъ предразсудковъ власть уравнивала чувства.
Сердцамъ избраннымъ данъ языкъ,
Непосвященному невнятной,—
Кто таинства его съ рожденья не проникъ,
Тотъ непостигнетъ ихъ награды благодатной.

Гдѣ въ двухъ сердцахъ нѣтъ тайнаго сродства,
Повѣрья общаго, сочувствія, понятья;
Тамъ холодны любви права,
Тамъ холодны любви объятья!
Товарищи въ земномъ плѣну житейскихъ узъ,
Другъ другу чужды вы внѣ роковаго круга:
Не Промыслъ васъ берегъ и прочилъ другъ для друга,
Но свѣта произволъ вамъ наложилъ союзъ.
Я знаю, ты не лицемѣришь:
Какъ свѣжая роса, душа твоя свѣтла,
Но суевѣрная разсудку слѣпо вѣришь
И сердце на его поруку отдала.
Ты вѣришь, что, какъ честь, насильственнымъ обѣтомъ
И сердце вольное нетрудно обложить
И что ему подъ добровольнымъ гнетомъ
Долгъ можетъ счастье замѣнить!
О женщины, какой мудрецъ васъ разгадаетъ?
Въ васъ двѣ природы, въ васъ два спорятъ существа.
Въ васъ часто любитъ голова
И часто сердце разсуждаетъ.
Но силой ли души, иль слѣпотой почесть,
Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,
Надежды лучшія дерзаете принесть
На жертвенникъ обязанности строгой?
Что къ отреченью васъ влечетъ? какая власть
Васъ счастья призракомъ даритъ на плахѣ счастья?
Смиренья-ль чистаго возвышенная страсть,
Иль безмятежный сонъ холоднаго безстрастья?
Вы совершеннѣй-ли иль хладнокровнѣй насъ?
Вы жизни выше-ли, иль какъ въ избранный камень
Отъ Пигмальоновой любви, равно и въ васъ,
Пролиться долженъ чистый пламень?
Иль, въ тяжбѣ съ обществомъ и съ силою въ борьбѣ,
Страшась испытывать игру превратныхъ долей,
Заранѣ ищете убѣжища себѣ
Въ благоразумьѣ и неволѣ?

Умѣренность — разсчетъ, когда начнутъ отъ лѣтъ
Умъ болѣ повѣрять, а сердце менѣй вѣрить,
Необходимостью свои желанья мѣрить —
Намъ и природы гласъ и опыта совѣтъ.
Но въ возрастъ тотъ, когда еще сокрытъ отъ насъ,
Въ мерцаньи радужномъ, печальныхъ истинъ свитокъ,
Для сердца жаднаго и самый благъ избытокъ
Есть недостаточный запасъ.
А ты, разбивъ сосудъ волшебный
И съ жизни оборвавъ поэзіи цвѣты,
Чѣмъ сердце обольстишь, когда рукой враждебной
Сердечный міръ разворожила ты?
Есть къ счастью выдержка въ долинѣ золъ и плача;
Но въ свѣтъ заброшенный небесный сей залогъ,
Не положительный извѣстныхъ благъ итогъ,
Не алгеброй ума рѣшенная задача.
Нѣтъ, вдохновеніемъ дается счастье намъ,
Какъ искра творчества живой душѣ поэта,
Какъ розѣ свѣжій ѳиміамъ,
Какъ нѣга звучная пѣвцу любви и лѣта.
И горе смертному, который въ слѣпотѣ
Взысканьямъ общества сей вышній даръ уступитъ,
Иль, робко жертвуя приличью и тщетѣ,
Земныя выгоды его цѣною купитъ.
Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрится мнѣ радость,
И розами твоя увѣнчанная младость
Есть дня холоднаго блестящая заря.
Съ полудня свѣтлаго переселенецъ милой,
Цвѣтокъ, предчувствіе о лучшей сторонѣ,
Къ растенью сѣвера привитый гнѣвной силой,
Цвѣтетъ нерадостно, тоскуя по веснѣ.
Иль, жертва долгая минуты ослѣпленья,
Младая Пери, дочь воздушныя семьи,
Изъ части благъ земныхъ не почерпнетъ забвенья
Обѣтованныхъ ей восторговъ и любви.

Любуйся тишиной подъ небомъ безмятежнымъ,
Но хладъ разсудка, хладъ до сердца не проникъ;
Въ немъ пламень не потухъ: такъ подъ уборомъ снѣжны[redacted]
Кипитъ невидимо земныхъ огней тайникъ.
Въ сердечномъ забытьи, а не во снѣ спокойномъ,
Еще таишь въ себѣ мятежныхъ думъ слѣды;
Еще тоскуешь ты о буряхъ, небѣ знойномъ,
Подъ коимъ зрѣютъ въ насъ душевные плоды.
Завидуя мученьямъ милымъ
И бурнымъ радостямъ, невѣдомымъ тебѣ,
Хотѣла-бъ жертвовать ты счастіемъ постылымъ
Страстей волненью и борьбѣ.

Еще невыразимымъ взглядомъ,
Восторгами волнуетъ грудь,
И по долинѣ жизни рядомъ
Со мной свершаетъ тяжкій путь.
Глаза любуются прилежно
Струями черными волосъ,
Которые Зефиръ небрежно
По мраморнымъ плечамъ разнёсъ.
На головѣ твоей прелестной
Изъ свѣжихъ яхонтовъ нарядъ,
Въ одеждѣ синевы небесной
Твой стройный станъ красиво сжатъ.
Какъ мягкое, струисто злато,
Роскошнаго Востока дань,
Волнуясь, падаетъ богато
На плечи брошенная ткань.
Еще я при тебѣ печальный,
Тоской окованный, стою,
И жадно голосъ твой прощальный
Въ пустынномъ воздухѣ ловлю.
Все, что̀ похитилъ жребій гнѣвный,
Все, что́ ни взвидѣлъ взоръ слѣпый
Я перенесъ въ тайникъ душевный
Отъ глазъ завистливой толпы.
Тамъ поклоненьемъ нераздѣльнымъ
Боготворю любви кумиръ,
И тамъ желаньямъ безпредѣльнымъ
Открытъ мечты безбрежный міръ.
Другъ вѣрный, неизмѣнной думѣ,
Вездѣ сопутствуешь ты мнѣ:
Съ одной тобой я въ свѣтскомъ шумѣ,
Съ одной тобой на-единѣ.
Во всѣхъ явленіяхъ природы
Зрю отпечатокъ красоты:
Твой образъ отражаютъ воды
И въ чистомъ утрѣ свѣтишь ты!

CCXXXIV.

ЛУГА.

Луга, широкіе луга!
Гдѣ отъ овечьяго врага
Свое я сберегала стадо,
Простите! — Завтра на вѣнки
Не мнѣ ужъ съ васъ срывать цвѣтки,
Простите! васъ покинуть надо!

Луга, широкіе луга!
Вы отъ дѣвичьяго врага
Не сберегли своей пастушки!
Красавецъ сердце обольстилъ,
Невѣрный сердцемъ пошутилъ,
И клятвы всѣ его игрушки.

Луга, широкіе луга!
Тамъ, гдѣ въ крутые берега
Волнами грозно плещетъ море:
Тамъ я забуду, что люблю,
Тамъ въ шумной безднѣ утолю
Тоску любви — и сердца горе!

1827 r.

CCXXXV.

БАЙРОНЪ.

(Отрывокъ).

„Если я могъ бы дать тѣло и выходъ изъ груди своей тому, что наиболѣе во мнѣ, если я могъ бы извергнуть мысли свои на выраженіе и такимъ образомъ душу, сердце, умъ, страсти, чувство слабое или мощное, все, что я хотѣлъ бы нѣкогда искать, и все, что ищу, ношу, знаю, чувствую и *выдыхаю*, еще бросить въ одно слово, и будь это одно слово Перунъ, то я высказалъ бы его; но какъ оно, теперь живу и умираю, не разслушанный съ мыслью совершенно безголосною, влагая ее какъ мечъ въ ножны...

(Чайльдъ Гарольдъ; II. 3 ч. стр. XCVII)

Поэзія! твое святилище природа!
Какъ древній Промеѳей съ безоблачнаго свода
Похитилъ лучъ живой предвѣчнаго огня,
Такъ ты свой черпай огнь изъ тайныхъ нѣдръ ея.
Природу замѣнить вотще труда усилья;
Наука водитъ насъ, она даетъ намъ крылья
И чадамъ избраннымъ указываетъ слѣдъ
Въ безвѣстный для толпы и чудотворный свѣтъ.
Счастливъ поэтъ, когда онъ внялъ отъ колыбели
Ея таинственный призывъ къ завѣтной цѣли.
Счастливъ, кто съ первыхъ дней пріялъ, какъ лучшій даръ,
Волненье, смѣлый пылъ, неутолимый жаръ;

Кто дѣтскихъ игръ бѣглецъ, объятый дикой думой,
Любилъ паденью водъ внимать съ скалы угрюмой,
Прокладывалъ слѣды въ заглохшіе лѣса,
Взоръ вопрошающій вперялъ на небеса
И тайною тоской и тайной нѣгой полный,
Любилъ скалы, лѣса и облака и волны.
Въ младенческихъ глазахъ горитъ души разсвѣтъ.
И мысли на челѣ прорѣзанъ ранній слѣдъ
И чувствамъ чуждая душа, еще младая,
Живетъ въ предчувствіи, грядущимъ обладая.
Счастливъ онъ, сынъ небесъ, наслѣдникъ высшихъ благъ!
Повѣдаетъ ему о чудѣ каждый шагъ.
Раскрыта передъ нимъ природы дивной книга:
Воспитанникъ ея, онъ чуждъ земнаго ига;
Предъ нимъ отверстый міръ: онъ міра властелинъ.
Чѣмъ далѣ отъ людей, тѣмъ менѣ онъ одинъ.
Вездѣ онъ слышитъ гласъ, душѣ его знакомый:
О страшныхъ таинствахъ ей возвѣщаютъ громы,
Ей водопадъ реветъ, ласкается ручей,
Ей шепчетъ вѣтерокъ и стонетъ соловей.
Но не молчитъ и онъ: пѣвецъ, въ пылу свободы,
Поэзію души съ поэзіей природы,
Съ гармоніей земли гармонію небесъ
Сливаетъ пѣснями онъ въ звучный строй чудесъ
И стихъ его тогда, какъ пламень окрыленный,
Взрываетъ юный духъ, еще непробужденный,
Въ немъ зажигая жаръ возвышенныхъ надеждъ;
Иль, какъ Перуна гласъ, казнитъ слѣпыхъ невѣждъ,
Въ которыхъ, подъ ярмомъ презрительныхъ желаній,
Умъ безъ грядущаго и сердце безъ преданій.
Таковъ, о Байронъ, гласъ поэзіи твоей!
Отважный исполинъ, Колумбъ новѣйшихъ дней,
Какъ онъ предугадалъ міръ юный, первобытной,
Такъ ты, снѣдаемый тоскою ненасытной
И презря рубежи боязненной толпы,
Въ полетѣ смѣломъ сшибъ Иракловы столпы:

Ихъ нѣтъ для генія въ полетѣ непреклонномъ!
Пусть ихъ лобзаетъ чернь въ порабощеньи сонномъ,
Но онъ, вдали прозрѣвъ заповѣдную грань,
Насильства памятникъ и суевѣрья дань,
Онъ жадно чрезъ нее стремится въ безконечность!
Стихія высшихъ думъ; просторъ небесъ и вѣчность.
Такъ, Байронъ, такъ и ты, за грань перескочивъ
И душу въ пламенной стихіи закаливъ,
Забылъ и дольній міръ и судъ надменной черни;
Стезей высокихъ благъ и благодатныхъ терній
Достигъ ты таинства, ты мыслью ихъ проникъ
И чудно освятилъ ты ими свой языкъ.
Какъ страшно-сладостно въ нарѣчьи сердцу новомъ
Насъ пробуждаешь ты молніеноснымъ словомъ,
И мыслью, какъ стрѣлой перуннаго огня,
Вдругъ освѣщаешь ночь души и бытія?
Такъ вспыхнуть изъ тебя оно было готово
На языкѣ земномъ несбыточное слово,
То слово, гдѣ-бъ вся жизнь, вся повѣсть благъ и мукъ
Сосредоточились въ единый полный звукъ;
То слово, гдѣ-бъ слились, какъ въ вѣрный отголосокъ,
И жизни зрѣлый плодъ и жизни недоносокъ,
Весь пылъ надеждъ, страстей, желаній знойныхъ думъ,
Что̀ создали мечты и ниспровергнулъ умъ,
Что́ намекаетъ жизнь и не докажетъ время,
То слово — тайное и роковое бремя,
Которое тебя тревожило и жгло,
Которымъ грудь твоя, какъ Зевсово чело,
Когда имъ овладѣлъ недугъ необычайный,
Тягчилась подъ ярмомъ неразрѣшенной тайны!
И если персти сынъ, какъ баснословный богъ,
Ту думу кровную осуществить не могъ,
Утѣшься: изъ среды души твоей глубокой
Намъ слышалась она, какъ гулъ грозы далекой,
Не грянувшей еще надъ нашею главой,
Но намъ вѣщающей о тайнѣ страшной той,

Предъ коей гордый умъ нѣмѣетъ боязливо,
Которую весь міръ хранитъ краснорѣчиво!
Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслитъ, слабъ,
Мысль независима, но времени онъ рабъ.
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный,
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ.
О Байронъ! надъ тобой свершился грозный судъ!
И лучшихъ благъ земли и позднихъ дней достойной,
Увы! не выдержалъ ты пыла мысли знойной,
Мучительно тебя снѣдавшей съ юныхъ поръ.
И гробъ, твой ранній гробъ, какъ фениксовъ костеръ,
Благоухающей и жертвой упраздненный,
Безсмертья свѣтлаго алтарь нѣмой и тлѣнный
Свидѣтельствуетъ намъ весь подвигъ бытія!
Гробъ, сей Иракловъ столпъ, одинъ былъ грань твоя,
И жизнь твоя гласитъ, разбившись на могилѣ:
Чѣмъ смертный можетъ быть, и чѣмъ онъ быть не въ силѣ.

CCXXXVI.

Е. А. КОЛОГРИВОВОЙ.

(Въ альбомъ).

Всѣ челобитчики Сатурну
И всѣ невольно, съ каждымъ днемъ,
Сѣдому лихоимцу въ урну
Мы дани грустныя несемъ.
Въ его Шемякиномъ совѣтѣ
Ужъ нѣтъ повинной головы:
Беретъ съ невѣсты въ юномъ цвѣтѣ,
И лепту бѣдную съ вдовы.
Но почему слѣпой на лица,
Неизбѣжимый лиходѣй,
Тебя, среди подругъ царица,
Сестра средь юныхъ дочерей!
Скажи мнѣ, почему съ любовью,
Твой постоянный доброхотъ,
На зло подлунному условью,
Тебя онъ свято бережетъ?
Влюбленнымъ въ твой разсвѣтъ прекрасный
Отцамъ кружила ты умы;
На твой любуясь полдень ясный,
Не образумимся и мы.

CCXXXVII.

ТЕПЕРЬ МНѢ НЕДОСУГЪ.

Дѣлецъ пришелъ къ начальнику съ докладомъ,
Графиня ждетъ отъ графа денегъ на домъ,
На балѣ графъ—жену до пѣтуховъ,
Бѣднякъ—давно обѣщаннаго мѣста,
Купецъ—долговъ, невѣста—жениховъ,
Пиладъ—услугъ отъ вѣрнаго Ореста,—
Имъ всѣмъ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ.“
Но звать приди вельможу на пирушку,
Явись въ приказъ со вкладчиною въ кружку,
Хвалить въ глаза писателя начни,
Иль подвергать соперниковъ разбору,
Будь иль въ ходу, иль ходокамъ съ родни
Гость дорогой, всегда, какъ деньги, въ пору!—
Не слышишь ты: „теперь мнѣ недосугъ,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.
Чтобъ улестить взыскательную совѣсть
И многихъ лѣтъ замаранную повѣсть
Хоть обложить въ красивый переплетъ,
Ханжа твердитъ: „раскаяться не поздно!“
Когда-жъ къ нему раскаянье придетъ

И въ злыхъ дѣлахъ отчета просить грозно,
Онъ ей въ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.
Бракъ былъ для нихъ вѣнцомъ земнаго блага,
Ихъ сопрягла взаимная присяга,
Ихъ запрягла судьба за тотъ-же гужъ;
Нѣтъ года: бракъ не розъ, ужъ терній жатва;
Жены-ль вопросъ, жену-ли спроситъ мужъ:
„А гдѣ-жъ любовь, а гдѣ-жъ на счастье клятва?“
Отвѣтъ какъ тутъ: „теперь мнѣ недосугъ“,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.
Когда возьметъ меня запой Парнасской
И явится схоластика съ указкой,
Сказавъ мнѣ: „стихъ твой вольничать привыкъ;
„Будь онъ хоть пошлъ, но у меня въ границахъ,
„Смирись, пока пострѣла не настигъ
„Журнальный рундъ дѣепричастій въ лицахъ!“
Я ей въ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.
Есть гостья: ей всегда всѣ настежь двери,
Враждебный духъ, иль счастливая Пери,
Въѣзжаетъ въ домъ на радость, иль на страхъ,
Какъ заскрыпитъ ея повозки полозъ
У молодой безпечности въ дверяхъ,
Когда подастъ она счастливцу голосъ,
Не скажешь ей: „теперь мнѣ недосугъ,
„А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ!“

CCXXXVIII.

КЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

И за письмо и за подарокъ
Стихами наскоро плачу.
Предъ Фебомъ ты зажегъ огарокъ,
А не огромную свѣчу;
По разноцвѣтенъ онъ и ярокъ
И Музѣ нашей по плечу,
Пылаетъ онъ потѣшнымъ блескомъ,
Подсыпанъ порохомъ слегка,
Звѣздой разсыпчатой и съ трескомъ
Взрывается изподтишка
И мечетъ, за народнымъ плескомъ,
Шутихи подъ носъ дурака.
Пальбой огней своихъ потѣшныхъ
Пугай глупцовъ и радуй насъ;
Не кайся въ шалостяхъ безгрѣшныхъ;
То по дѣломъ, то для проказъ,
И встрѣчныхъ ты и поперечныхъ
Коли и въ бровь и прямо въ глазъ.
Задорный Музы собесѣдникъ,
Когда-то зналъ я твой языкъ...
Но нѣтъ! ты мнѣ не ученикъ,
А развѣ заживо наслѣдникъ.

CCXL.

ЩИПЦЫ И СВѢЧИ.

(Басня).

Поссорясь отъ людей, щипцамъ пеняли свѣчи
И называли ихъ наперсницами тьмы.
„Не вовсе съ истиной согласны ваши рѣчи;“ —
Былъ отъ щипцовъ отвѣтъ: — „одно орудье мы.
„Въ умѣющей рукѣ одинъ нагаръ снимаетъ,
„Въ рукѣ незнающей, снимая, потушаетъ.“ —
Долгъ цензорства съ умомъ и пользой согласи:
Стражъ свѣта, а не врагъ, снимай, а не гаси!

CCXLII.

КЪ МОЛЯЩЕЙСЯ.

Когда возносишься съ долинъ житейской ночи
Ты къ утру вѣчной чистоты
И къ небесамъ подъемлешь ты
Любви возвышенной исполненныя очи,
Вѣрь, преклоняются и небеса къ тебѣ,
Съ любовью смотрятся въ душѣ твоей прекрасной
И улыбаются твоей улыбкѣ ясной,
Твоей отвѣтствуя мольбѣ!
Въ сей часъ, какъ набожной мечтой тебя объемлю
И пѣнью тайному души твоей я внемлю,
Въ сей часъ торжественный, въ предчувствіи чудесъ,
Не знаю, въ свѣтломъ упоеньѣ,
Я зрю-ли Ангела, нисшедшаго съ небесъ,
Иль смертной въ Ангела я зрю преображенье!

CCXLIII.

ВСПЫЛЬЧИВОСТЬ ДОБРОДѢТЕЛЬНАГО.

(Восточный апологъ).

Царь добродѣтельный, но вспыльчивый и дикой,
Невинному рабу велѣлъ главу отсѣчь:
„Не страшенъ для меня блестящій смертью мечъ“,—
Съ рѣшимостью сказалъ невольникъ предъ владыкой.
„Меня злосчастнѣе мой лютый судія;
„Ты съ жизнью мнѣ прервешь мгновенной казни муку,
„Но съ смертію моей начнется казнь твоя!“ —
И Царь къ нему простеръ спасительную руку.

1827.

CCXLIV.

НЕТЛѢННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Объятый молніей случайной,
Погибъ красавицы уборъ,
Подъ коимъ прелестію тайной
Она обворожала взоръ.
Уже, счастливецъ дерзновенный,
Ты лобызать не будешь вновь
Кудрей душистыхъ шелкъ безцѣнный,
Что̀ пѣжно выпряла любовь;
Какъ блескъ зарницы лѣтней ночи,
Изъ-подъ погибшаго вѣнца
Уже горѣть не будутъ очи
И зарево кидать въ сердца.
Ты вѣкъ свой отжилъ: такъ утратимъ
Мы все, что̀ веселило насъ,
И сожалѣніемъ заплатимъ
Веселья легкокрылый часъ,
Но недотронутый бѣдою
Цвѣтокъ въ уборѣ уцѣлѣлъ:
Неизмѣнимой красотою
Онъ свѣтитъ, какъ всегда свѣтлѣлъ.
Когда нетлѣнною святыней

Щадилъ тебя и самый рокъ,
Въ огнѣ испытанный, будь нынѣ
Сердечной памяти цвѣтокъ.
Такъ, пусть судьбы враждебной пламень
Похитить радости готовъ
И опалить послѣдній камень
Воздушныхъ замковъ нашихъ сновъ;
Но, вѣрны думой благодарной
Тому, чего у насъ ужъ нѣтъ,
Мы отомстимъ судьбѣ коварной,
Храня воспоминанья цвѣтъ.

CCXLV.

СЛЕЗЫ ПРОЩАНІЯ.

Благодарю тебя за слезы:
Роса ихъ, утренней свѣжѣй,
Взлелѣетъ въ памяти моей
Неувядаемыя розы.
Я помнить буду этотъ часъ,
Ознаменованный разлукой:
Такъ будь, на жизнь и смерть, за насъ
Онъ въ дружбѣ вѣрною порукой!
Когда въ враждѣ съ самимъ собой
Другими буду недоволенъ
И ядовитою тоской
Сердечнаго припадка боленъ,
Прощанья вспомню я слезу
И, добрый вѣстникъ примиренья,
Она, какъ радуга спасенья,
Смиритъ сердечную грозу.
Иль какъ слеза воздушной Пери
Изъ заточенья мрачныхъ думъ,
Къ надеждѣ растворяя двери,
Она искупитъ грустный умъ.
Скажу себѣ: тотъ жилъ не даромъ,
Къ кому слезою взоръ свѣтлѣлъ,
Кто сердце ближней тихимъ жаромъ
Священной дружбы разогрѣлъ.

CCXLVI.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ДЕРЕВНЯ“.

I.

БИБЛІОТЕКА.

Въ хранилищѣ вѣковъ, въ святынѣ ихъ наслѣдства,
Творцовъ привѣтствую, любимыхъ мной изъ дѣтства,
Путеводителей, наставниковъ, друзей.
Ихъ пламень воспалилъ разсвѣтъ души моей;
Обязанъ вкусомъ имъ, занятьемъ и забавой,
Быть можетъ — какъ узнать? — обязанъ буду славой.
Виргилій! другъ полей и благодѣтель ихъ,
Любить ихъ, украшать и пѣть — твой учитъ стихъ.
Горацій! всѣхъ вѣковъ по духу современникъ,
Поэтъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ націй соплеменникъ,
Которымъ мы всегда довольны, въ смѣхъ и въ грусть,
И учимся еще, ужъ зная наизусть.
И жизнь исправилъ ты и встрѣтилъ смерть съ улыбкой;
Мудрецъ незыблемый и царедворецъ гибкой!
Ты льстилъ не приторно, училъ не свысока,
И время на тебѣ не тронуло вѣнка,
Который сплели веселье и разсудокъ
Изъ сладострастныхъ розъ и вѣчныхъ незабудокъ.
Кипящій Марціалъ, дурачествъ Римскихъ бичь,
Гдѣ ихъ ни подмѣчалъ — спѣшилъ стихомъ настичь;
И я тебѣ во слѣдъ наметываю руку
Въ безграмотную спѣсь и грамотную скуку.

Проперцій и Тибуллъ, у коихъ въ наши дни,
Педантамъ не во гнѣвъ, исхитилъ лавръ Парни.
Андрей Шенье, пѣвецъ и мученикъ свободы,
На плаху въ жертву ты принесъ младые годы
И полное надеждъ грядущее принесъ,
Когда тирановъ серпъ, во дни гражданскихъ грозъ,
Свирѣпо пожиналъ подъ жатвою кровавой
Все, что грозило имъ иль доблестью, иль славой.
Такъ! умирая, ты сказать со вздохомъ могъ,
Что многаго еще хранилъ въ себѣ залогъ
Твой стихъ, неполный звукъ души въ мечтахъ обильной,
Унылъ и сладостенъ, какъ памятникъ умильный
Надеждъ, разтерзанныхъ подъ бурею судебъ.
Фебъ древнихъ алтарей и новыхъ пѣсней Фебъ
Животворятъ его согласнымъ вдохновеньемъ.
По древнимъ образцамъ романтикъ исполненьемъ,
Шенье! въ трудахъ твоихъ рѣшился бы тотъ споръ,
Что къ Музамъ внесъ вражду междуусобныхъ ссоръ
И вѣчно безъ конца, какъ подвигъ Пенелопы,
Не довершенъ ни мной, ни „Вѣстникомъ Европы“.
Руссо, врагъ общества и человѣка другъ!
Сколь въ сердце вкрадчивъ къ намъ сердечный твой недугъ,
Писатель Бріарей! колдунъ! Протей писатель!
Вождь вѣка своего, умовъ завоеватель,
Въ рукѣ твоей перо — сраженья острый мечь.
Но, пылкій, не всегда умѣлъ его беречь
Для битвы праведной и самъ страстямъ покорный,
Врагъ фанатизма, былъ фанатикъ ты упорный.
Другимъ оставя трудъ костеръ твой воздвигать,
Покаюсь: я люблю съ тобою разсуждать;
Во слѣдъ тебѣ идти отъ важныхъ истинъ къ шуткамъ,
И смѣло пламенѣть враждою къ предразсудкамъ;
Какъ смертный ты блуждалъ, какъ геній ты парилъ,
И въ области ума свѣтиломъ новымъ былъ.
Плутарховыхъ временъ достойная Коринна,
По сердцу женщина и по душѣ мущина,

Философъ мудростью и пламенемъ поэтъ,
Восторговъ для тебя въ насъ недоступныхъ нѣтъ.
Страстями движешь ты, умомъ, воображеньемъ;
Твой слогъ, трепещущій сердечнымъ вдохновеньемъ,
Какъ отголосокъ чувствъ всегда краснорѣчивъ,
Какъ прихоть женщины, какъ радуги отливъ
Разнообразенъ онъ, струистъ и своенравенъ;
О, долго будешь ты воспоминаньемъ славенъ,
Коппетъ! гдѣ Неккеру, игрѣ народныхъ бурь,
Блеснула въ тишинѣ спокойствія лазурь,
И гдѣ изгнанница тревожила изъ ссылки
Деспота чуткій умъ и гнѣвъ, въ порывахъ пылкій.
Въ сіяньи, онъ робѣлъ отдѣльнаго луча;
И миръ поработивъ владычеству меча,
Съ владычествомъ ума въ совмѣстничествѣ гордомъ
Онъ личнаго врага воюя въ мнѣньи твердомъ,
Державу мысли самъ невольно признавалъ.
Осуществившій намъ поэта идеалъ,
О Шиллеръ, какъ тебя прекрасно отражало
Поэзіи твоей блестящее зерцало!
Въ тоскѣ невѣденья, въ борьбѣ съ самимъ собой,
Влечешь ли ты и насъ въ междуусобный бой
Незрѣлыхъ помысловъ, надеждъ высокомѣрныхъ;
Ты возвращаешь ли въ унынье чувствъ невѣрныхъ,
На счастье данную — сомнительный залогъ,
Который выплатить міръ цѣлый бы не могъ;
Иль гордыя души смиривъ хаосъ мятежный,
Мракъ бури озаришь ты радугой надежной
И гласомъ сладостнымъ, какъ звукомъ горныхъ лиръ,
Врачуешь сердца скорбь и водворяешь миръ
Въ стихію бурную желаній безпокойныхъ,
Равно господствуешь ты властью пѣсней стройныхъ.
И васъ здѣсь собрала усердная рука,
Законодателей родного языка,
Любимцевъ Русскихъ Музъ, ревнителей науки,
Которыхъ внятные, живые сердцу звуки

Будили въ отрокѣ, на лонѣ простоты,
Восторги свѣтлые и раннія мечты,
Васъ умъ не понималъ, но сердце ужъ любило:
Къ вамъ темное меня предчувствіе стремило.
Непосвященный жрецъ, невѣдомый себѣ,
Свой жребій въ вашей я угадывалъ судьбѣ.
Вашъ мѣрный гласъ мой слухъ пробудитъ ли случайно,
Ему, затрепетавъ, я радовался тайно.
Сколь часто, весь не свой, заслушивался я,
Какъ гула стройныхъ волнъ, иль пѣсней соловья,
Созвучья стройныхъ строфъ пѣвца Елисаветы,
И слезы вѣщія, грядущихъ думъ примѣты,
Въ глазахъ смѣющихся сверкали у меня,
И весь я полонъ былъ волненья и огня.
И нынѣ въ возрастъ тотъ, какъ вкусъ вѣрнѣй и строже
Цѣнитъ, что чувствовалъ, когда я былъ моложе,
Умильно дань плачу признательности вамъ,
Ума споспѣшникамъ, прекраснаго жрецамъ!
Къ отечеству любовь была въ васъ просвѣщеньемъ.
Къ успѣхамъ сограждан пылая чистымъ рвеньемъ,
Какъ силою меча, могуществомъ пера,
Герои мирные, сподвижники Петра,
На свѣтломъ поприщѣ, гдѣ онъ, боецъ державный,
Въ борьбѣ съ невѣжествомъ настойчивой и славной
Умъ завоевывалъ и предразсудки гналъ —
Стяжали вы вѣнецъ заслуженныхъ похвалъ.
Но многимъ ли изъ васъ разцвѣлъ и лавръ безплодный?
Забывчивой молвой и памятью народной
Уваженъ, признанъ ли вашъ безкорыстный трудъ?
Къ вамъ свѣта хладнаго внимателенъ ли судъ?
Немногихъ чистое, родное достоянье,
Намъ ваше свѣтится во тьмѣ благодѣянье.
Наслѣдовали мы вашъ къ пользѣ смѣлый жаръ
И свято предадимъ его потомкамъ въ даръ.
Пусть чернь блестящая у праздности въ объятьяхъ
О вашихъ именахъ, заслугахъ и занятьяхъ

Толкуетъ на обумъ и въ адресъ-календарь
Заглядывать должна, чтобъ справиться, кто встарь
Былъ пламенный Петровъ, порывистый и сжатый,
Иль юной Душеньки пѣвецъ замысловатый;
Утѣшьтесь! не вотще, въ виду родной земли,
Вы звѣзды ясныя въ окрестной тьмѣ зажгли.

II.

Я слышу, слышу вашъ краснорѣчивый зовъ,
Спѣшу подъ вашу тѣнь, подъ вашъ зеленый кровъ,
Гостепріимныя, прохладныя дубровы!
Съ негодованьемъ рву постыдныя оковы,
Въ которыхъ суетность опутала меня;
Цѣлебнѣй воздухъ здѣсь, живѣй сіянье дня
И жизнь прекраснѣе и сердце безмятежнѣй!
Здѣсь человѣкъ съ собой бесѣдуетъ прилежнѣй,
Степеннѣй умъ его и радостнѣй мечты.
Здѣсь нѣтъ цѣпей, здѣсь нѣтъ господства суеты!
Ко счастью слѣдъ открывъ, наперсникъ вѣрныхъ таинъ—
Здѣсь мыслямъ и дѣламъ, и времени хозяинъ,
Не принужденъ платить предубѣжденью дань
И въ мятежѣ страстей вести съ собою брань;
Мужаю бытіемъ и зрѣю въ полныхъ силахъ,
Живительный огонь въ моихъ струится жилахъ.
Какъ воздухъ, такъ и умъ въ людскихъ оградахъ сжатъ:
Ихъ всюду тяжкія препятствія тѣснятъ.
И думать и дышать равно въ столицахъ душно!
Въ нихъ мысль запугана, въ нихъ чувство малодушно,
Желанія безъ крылъ прикованы къ землѣ
И жизнь какъ пламенникъ, тускнѣющій во мглѣ,
Въ поляхъ, сыновъ земли свободной колыбели,
Стремится бытіе къ первоначальной цѣли:
Отвагою надеждъ кипитъ живая грудь
И думамъ пламеннымъ открытъ свободный путь.

Подъ вѣяньемъ древесъ и бѣглыхъ водъ журчаньемъ
Спитъ честолюбіе съ язвительнымъ желаньемъ.
Въ виду широкихъ нивъ, въ виду высокихъ горъ,
Небесъ раскинувшихъ сіяющій шатеръ,
Какъ низки замыслы тщеты высокомѣрной! —
Равно унизилъ онъ свой промыслъ на землѣ,
Страстей мятежныхъ рабъ, корысти-ль рабъ послушный
Рабъ свѣтскихъ прихотей, иль нѣги малодушной,
Равно затмилъ печать величья на челѣ.
Здѣсь утромъ, какъ хочу, я самъ располагаю,
Ни важныхъ мелочей, ни мелкихъ дѣлъ не знаю.
Когда послышу Музъ таинственный призывъ
И вдохновенныхъ думъ пробудится порывъ,
Могу не трепетать: нежданный посѣтитель,
Чужаго времени жестокій расточитель,
Не явится ко мнѣ съ вѣстями о дождѣ!...
Какъ часто три часа, не шевелясь со стула,
Злодѣй держалъ меня подъ пыткой караула
И холостой стрѣльбой пустыхъ своихъ вѣстей.
Счастливъ еще, когда, освободясь гостей
И свѣтскаго ярма сваливъ съ себя обузу,
Могъ залучить я вновь запуганную Музу,
И риѳму отыскавъ подъ дружескимъ перомъ,
Стихъ сиротливый свесть съ отставшимъ близнецомъ.

Что мысли? Выдержки ума!—
А у кого задержки въ этомъ? —
Тотъ засдается, вѣкъ съ лабетомъ
Въ игрѣ и рѣчи и письма;
Какой ни сдѣлаетъ попытки,
А глупость срѣжетъ на просакъ!
Онъ проиграется до нитки
И выйдетъ на-чисто дуракъ.

Вотъ партьи дамской игрочки,
Друзья, два бѣдные Макара:
На нихъ отъ каждаго удара
Валятся шишки и щелчки:
Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,
Съ послѣдней жертвой, на мель сталъ;
Тотъ мѣломъ, бѣлыми стихами,
Вписалъ свой проигрышъ въ журналъ.

Игра честей въ большомъ ходу,
Въ нее играть не всѣмъ здорово:
Играя на честное слово,
Какъ разъ наскочишь на бѣду.
Тотъ ставитъ свѣчку злому духу,
Въ прокъ не пойдетъ того казна,
Кто легкоумье ловитъ въ муху,
Чтобъ дѣлать изъ нее слона.

Не суйтеся къ большимъ тузамъ,
Вы мнѣ подъ пару недоростки:
Игрушки кошкѣ, мышкѣ слезки,
Давно твердитъ разсудокъ намъ;
Поищемъ по себѣ игорку,
Да игроковъ подъ нашу масть:
Кто не по силамъ лѣзетъ въ горку,
Тотъ можетъ и въ просакъ попасть.

А какъ играть тому съ плеча,
Кто заручился у фортуны;

Онъ лука натяни всѣ струны
И бей всѣ взятки съ горяча.
Другой ведетъ разсчетъ, и строгій,
Но за безсчетныхъ счастье Богъ,
И тамъ, гдѣ умный выйгралъ ноги,
Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,
Заброшенный въ народной давкѣ,
У счастья и у всѣхъ въ отставкѣ,
Климъ, развѣ могъ играть въ плевки;
Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой
Все, чѣмъ обчелся въ старину,
Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой
Онъ вскрылъ удачно на жену.

Друзья! кто хочетъ быть уменъ,
Тотъ по пословицѣ поступитъ:
Продастъ онъ книги, карты купитъ;
Такъ древле нажилъ умъ Семенъ.
Умъ въ картахъ: соглашусь охотно!
Въ ученомъ мірѣ видимъ сплошь,
Домъ книгами набитъ, и плотно,
Да картъ не сыщешь ни на грошъ.

Памфилъ, пустая голова!
Ты игрокомъ себя не числи:
Не вскроешь ты на козырь мысли,
Какъ ни тасуй себѣ слова.
Не такова твоя порода,
Игрой ты не убьешь бобра:
Твой умъ и полная колода,
Я знаю, но не картъ игра.

CCXLVIII.

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Чѣмъ васъ отпраздную, прославлю?
Приходскій староста, въ убожествѣ моемъ,
Передъ угодницей свѣчу за васъ поставлю
И помолюсь ей кой-о-чемъ.
Но я не вашего прихода,
Но не дойдетъ моя мольба:
Меня обидѣла судьба,
И задарила васъ природа.
Церковный староста, увы,
Я отлученъ уже изъ храма,
Гдѣ поминаетесь и граціи и вы,
Въ моленьяхъ, въ жертвахъ ѳиміама.
Вы примете мой даръ разсѣянной рукой
И о другомъ жрецъ вздохнете въ думѣ страстной:
Свѣчу поставлю я предъ образомъ прекрасной,
Но ужъ зажжетъ ее другой.

CCL.

РУССКІЙ БОГЪ.

Нужно ль вамъ истолкованье,
Что такое русскій богъ?
Вотъ его вамъ начертанье,
Сколько я замѣтить могъ.

Богъ мятелей, богъ ухабовъ,
Богъ мучительныхъ дорогъ,
Станцій, тараканьихъ штабовъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ голодныхъ, богъ холодныхъ
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній недоходныхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ наливокъ, богъ разсоловъ,
Душъ, представленныхъ въ залогъ,

Бригадиршъ обоихъ половъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ всѣхъ съ анненской на шеяхъ
Богъ дворовыхъ безъ сапогъ,
Баръ въ саняхъ при двухъ лакеяхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Къ глупымъ полнъ онъ благодати,
Къ умнымъ безпощадно строгъ,
Богъ всего, что есть некстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ всего, что изъ границы,
Не къ лицу, не подъ итогъ,
Богъ по ужинѣ горчицы,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ бродяжныхъ иноземцевъ,
Къ намъ зашедшихъ за порогъ,
Богъ въ особенности нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

CCLI.

РУССКІЙ БОГЪ.

(По списку кн. Долгорукова.)

Богъ ухабовъ, богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ холодныхъ, богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ пришельцевъ иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,

Баръ, служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего что есть некстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Конецъ третьяго тома.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1808 г.

I. Напечатано въ Вѣстн. Евр., 1808 г. № 19, стр. 178. (Въ копіи, принадлежащ. П. И. Бартеневу стихотвореніе озаглавлено «Жуковскому».)

II. Тамъ же, № 24, стр. 256.

III. Тамъ же, № 24, стр. 257.

IV. Съ черновой собственноручн. На бумагѣ водян. знакъ 1808 г.

V. На бракосочетаніе княжны Екатерины Андреевны Вяземской съ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Напечатано отдѣльно въ Универс. Типогр. Слова кн. П. А. Вяземскаго, музыка А. А. Плещеева. Съ одобренія ценз. ком., учрежденнаго для округа Имп. Моск. Университета».

1810 г.

VI. Напеч. Вѣстн. Евр., 1810 г. № 7, стр. 196.

VII. » » » № 7, стр. 196.

VIII. » » » № 10, стр. 197.

IX. » » » № 11, стр. 209.

X. » » » № 11, стр. 210.

XI, » » » № 11. стр. 210.

XII. » » » № 7, стр. 197.

XIII. » » » № 11, стр. 210.

XIV. » » » № 11, стр. 210.

1811 г.

XV. Михаилу Васильевичу Милонову; въ Рукоп. сборникъ 1864 г., пригот. къ печ., ч. II, стр. 11, помѣчено «1811 г.». Въ копіи принадлеж. П. И. Бартеневу, есть варіантъ. Послѣ 4-го стиха:

Когда Шишковъ, Батый талантовъ,
Грозитъ смерть вкусу нанести,
Шихматовъ изъ морскихъ сержантовъ
Въ Гомеры хочетъ перейти
Когда Хвостовъ, Анастасевичъ,
Захаровъ, Шаховской, Станевичъ
И вся Батыева орда и т. д.

XVI. Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, взято изъ Рукоп. Сборника 1864 г., стр. 17, помѣчено: «Москва 1811 г.».

XVII. Напечатано въ Вѣстн. Евр., № 1, стр. 24.

XVIII. Стихотвореніе это написано въ честь артистки Валберховой, игравшей роль Дидоны въ траг. Княжнина. Тамъ же, № 1, стр. 67.

1812 г.

XIX. Напечатано въ Спб. Вѣстникѣ, 1812 г. № 8, стр. 153. Также въ Собр. Обра[illegible]. Соч., ч. II.

XX. Въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, 1816 г., ч. I.

XXI. Напеч. въ Вѣстн. Евр., 1812 г ч. 6, стр. 204.

XXII. Съ рукописи, помѣч. рукою автора: «Вологда, ноября 26, 1812 г.»

XXIII. Также, съ рукописи 1812 г.

XXIV. Изъ Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. I, стр. 18. Относится къ 1812 г. пребыванію кн. П. А. въ Вологдѣ.

XXV. Съ рукописи автора, помѣч. 1812 г.

XXVI. Изъ Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. III, стр. 23. Неполная черновая 1812 г.

1813 г.

XXVII. Рукопись 1813 г.

XXVIII. Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. II, стр. 20.

XXIX. Рукоп. Сб. 1822 г., т. II, стр. 34. Помѣч. копія 1813 г. Напеч. впослѣдствіи въ «Рецензентѣ» Олина 1821 г. № 22, стр. 87.

XXX. Къ Барановой, за присланный ею новый бантъ для креста. Князь П. А. Вяземскій получилъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ за Бородинское сраженіе. Изъ Рукописн. Сборн., 1822 г., т. II, стр. 64. Чернов. 1813 г.

1814 г.

XXXI. Надпись подъ бюстомъ Императора Александра I. Напеч. въ особой брошюрѣ «Описаніе праздника даннаго въ Москвѣ въ маѣ 1814 г. по случаю взятія Парижа 19 (31) марта 1814 г. Москва. 1814.

XXXII. Напеч. въ брошюрѣ «Храмъ безсмертія». (Москва, 1814 г., 4 д. л.), стр. 11. Перепеч. въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

XXXIII. Тамъ же, стр. 16. Музыка Рейнгардта.

XXXIV. Всѣ три эпиграммы напеч въ Пантеонѣ Русской поэзіи 1814 г., ч. 2, стр. 125.

XXXV. Пантеонъ Русской поэзіи, ч. 2, стр. 126.

XXXVI. Тамъ же, ч. 4, стр. 274.

XXXVII. Тамъ же, ч. 4, стр. 274.

XXXVIII. Изъ Рукоп. Сб. 1822, т. I, стр. 21. Черновая 1814 г.

XXXIX. Тамъ же, стр. 23. Копія 1814 г.

1815 г.

XL. Изъ Амфіона 1815 г. № 3, стр. 71.

XLI. » № 9, стр. 129.

XLII. » № 6, стр. 115.

XLIII. » № 6, стр. 116.

XLIV. » № 6, стр. 116. Графиня Софья Алексѣевна Мусина-Пушкина была замужемъ за кн. Ив. Леонтьичемъ Шаховскимъ. Недавно скончалась.

XLV. » 1815 г. № 4, стр. 71.

XLVI. » № 6, стр. 116.

XLVII. Изъ Росс. Муз. 1815 г. № 2 стр. 32.

XLVIII. Росс. Муз., 1815 г. № 3, стр. 261.

XLIX. » » 1815 г. № 9, стр. 263.

L. Сб. Кн. Долгорукова, стр. 85. Росс. Муз., стр. 231.

LI. Изъ Рук. Сб. 1822. г., (Копія 1815) т. II, стр. 66.

LII. Росс. Муз., 1815 г. № 9, стр. 261.

LIII. » » № 9, стр. 264.

LIV. » » № 9, стр. 265.

LV «Изъ Ріарта, испанскаго поэта» примѣч. автора. Напеч. въ Росс. Муз, № 12, стр. 225.

LVI. Эпиграммы эти, направленныя противъ кн. А. А. Шаховскаго, были напечатаны въ разныхъ изданіяхъ. Авторъ соединилъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: «Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго, поднесенный ему одинъ разъ на всегда за многіе подвиги». Кн. Шаховской въ своихъ комедіяхъ «Новый Стернъ» (1807 г.) «Липецкія воды» (1815) задѣлъ Карамзина и Жуковскаго и этимъ раздражилъ друзей этихъ писателей. Осенью 1815 года Жуковскій писалъ къ своимъ роднымъ: «Друзья заступились за меня.... Съ Вяземскимъ сдѣлался попосъ эпиграммами».

LVII. Росс. Муз., № 12, стр. 234—235.

LVIII. Сынъ Отеч., ч. 19, стр. 104.

LIX. Сынъ Отеч., 1815 г. ч. 19, стр 104—106.

LX. Росс. Музеумъ, 1815 г. ч. 1, стр. 6.

LXI. Всѣ три эпиграммы напечатаны въ Росс. Муз., 1815 г. ч. 3, стр. 262.

LXII. Въ Рукоп. Сборн. 1822, т. I, стр. 6, полное. Недоконченное черновое 1815 г.

LXIII. Къ Батюшкову 1815 г. Тамъ же, стр. 27.

LXIV. Копія 1815 г. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 18.

1816 г.

LXV. Изъ Сына Отеч. 1816. г., ч. 29, стр. 24.

LXVI. Тамъ же.

LXVII. Сынъ Отеч., стр. 108. Собственноручная на рукописи помѣтка: «писано кн. Гагариной, сестрѣ Свѣчиной».

LXVIII. Тамъ же. Помѣтка на рукописи: «Кн. Шаховской, при посылкѣ стихотвореній Жуковскаго».

LXIX. Сынъ Отеч., ч. 29, стр 141, Собств. помѣтка: «Елизаветѣ Сергѣевнѣ Огаревой».

LXX. Напеч. въ Вѣстн. Евр., 1816 г. ч. 88, стр. 101.

LXXI. Въ Вѣстн. Евр, ч. 88, стр. 177.

LXXII. Тамъ же, ч. 89, стр. 201.

LXXIII. Тамъ же, стр. 201.

LXXIV. Въ Тр. Общ. Люб. Р. Сл., 1816 г. стр. 71.

LXXV. Напечатано въ С. Отеч. 1816 г. № 52, въ статьѣ «Два губернатора». подписанной А. Б. (Булгаковъ) Это сравненіе Сакена, бывшаго въ 1814 году губернаторомъ Парижа и маршала Мортье, бывшаго губернаторомъ въ Москвѣ.

LXXVI. Съ рукописи; помѣч.: «1816 г. Москва, декабря 8,» Подп.: «Кн. Вяземскій».

LXXVII. Рукопись помѣч. 1816 г. Напеч. потомъ въ Уранія 1826 г. стр. 40.

LXXVIII. Къ овечкамъ. Копія 1816 г.

1817.

LXXIX. Пант. Русск. позз. ч. 7. стр. 51.

LXXX. Тамъ же, ч. 9, стр. 80.

LXXXI. Тамъ же, ч. 9, стр. 81.

LXXXII. Всѣ четыре пѣсни соединены въ Рукоп. Сб. 1822 г. стр. 84, и помѣч. 1817 г.

LXXXII. Къ стихотв. «Деревня». Собственноручное примѣчаніе автора: «писано въ 1817 году, когда авторъ намѣревался поселиться на нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, но вскорѣ неожиданныя обстоятельства, иначе распорядившія жизнь принудили его оставить планы и стихотворенія недовершенными». Напечатано потомъ въ 1827 г. въ Памятн. Отеч. Муз., стр. 252.

LXXXIII. Писано въ 1817 г. Напечатано съ обозначеніемъ этаго года въ Новостяхъ Литературы, 1822 г. кн. 2, стр. 173.

LXXXIV. Писано въ Остафьевѣ, 21 сент. 1817 г. Напеч. потомъ въ Сынѣ От. 1821 г., № 37, стр. 178.

LXXXV. Ухабъ. Писано въ 1817 г. Напеч. въ С. От. 1821 г. ч. 3 стр. 81.

1818.

LXXXV. Указано авторомъ подъ 1818 г. Напеч. въ Пол. Зв. 1824 г., стр. 256.

LXXXVI. Со списка, сдѣланнаго рукою кн. В. Ѳ. Вяземской, съ поправками поэта. Помѣчено: „Варшава, Окт. 19, 1818 г.“ Въ сборникѣ «Въ Дорогѣ и Дома» это стих. помѣщено въ такомъ видѣ (стр. 339).

„Американецъ и цыганъ,
Онъ въ мірѣ нравственномъ загадка.
Его страстей мятежныхъ схватка,
Какъ упоительный дурманъ,
Какъ съ перемежкой лихорадка
Всегда несетъ изъ края въ край
Изъ рая—въ адъ, изъ ада—въ рай,
Душа его—любовь и пламень,
А умъ—холодный эгоистъ:
Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьи страсти—легкой листъ.

LXXXVII. Рукоп. Сб. 1822 г., т. III, стр. 3. Помѣч.: «въ Варшавѣ». Объ этомъ стихот. поэтъ въ своей «Исповѣди» говоритъ (стр. 101): «Возмутительныхъ сочиненій у меня на совѣсти нѣтъ. Въ двухъ такъ наз. либеральныхъ стихотвореніяхъ моихъ: «Петербургъ» и «Негодованіе», отзывается вездѣ желаніе законной свободы монархической и нигдѣ нѣтъ оскорбленія державной власти. Первое кончилось воззваніемъ къ Императору Александру; писано оно было вскорѣ послѣ перваго польскаго сейма, и тогда гласнымъ образомъ ходило по Петербургу. Второе также писано было въ Варшавѣ, оно менѣе извѣстно. Я написалъ его въ самую эпоху борьбы или перелома мнѣній и, разумѣется, должно оно носить живой отпечатокъ мнѣній, которымъ я оставался преданъ и послѣ ихъ паденія. Такія произведенія не могутъ быть почитаемы за выраженіе цѣлой жизни; онѣ—бѣглыя выраженія минуты, внезапнаго впечатлѣнья и отпечатлѣніе ихъ на умы также есть минутное. Прямодушное изслѣдованіе обязано разборчиво отдѣлить шалость игриваго ума—отъ злоумствованій и легкій проступокъ сердца,— отъ преступленія».

1819.

LXXXVIII. Напеч. въ Сынъ Отеч. 1819 г. № 58, стр. 34.

LXXXIX. Тамъ же.

XC. » ч. 58, стр. 80.

XCI. » ч. 58, стр. 81.

XCII. » ч. 58, стр. 34.
XCIII. » ч. 58, стр. 34.
XCIV, XCV, XCVI, XCVII. Тамъ же, дн 80 страницы.
XCVIII. «Медвѣдь» напечатано въ Русск. Архивѣ 1867 г., стр. 651. Въ 1819 г. А. И. Тургеневъ писалъ И. И. Дмитріеву: «Посылаю послѣднее произведеніе Варшавскаго поэта, писанное на Краковской площади».
XCIX, C, CI. Рукоп. Сб. 1822 г., т. II, стр. 85, 96. 98. Черновые наброски 1819 г.

1820.

CII. Сынъ От., 1820 г. № 4, стр. 175.
CIII. Эпиграмма. С. От., № 10, стр. 173.
CIV. С. От., 1820 г. № 12, стр. 265.
CV. Тамъ же, № 12, стр. 268.
CVI. Копія 1820 г. неполная. Рукоп. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 61.
CVII. Благонамѣр., ч. 9, стр. 120.
CVIII. » ч. 9, стр. 125.
CIX. » стр. 127.
CX. » стр. 128.
CXI. Тамъ же.
CXII. Рукоп. Сб. 1822 г., т. III, стр. 90.
CXIII. Тамъ же, т. II, стр. 91.
CXIV. «Стихи, вырѣзанные на мертвой головѣ». 1820 г. собствен. подпись. Тамъ же, т. III, стр. 1.
CXV. Всѣ эти эпиграммы напечатаны въ Благонамѣренномъ, ч. 9, стр. 128—129.
CXVI. Съ рукописи 1820 г. Объ этомъ стихотвореніи упоминаетъ самъ поэтъ въ своей автобіографіи.

1821 г.

CXVII. Нов. Собраніе Образц. Соч., ч. 2, стр. 132.
CXVIII. Напеч. всѣ въ Рецензентѣ, № 26, стр. 102—103.
CXIX. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 59.
CXX. Тамъ же, стр. 59.
CXXI. С. От. 1821 г. № 2 стр. 76.
CXXII. » № 13 стр. 277.
CXXIII. » № 27 стр. 38.
CXXIV. » № 10, стр. 129.
CXXV. » № 28, стр. 81.
CXXVI. Напеч. въ Утр. Зарѣ, 1841 г. стр. 235. Рук. Сб. 1821 г. т. II.
CXXVII. Благонам., ч. 13, стр. 204.
CXXVIII. »
CXXIX. » ч. 14, стр. 145. Подпись «Варшава»
CXXX. Тамъ же, ч. 14, стр. 146.
CXXXI. » стр. 147.
CXXXII. » ч. 14, стр. 146. Подпись «Варшава».
CXXXIII. С. От. 1821 г. № 48, стр. 83.
CXXXIV. С. От. № 48, стр. 80.
CXXXV. Изъ Рук. Сб. Кн. Долгорукова. Записана подъ 1821 г. стр. 98.

CXXXVI. Рук. Сб. 1821—22 г., стр. 63.
CXXXVII. Благонам., 1821 г., ч. 14, стр. 193.
CXXXVIII. Всѣ поставлены въ томъ видѣ какъ расположены въ рукописи того же года.
CXXXIX. Рук. Сб. 1821—22 г. т. III, стр. 7.
CXL. Тамъ же, 1821—22 г., т. III, стр. 9.
CXLI. Изъ Москвы 29 декабря 1821 г. Тамъ же, стр. 13.
CXLII. Копія 1821 г.

1822 г.

CXLIII. С. От. 1821 г. № 39 стр. 273.
CXLIV. » № 48 стр. 82.
CXLV. » № 50 стр. 177.
CXLVI. » № 50, стр. 178.
CXLVIII. Нов. Лит., кн. 1, стр. 143.
CXLVIII. Расположены такъ авторомъ въ Рукоп. Сб. 1822 г. т. II, стр. 53, и въ рукописи отдѣльной.
CXLIX. Копія 1822 г.
CL. Рук. Сб, 1822 г. т. II, стр. 88.
CLI. » 1822 г. т. III, стр. 14 помѣч. «Москва 13 ноября 1822 г.
CLII и CLIII. Два отрывка эти есть въ двухъ спискахъ; здѣсь помѣщены по болѣе полному списку 1822 г.
CLIV. Юпитеръ, Ѳебъ и момъ. Въ Рукоп. Сб. 1822 г. т. II, стр. 33.
CLV. Рукоп. Сб. 1822 г. стр. 38
CLVI. » стр. 44.
CLVII. » стр. 93.
CLVIII. Копія 1822 г. Напеч. потомъ въ 833 г. стр. 126.
CLIX. Рук. Сб. кн. Долгорукова, стр. 509, помѣч. 1821 г.

1823 г.

CLX. Соревнователь Просв. и Благ., 1823 г. ч. 23, стр. 69.
CLXI. Пол. Звѣзда, 1823 г. стр. 97.
CLXII. Всѣ четыре въ рукописи 1823 г. съ собственноручными поправками автора. Эпиграмма изъ Ж. Б. Руссо напеч. въ Пол. Зв., стр. 3,
CLXIII. Пол. Зв., 1823 г. стр. 182.
CLXIV. » 1823 г., стр. 186.
CLXV. » »
CLXVI. » стр. 266.
CLXVII. » 1823 г. стр. 268.
CLXVIII. С. От., 1823 г. № 1, стр. 35.
CLXIX. Въ Новостяхъ Лит., кн. 3, стр. 2.
CLXX. » 1823 г. кн. 3, стр. 2.
CLXXI. » 1823 г. кн. 3, стр. 63.
CLXXII. » кн. 2, № 6.
CLXXIII. Обѣ въ Пол. Зв., 1823 г. стр. 84—87.
CLXXIV. Въ Нов. Лит., ч. 3, № 8, стр. 124.
CLXXV. » ч. 4, стр. 59.
CLXXVI. » № 21, стр. 127.
CLXXVII. » № 38, стр. 187.
CLXXVIII. Дамск. Журн., 1823 г. № 6, стр. 234.
CLXXIX. » № 1, стр. 29.

CLXXX. Дамск. Журн., № 6, стр. 234.
CLXXXI. » № 17, стр. 175.
CLXXXII. » ч. 1, стр. 29 и 69.
CLXXXIII. » ч. 1, стр. 109.
CLXXXIV. » ч. 2, стр. 91.
CLXXXV. » ч. 2, стр. 133.
CLXXXVI. » ч. 2, стр. 172.
CLXXXVII. » ч. 3, стр. 77.
CLXXXVIII. Копія 1823 г. Эпигр. Ж. Б. Руссо.
CLXXXIX Дамск. Журн. 1823 г.
CXC. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 53.
CXCI. » » стр. 101.
CXCII. Копія помѣченная «1823 г. Москва».

1824.

CXCIII. Напеч. въ Нов. Литературы, 1824 г. ч. X, стр. 34.
CXCIV. «Отвѣтъ древняго мудреца», въ Нов. Лит., 1824 г. стр. 96, ч. X «Ландышь» тамъ же, ч. X, стр. 94; «Молотокъ и гвоздь», въ Пол. Зв., 1824 г. стр. 31.
CXCV. Напеч. въ Мнемозинѣ, 1824 г. № 1. стр. 47.
CXCVI. » № 9, стр. 44.
CXCVII. » № 2, стр. 45.
CXCVIII. Въ Нов. Лит., № 19, стр. 112.
CXCIX. Тамъ же, кн. 7, стр. 91.
CC. Въ Пол. Звѣздѣ, № 7, стр. 198.
CCI. » стр. 235.
CCII. » стр. 322.
CCIII. Изъ оперы-водевиль «Кто братъ и кто сестра». 1824 г. Помѣч. въ Сбор. кн. Долгорукова, стр. 144.
CCIV. Въ Нов. Лит., кн. 8, стр. 23.

1825.

CCV. Дамск. Журн. № 4, стр. 156
CCVI. Всѣ напечатаны въ Нов. Лит., 1825 г. февр. стр. 90, май, стр. 93, 98 и августъ, стр. 18.
CCVII. Въ Нов. Лит., Янв., 1825 г стр. 28.
CCVIII. Моск. Телегр. ч. 1, 1825, стр. 47.
CCIX. Нов. Лит., окт., 1825, стр. 65.
CCX. Моск. Тел. ч. 2 стр. 184.
CCXI. Моск. Тел. ч. 6 стр. 160.
CCXII. Тамъ же, ч. 3 стр. 161 и 215.
CCXIII. Въ Полярн Зв., 1825, стр. 33.
CCXIV. Тамъ же, стр. 191.
CCXV. Сѣв. Цвѣты, 1825, стр. 262.
CCXVI. » стр. 287.
CCXVII. » стр. 317.
CCXVIII. Тамъ же, стр. 298.
CCXIX. » стр. 298.
CCXX. Невскій Альманахъ, 1825, стр. 131.
CCXXI. Сѣв. Цвѣты, стр. 289.
CCXXII. Копія 1825 г.
CCXXIII. Также.

1826.

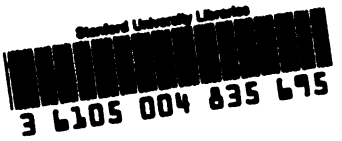
CCXXIV. Въ Моск. Тел. ч. 8 стр. 3.
CCXXV. Тамъ же, ч. 2, стр. 3.
CCXXVI. Первыя двѣ въ Моск. Тел., 1826, ч. 8 и 12, стр. 47 и 7, а третья въ Сѣв. Цвѣт. 1826, стр. 38.
CCXXVII. Въ Уранiи, 1826 г. стр.
CCXXVIII. Въ Сѣв. Цвѣтахъ, 1827, стр. 3.
CCXXIX. » стр. 53.
CCXXX. » стр. 63. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 20.
CCXXXI. » стр. 102.
CCXXXII. » стр. 108.
CCXXXIII. Невск. Альм., 1827, стр. 85.
CCXXXIV. Тамъ же, стр. 330.

1827 г.

CCXXXV. Моск. Тел., ч. 13, стр. 48.
CCXXXVI. » стр. 153.
CCXXXVII. » ч. 14, стр. 6.
CCXXXVIII. » ч. 15, стр. 3.
CCXXXIX. » ч. 15 стр. 5.
CCXL. Славянинъ, 1827, № 6 стр. 94.
CCXLI. Моск. Тел. ч. 18 стр. 38.
CCXLII. Тамъ же. ч. 16 стр. 3.
CCXLIII. Славянинъ, 1827, № 2 стр. 24.
CCXLIV. Сѣверные Цвѣты, 1827, стр. 146.
CCXLV. Тамъ же, стр. 296.
CCXLVI. Первый отрывокъ «Библiотека» напеч. въ Лит. Муз. 1827 г. стр. 149; второй въ Памятникѣ Отечеств. Музъ, 1827, стр. 30.
CCXLVII. Моск. Тел. 1827 г. стр. 122.
CCXLVIII. Копiя помѣч. 1827 годомъ. Подлинникъ принадл. Е. Н. Наумовой рожд. Ушаковой. Подпись автора: «вашъ усердный богомолецъ, коллежскiй совѣтникъ, почетный членъ Московскаго Университета и удостоенный прихожанами и нѣкоторыми прихожанками избранiемъ въ званiе церковнаго старосты въ «Маломъ Вознесенiи»·
CCXLIX. Моск. Тел. ч. III, стр. 216.
CCL. Съ автографа, сохранившагося между письмами кн. П. А. Вяземскаго 1827 года.
CCLI. По списку, находящемуся въ Сборникѣ кн. Долгорукова.

143-21-58
МГУ Учебная б-ка № 3

B181



Stanford University Libraries
3 6105 004 835 695

PG
3447
V5
1878
V.3

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUN 30 1994

JUN 06 1994